

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

Демьян Бедный

4

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

*СТИХОТВОРЕНИЯ, БАСНИ,
ПОЭМЫ, ПОВЕСТИ*

1930—1940

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

Составление и подготовка текста
А. А. ВОЛКОВА

Примечания
И. С. ЭВЕНТОВА

КЛАССОВЫЙ СУД

Бывший японский министр сообщения Огава, привлеченный к ответственности за взяточничество, выпущен на свободу под залог в 1 млн. иен.

С министра-вора взятки гладки:
Ему подносят шоколадки
И, как гласит газетный слог,
Дают свободу «под залог»
Затем, чтоб после приговора
Снять и залог с большого вора.
Но вот бедняк стянул пирог,
И суд к нему безмерно строг.
Вот судят как, любуйтесь, нате,
В одном американском штате:

Техас (Америка). Безработный Томас Мак-Грю, стащивший от голода кусок пирога, приговорен к пожизненному заключению в каторжной тюрьме.

«Беднота», 21 января.

«ПРОЦВЕТАНЬЕ»

Обследование рабочей статистики в САСШ установило, что до 20 процентов продавцов газет в 8 крупнейших городах САСШ моложе 10 лет. Есть газетчики 7,6 и даже 5 лет.

Чуть не грудных детей шатанье,
Ребячий труд, самопитанье...
И уверяют нас вруны,
Что это значит — процветанье
Сверхбуржуазнейшей страны!

ПОЧЕМУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

*В целях борьбы с безнравственностью
папа устраивает в Италии морской
курорт для духовенства, католических
школ и «моральных» людей.*

Борьба с безнравственностью! Bravo!
А на кого сия гроза?
Кто? Не поповская ль орава
Косит налево и направо
Свои блудливые глаза?
Но на курортах особлиго
Отцы ведут себя блудливо.
Так, что пришлось в конце концов
Спасать курорты и купальни
(Ведь это все-таки не спальни!)
От блудодействия отцов.

ГРЕХИ ПРОСТИМЫЕ И НЕПРОСТИМЫЕ

В американском консульстве в Иерусалиме из 14 чиновников 13 уволено за взяточничество.

В любом поповском вертограде
На складе
Ворох чепухи:
«Кто побывал в христовом граде,
Тому простятся все грехи!»

Кто не поверит этой чуши,
Тот есть безбожный малонер.
Американские чинуши —
Греха простимого пример.

Бунты рабочих, забастовки —
Вот непростимый грех! А тут...
Намылят жуликам головки
За то, что были так неловки...
И повышение дадут!

РОКОВАЯ ТЯЖБА

Столкновения в Гамбурге между полицией и безработными и ставшими на их защиту строительными рабочими продолжались 30 января до поздней ночи. В ряде мест рабочие возвели баррикады. 31 января столкновения возобновились с новой силой.

Так, безработные отряды
Кой-где возводят баррикады.
На языке скажу своем:
У них строительный подъем!
Смекает стан фашистов злобный,
Что даст ему подъем подобный,
И в тыл геройскому труду
Шлет полицейскую орду.
Но обладаем мы приметой,
Уже проверенной вполне,—
*Исход победный тяжбы этой —
На пролетарской стороне!*

ДИВО-ДИВНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ

«Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!»

Растрепала баба косыньку,
Разомлела от серпа.
Вышла баба жать полосыньку
И нажала... три снопа!

Рядом пахоть — не аршинная!
Трактор весело гудит.
Чудо-силушка машинная
Пашне, явно, не вредит.

Урожаи диво-дивные!
Не узнать: не та земля!
Вот что значит: коллективные,
Обобщенные поля!!

КРАСНОАРМЕЕЦ В КОЛХОЗЕ

Он — тракторист военной школы,
И землемер он не худой:
Сметает межи, частоколы
Красноармеец молодой!
На бранном поле воин грозный,
Сейчас грозит он кулаку,
Сейчас работник он колхозный,
Помощник брату-бедняку!

ДВА БИЛЕТА

(Памяти убитых на дальневосточном
фронте комсомольца тов. Г. Аникина
и партийца тов. И. Чеботаря.)

С какою возволнованно-нежной любовью
Рабочий, крестьянин, кузнец и поэт
Посмотрят на этот, окрашенный кровью,
Комсомольский билет!

С ним рядом — билет командира-партийца.
Он знал, куда метить, наемный убийца,
Оставивший пулей просверленный след:
Ущерб нанося пролетарскому строю,
Он *сердце* пронзил командиру-герою
И — хранимый у сердца — *партийный билет!*

Час грозный придет, и наш залп орудийный
Прогремит не однажды злодеям в ответ
За этот простреленный пулей, *партийный,*
И окрашенный кровью *комсомольский билет!*¹

¹ В редакцию газеты «Правда» были привезены с дальневосточного фронта два билета: комсомольский билет Г. Аникина, весь обгащенный кровью, и партийный билет коммуниста И. Чеботаря, пронзенный пулей.

«ПРОЩАЙ, БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ!»

ГПУ во вчерашней публикации
Разоблачило махинации
Рабоче-снабженческих дельцов,
Высокопробных подлецов
Белогвардейского сплава!
Честь ему и слава!
Разоблачение «заготовителей»,
*Раскрытие «организации вредителей
Рабочего снабжения»*
Стоит выигранного сражения.
Вредители проиграли войну.
Они — в плену!
ГПУ работает отменно!
Советский страж — на должной высоте!
Но вредители, скажем откровенно,
Тож не плелись у событий в хвосте.
Их активность значительна
И поучительна!
Их ловкость тож не мала:
Удалось нам раскрыть не попытку,
А свершенные многократно дела,
Причинившие нам немало убытку,
Убытку не только материального —
У идейно-вредительского крыла
Еще и работка была
Порядка политико-социального:
«Контрреволюция движется! Движется!
Мы — у власти! Гоп-ля!!»

Уж тянулася к власти интеллигентская
жижица,

Кондратьевско-громанская сопля!
Просчитались, однакоже, стервы.
Подвели их мясные консервы!

Переходя к моей вредительской работе, я должен указать следующие факты:

1) Зав. производственным отделом Троицкого мясокомбината Соколов в течение января, февраля и марта текущего года стал выпускать голые мясные консервы из трепухи, губ, небного мяса и т. п., несмотря на запрещение правления Союзмяса. В бытность в Москве в феврале с. г. Соколов, рассказывая мне об этом, говорил: «Ничего, съедят товарищи и это».

Из показания завед. консервн. отделом Союзмяса, бывш. полковника *Н. А. Куранова*.

Привожу факты конкретного моего вредительства в консервном производстве по Троицкому комбинату:

а) Допустил употребление в январе при производстве консервов трепухи.

б) Допустил производство консервов, в коих были грязь, глазное яблоко, волос, зубы и т. д.

Из показания инспект. Уральск. обл. конторы Союзмяса *С. Соколова*.

Консервы, поистине! Да!
«Пролетарская, ясно, еда!»
«Гас-с-с-па-да,
Попробовать, х-ха, не хотите ли?»
Смеются вредители.
Вредят и в ладоши от радости хлопают:
«Товарищи слопают!»
«Ах-ха-ха!»
«Ах-ха-ха!»
«Грязь!» — «Кишки!» — «Требуха!»
«Дерьмо, извините, воловь!»
«Все сожрут на здоровье...
Виноват, на гибель свою!»
«Даешь-ш-ш-шь кан-с-с-с-ерь-вы!» — «Даю!!»
И давали действительно,
Ухмыляясь язвительно,
Колбасную гадость —
«Собачью радость»,
И консервы с зубами,

Губами,
Кишками,
Глазами...
«Кушайте сами!»
Чудо-консервы! Советский патент!
Ел их рабочий, пролетарский студент,
Работницы-матери, малые дети
Ели консервы проклятые эти,
Дрянь и мерзость застуженную,
Получившую кличку заслуженную:
«Прощай, молодая жизнь!»

*

Пусть же нынче вредительский стан содрогнется:
Кличка эта сегодня на него обернется!
Беспощадным ответом на его «заготовки»
Будет краткая речь пролетарской винтовки:
«Прощай белогвардейская жизнь!!»

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛНИЯ

Сверкает хищный глаз. Оскалены клыки.
Последний, острый взмах вредительской руки.
И — нет вредителя! Его настигла кара.
Его пронзила и сожгла
Неотразимая стрела
Молниеносного удара!
Знай, враг, шагающий к вредительской меже:
Наш часовой — настороже!

РАЗВИВАЕМ ХОД!

Гниль тонкоствольная испуганно трясется:
«Нет, этой скоростью немислимо идти!»
Локомотив истории несется
По генеральному пути.

Тринадцать станций, лет — каких! — остались сзади.
Разгон велик. И машинист — гроза.
Гниль в страхе мечется: «Спасите!»
«Бога ради!»

«Ах, бога ради!»
«Где тормоза?»

«Ай, где-то звякнуло!»
«Ай, где-то прогремело!»
Гниль бревнышки сует на рельсы очумело.
«Тринадцать!» Роковой для суеверов год.
...Суровый машинист уверенно и смело
Пронзает взором даль и — *развивает ход!*

ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОЕ ДЕЛО

Каждый день по утрам мы
Читаем телеграммы,
Приносящие нам вести
Из страны насилия и мести,
Насилия Чан Кай-ши и империалистских гадов,
Мести красноармейских китайских отрядов.
Газета «Норд Чайна дейли ньюс»
Пишет открыто: «Не таю-с!
Таить невозможно:
Положение тревожно.
Растут красные войска.
Несмотря на все старание,
Красная опасность столь же велика,
Даже больше, чем ранее!»
Да, нечем газете утешаться:
Красная опасность не хочет уменьшаться.
Беднота заодно с красными частями.
Неприятно делиться такими вестями?
«Дагун-бао», газетка другая,
Коммунистов ругая,
Понять все же кое-что старается,
До сути дела добирается:

«Недавно появилось много официальных сообщений о победах правительственных войск над коммунистами. На самом деле коммунисты не разбиты; их части просто переходят с места на место. Коммунисты на занимаемых территориях уничтожают все признаки частной собственности, что приводит к разрушению существовавшей там социальной структуры». Газета признает, что коммунистические идеи

пользуются огромным успехом среди масс населения на юге и в Среднем Китае. Газета высказывает опасение, что условия жизни на севере Китая «могут стать плодотворной почвой» для усиления влияния коммунистов в массах. «Население Северного Китая,— пишет газета,— живет в нечеловеческих, ужасных условиях. Растет безработица.

Что ж эта газета набралась совести?
Иль преподнесла нам какие-либо новости?
Она не знала ранее,
Что средь китайской бедноты сплошное
вымирание,
Что жизнь ее — роковая западня
Не со вчерашнего дня,
Что мы жуткие детали
Чуть не в нашем детстве читали:

У китайцев есть своеобразный обычай, более распространенный, нежели думают в Европе, обычай выбрасывать новорожденных детей... Бросают... или топят... Варварский обычай, вызванный социальными условиями!

*С. Гедин. В сердце Азии. СПб. 1899.
Том 2, стр. 417—418.*

Вот и весь разговор.
Какая бездна хладнокровия
В ученом европейском муже!
Но разве с тех пор
Социальные условия
Не сделались хуже?
И разве они
В наши дни
Чужды Европе, все ужасы эти?
Матерями в Европе не убиваются дети?
Разве ужасу этому Европа чужда?
Разве не заставляет нужда
Безработные гибнуть семейства?
Сколько лжи, лицемерья, злодейства,
Какие преступные фигуры
Прикрывают «гуманность» буржуазной
культуры.
Разве не несколько дней лишь назад
Весь фасад

Вечерней берлинской газеты—
Каждый день приносит такие сюжеты! —
Не был поистине страшен?
Не был «шапкой» такую украшен:

УЖАСНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ МАТЕРИ
В ОТЧАЯНИИ УТОПИЛА СОБСТВЕННОГО
РЕБЕНКА В ТЕГЕЛЬСКОМ ОЗЕРЕ

(«Die Welt am Abend» от 11/XII)

Да, утопила!..
Малютку!..
Сынишку!..
Резвого шалунишку!..
Утопила сама!..
Сошла, бедняжка, с ума!..
Целый год без работы...
Изнурили нужда и заботы...
Голод...
Холод...
Зима...
Жалость к ребенку рассудок убила.
Мать родная сама
Родное дитя утопила!..
.....

Товарищ! Европейский рабочий, читай:
Заливаемый кровью рабочих Китай,
Китайской нуждой изнуряемый,
Европейскими пушками усмиряемый,
Это — прообраз европейской судьбы,
Пролетарской судьбы,
Если б сердце рабочих к борьбе охладело.
Нет отдельной китайской революционной
борьбы,
Есть борьба за общепролетарское дело!

СТАРЫЕ КУКЛЫ

К игрушкам дооктябрьским, детки,
Тянулись долго ваши предки,
Чтоб их схватить, потеревить,
Все изломать и истребить
И с кучей старенького хламу
Забросить в мусорную яму.

Был для рабочих и крестьян
От них один сплошной изъян:
Все эти страшные игрушки
В руках имели войско, пушки,
Кнуты — у каждой по кнуту —
На трудовую бедноту,
И беднотою, как хотели,
Они играли и вертели.

Конец всей этой злой игре
Был в большевистском *Октябре*:
Народ встряхнулся, встрепенулся,
К игрушкам подлым дотянулся
И так тряхнул их — пыль столбом!
Теперь посмотримте в *альбом*.

Вот это — *царь*,
Глава всей банды.
Он только знал
Слова команды:
«Рас-се-я,

Смир-р-р-но!..
Стой!.. назад!»...
Большой дурак,
Хоть и усат.

Игрушка важная — *сановник*.
Народных бед и слез виновник,
Бездушный злобный бюрократ
Держал в руках весь аппарат.

Митрополит.
Служитель божий,
Колдун брюхатый, толсторожий,
Дурил народ,
морил постом,
Глушил кадилом
и крестом.

Помещик.
Вид высокородий.
Владелец множества угодий.
Считая мужика скотом,
Всегда стоял над ним с кнутом.

Капиталист.
Заводчик. Туша.
На все способный ради куша.
Рабочих гнул в бараний рог.
Под ним — завод,
не то — острог.

Купец.
Был твердым старовером.
Жирел обвесом и обмером.
Над бедняком чиня разбой,
Рычал: «Терпи, Христос с тобой!»

Судья.
Безжалостный. Бесчестный.
Был приговор его известный:
«Кто против барской кабалы,
Того навеки в кандалы!»

Жандарм.

Тюремщик и убийца.
Шпион, свирепый кровопийца.
Пес, охранявший царский строй
Своею подлою игрой.

Городовой.

Такой-то части.
Фундамент главный царской власти.
Везде — торчал, рычал, стращал,
Держал, тащил и не пушал.

О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

Склонясь к бумажному листу,
Я — на посту.
У самой вражье-идейной границы,
Где высятся грозно бойницы
И неприступные пролетарские стены,
Я — часовой, ожидающий смены.
Дослуживая мой срок боевой,
Я — часовой.
И только.
Я никогда не был чванным нисколько.
Заявляю прямо и раз навсегда
Без ломания
И без брюзжания:
Весь я — производное труда
И прилежания.
Никаких особых даров.
Работал всюю, пока был здоров.
Нынче не то здоровье,
Не то полнокровье.
Старость не за горой.
Водопад мой играет последнюю пеною.
Я — не вождь, не «герой».
Но хочется так мне порой
Поговорить с молодой сменою.
Не ворчать,
Не поучать,

Не сокрушенно головою качать,
Не журить по-старчески всех оголтело.
Это — последнее дело.
Противно даже думать об этом.
Я буду доволен вполне,
Если мой разговор будет ясным ответом
На потоки вопросов, обращенных ко мне:
«Как писателем стать?»

«Как вы стали поэтом?

Поделитесь вашим секретом!»
«Посылаю вам два стихотворения
И басню «Свинья и чужой огород».
Жду вашего одобрения
Или — наоборот».
Не раз я пытался делать усилие —
На все письма давать непременно ответ.
Но писем подобных такое обилие,
Что сил моих нет,
Да, сил моих нет
Все стихи разобрать, все таланты увидеть
И так отвечать, чтоб никого не обидеть,
Никакой нет возможности
При всей моей осторожности.
После ответного иного письма
Бывал я обруган весьма и весьма.
Человек, величавший меня поэтом,
У меня с почтеньем искавший суда,
Обидясь на суд, крыл меня же ответом:
«Сам ты, дьявол, не гождь никуда!
Твое суждение глупо и вздорно!»
Благодарю покорно!
Я честным судом человека уважил
И — себе неприятеля нажил.
Вот почему нынче сотни пакетов
Лежат у меня без ответов.
Лечить стихотворно-болезненный зуд...
Нет, к этим делам больше я не причастен.
А затем... Может быть, и взаправду мой суд
Однбок и излишне пристрастен.
И сейчас я тоже никого не лечу.
Я только хочу

В разговоре моем стихотворном
Поговорить о главном, беспорном,
Без чего нет успеха ни в чем и нигде,
О писательском — в частности — *тяжком*
и черном,

Напряженно-упорном,
Непрерывном труде.

Вот о чем у нас нынче — так и прежде бывало!—
Говорят и пишут до ужаса мало.
Убрали мы к дьяволу, скажем, Парнас,
Ушли от превыспренных прежних сравнений,
Но все же доселе, как нужно, у нас
Не развенчан собой ослепленный,
Самовлюбленный,
Писательский неврастенический «гений».
«Гений!», это порожденье глупцов
И коварных льстецов,
Это первопричина больных сомнений
И печальных концов.

Подчеркиваю вторично
И категорично,
Чтоб сильней доказать мою тезу:
Не лез я в «гении» сам и не лезу,—
Я знаю, какие мне скромные средства
Природой отпущены с детства.
Но при этаких средствах — поистине скромных—
Результатов порой достигал я огромных.
Достигал не всегда:
Писал я неровно.
Но я в цель иногда
Попадал безусловно.
Врагов мои песни весьма беспокоили,
Причиняли порой им не мало вреда,
Но эти удачи обычно мне стоили
Большого труда,
Очень, очень большого труда
И обильного пота:
Работа всегда есть работа.
Зачем я стал бы это скрывать,
Кого надувать?

Перед кем гениальничать,
Зарываться, скандальничать?
Образ был бы не в точности верен —
Сравнить себя с трудолюбивой пчелой,
Но я все же скрывать не намерен,
Что я очень гордился б *такой* похвалой.
И к тому разговор мой весь клонится:
Глуп, кто шумно за дутою славою гонится,
Кто кривляется и ломается,
В манифестах кичливых несет дребедень,
А *делом* не занимается
Каждый день,
Каждый день,
Каждый день!

Гений, подлинный гений, бесспорный,
Если он не работник упорный,
Сколько б он ни шумел, свою славу трубя,
Есть только лишь дробь самого себя.
Кто хочет и мудро писать и напевно,
Тот чеканит свой стиль ежедневно.
«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто ежедневно с бою их берет!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной,
Дитя, и муж, и старец пусть идет».

Гете. «Фауст».

Мы все в своем деле — солдаты,
Залог чьих побед — в непрерывной борьбе.
Творец приведенной выше цитаты
Сам сказал о себе:

Меня всегда считали за особенного счастливица, и я не стану жаловаться и хулить течение моей жизни. Однако в сущности она была только труд и работа, и я могу сказать прямо, что вряд ли за свои семьдесят пять лет я провел четыре недели в свое удовольствие. Моя жизнь была вечным скатыванием камня, который требовалось подымать снова.

Гете. Разговоры, собранные Эккерманом. Запись от 27 января 1824 г.

А можно ли наш жизнетворческий строй
Сравнить с той далекой-далекой порой,
Когда Гете не мог оторваться от мифа

О бесплодной работе Сизифа?
Наше время иное,
Пролетарско-культурно-победно-стальное!
Мы не зря ведь учились в ленинской школе.
Нам должно подтянуться тем боле,
Чтоб в решающий час не попасть нам впросак.
Наша литература — не дикое поле,
Пролетарский писатель — не вольный казак.
Не нужна, ни к чему нам порода писак
Богемски-разгульной, ленивой повадки.
Писатель культурно-творческой складки,
Колоссальный, стихийно-могучий Бальзак,
Болел разрешеньем «ужасной загадки»:
Что в искусстве главнейшее — в литературе,
В музыке, в живописи и в скульптуре?

Скульптура есть непрерывное осуществление того события, которое в живописи единственный раз и навеки олицетворилось именем Рафаэля! *Разрешение этой ужасной загадки основано исключительно на непрерывном, постоянном труде*, так как тут физические трудности должны быть настолько побеждены, рука должна быть до того выправлена, послушна и покорна, что скульптор может бороться заодно с тем неуловимым духовным началом, которое приходится олицетворять, облекая его плотью и кровью. Если бы Паганини, который умел передавать свою душу в струнах скрипки, провел три дня, не упражняясь в игре, он бы внезапно превратился в обыкновенного скрипача.

Непрерывный труд есть закон для искусства точно так же, как закон для существования, так как искусство есть идеальное творчество. Потому-то великие артисты, истинные поэты не ждут ни заказов, ни покупателей: *они производят сегодня, завтра, вечно. Из этого вытекает привычка к труду, это непрерывное столкновение с трудностями*, поддерживающее их в постоянном сочетании с музой, с ее творческими силами. Канова жил в своей мастерской, и Вольтер жил у себя в кабинете. И Фидий и Гомер, должно быть, поступали так же.

Бальзак. «Бедные родственники».
Собр. соч. в русск. перев. Изд.
1896 г. Т. II, стр. 196—197.

Я наспех пишу. По заказу.
Всего не высказать сразу.

Тороплюсь основное сказать как-нибудь,
Не дав своим мыслям надлежащей чеканки.
Молодых творцов, лишь начавших свой путь,
Спешу отвлечь от опасной приманки.
Нет «жрецов», «алтарей» и «лавровых венков»,—
Ни к чему атрибуты нам дряхлых веков
И эстетическое худосочие.

*Соцстроительство — дум наших всех средо-
точие.*

*Мы у письменных наших — не столов,
а станков—*

Мастера и рабочие.

*Подчинясь трудовому режиму суровому,
Осознав, как подъем наш опасен и крут,
Окультурим и облагородим по-новому
Боевой, пролетарский писательский труд!*

Э Л Е К Т Р О - Ж А Р - П Т И Ц А

*К десятилетию государственного плана
электрификации, то есть плана ГОЭЛРО.*

*С новым годом!
С решающим годом!
С основным трудовым переходом!
С крутым перевалом,
Который надо перевалить!
Речь идет не о малом!
Большевистским закалом
Все себя мы должны закалить,
Чтоб препятствия все удалить,
Чтобы нам — с напряженьем всего организма
И хозяйственного механизма —
Достроить фундамент социализма!
Скрепим его сталью, бетоном.
А потом — за стены, за свод,
Наконец займемся фронтоном!
Наступил решающий год!
«Решь-шяющий?!. Вот!»
Кто там шамкает где-то?
Надо вдуматься в это!
Надо это понять!
Кто не хочет понять
Иль понять неспособен,
Чем год по-особому этот особен,
Тому неча пенять,
Если при перекличке строителей
И победителей
В советской земле*

Повсеместно
Прозвучит его имя в числе
Или темных вредителей,
Поступавших
Бесчестно,
Иль в числе безнадежно отставших
И пропавших
Безвестно.
Кто там шамкает про неувязки?
Кто там, полный опаски,
Боится — чего? Не борьбы ль?
Какой трухлявый бобыль
Унылые мямлит побаски?
Разве наша советская была
Не упоительней сказки?
Что мы в сказках слышали?
Что деды и прадеды наши пахали,
Пред царем и пред богом дрожали, вздыхали,
Тому и другому бухаясь в ноги,
Платили налоги,
Сами часто перебивались едой —
Хлебом с водой,
Да и хлеб-то нередко бывал с лебедой,—
Покоряясь начальства орде тунейной,
Жили век в *темноте непроглядной*,—
И сказочный только Иван-дурачок,
Мужичок-серячок,
Однажды дорвался до света.
Всем известна нам сказочка эта
О сиявшей в царской столице
Волшебной «жар-птице»,
Как Ивашка, до царских добравшись хором,
Поживился жар-птицыным светлым пером.
До чего эта сказочка кажется детской
В сравнении с былью советской!
Как поблекли все старые сказки, поверья!
Поглядите, какие волшебные перья
Сверкают у нас пред глазами!
Какими сверхсказочными чудесами
Нас новая жизнь ежедневно дарит!
Перед нами горит,

Покорив необъятный размах расстояний,
Миллиардами солнечно-ярких сияний,
За пером распуская перо,
Чудо-птица,
Электро-жар-птица, —
Зовется она так хитро —
ГОЭЛРО!
В ее свете обильном,
С каждым днем все более сильным,
Пролетарская наша сверкает столица,
Новой стройкой охваченные города,
Заводы и шахты, поезда и суда,
За деревней деревня, за станицей станица,
Суша, вода,
Вся страна под флагом пролетарского цвета
Торжественно, празднично входит сюда —
В потоки гигантского электросвета.
Дивной электроптице всего десять лет,
Но какие она уж преграды сносила!
ГОЭЛРО — не только *электросвет*,
Но и *электросила!*
И она, эта сила,
Ускоряя темпы движения,
Умножая свои достижения,
Побивая свои же рекорды,
Покажет, что все буржуазные Форды
Перед силою коллективного,
Творчески-дивного
Пролетарского гения
Не заслуживают никакого сравнения.
За работу!
В поход!
Перед нами — решающий год!
Кто там шамкает где-то?
Надо вдуматься в это,
Надо это понять,
Надо крепко понять,
На каких дрожжах наша жизнь забродила,
Чтобы после на нас не пенять,
Очутившись в зубах... «Крокодила».

ВМЕСТО ПРИВЕТА

Делегатам IX Всесоюзного съезда ВЛКСМ.

Я думал — зычно и солидно
Вам дать развернутый привет.
Но получилось так обидно:
Болезнь подкралась ехидно
И весь мой план свела на нет.

Я не из тех, кто без умолку
Трезвонит модным докторам.
(От них я видел мало толку!)
Зато, читая «Комсомолку»,
Я оживаю по утрам.

То, что сожмет она, спрессует
(Бумажный голод строки ест!),
Воображенье дорисует:
Вот — обсуждает, голосует
Девятый комсомольский съезд!

Оратор. Что ни мысль, ни фраза,
То комсомольский динамит.
Так жарко, тесно — до отказа.
Весь зал, исполненный экстаза,
Рукоплесканьями гремит.

В нем столько крепкого задору
И полнокровного отпору
Всем, всем пророчествам худым!
Какое счастье в нашу пору
Здоровым быть и молодым!

«ПЕРЕКОПСКАЯ»

Походная песня

*Посвящается краснознаменной 51-й
Перекопской дивизии.*

Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!

Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!

Нынче снова строят плутни
Злые трутни
И шмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!

Но... скажи нам только: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

Воют в страхе чуть живые
Биржевые
Короли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Биржевые короли!

Их машины и вагранки,
Биржи, банки
На мели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Вражье дело на мели!

А у нас иные думы.
Все в поту мы
И в пыли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Все в поту мы и в пыли!

Заводских громадин только
Эвон сколько
Возвели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Сколько фабрик возвели!

Пахнет слаще нам, чем роза,
Дух навоза
И земли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли,
Прут колхозы из земли!

Чтоб свалить судьбу-недолю,
Всю мы волю
Напрягли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всю мы волю напрягли!

Не собьет нас вражья жалость,
Чтоб мы малость
Прилегли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб всхрапнуть мы прилегли!

Чтоб враги нас, вялых, шалых,
Оплошалых,
Взять могли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли лю-ли!
Чтоб нас сонных взять могли!

Вражья жалость дышит мезтью!
Кто там — с лезтью?
Стань вдали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Просим честью
Стать вдали!

С богатырской силой дивной,
Коллективной,
Не шали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Нынче с нами не шали!

А не то... Нам скажут: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

УБЕРЕМ С ПУТИ

«Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна...»
Очутилася у кручи
Меньшеви́стская шпана.

Шпанка явно увядает.
Срам страшнее, чем террор.
Беспощадно насаждает
Большеви́стский прокурор.

Соскребет кусочек грязи,
А под грязью хлещет гной:
«Есть с рабочим классом связи?»
«Сорвалося! Ни одной!»

«Где видались вы с Даном?..
Вандервельде что сказал?..
Были в смычке с белым станом?» —
Напряжен судебный зал.

Гвоздь вопроса всеми понят,
Подсудимые сдают.
«Сколько их? Куда их гонят?
Что так жалобно поют?»

Меньшеви́стски-безобразны
В продувной своей игре,
«Закружились бесы разны,
Словно листья в ноябре».

«Мы мечтали вместе с Даном:
Интервенция вблизи!»
«Мы с торгпромовским карманом
Находились в связи!»

Им и стыдно и обидно...
Все глядят по сторонам.
«Хоть убей, следа не видно:
Сбились мы. Что делать нам?»

Фразы деланно-трескучи,
Но вся гниль насквозь видна.
Треск словесный не из тучи,
А из кучи...
Вот она!

К ней сумеем — к неопрятной! –
Мы с лопатой подойти
И с брезгливостью понятной
Уберем ее с пути!

«ОБЩИЙ БЛОК»

Языки б хоть прикусили!
Нет, «Соц-вестники», «Рули»
Вдруг в одно заголосили,
Желто-белые вдали.

Прикрывая с фронтом белым
Общей гнусности этап,
Врет с нахальством отупелым
Меньшевистский желтый штаб.

«Не слышали! Не видали!
Нет на нас грехов и вин.
Финн сказал — мы деньги дали!
Провокатор этот Финн!»

Так они невинно-просты,
Финн, однако, на суде
Заявил: «Не все прохвосты
И в ответе и в беде:

Мы тут влипли, дуралеи,
А в Берлине главари
«Унтер Линден» вдоль аллеи
Ходят, черт их побори!»

Обоснованная злоба.
Финн взывает из суда:
«Абрамович с Даном, оба,
Не угодно ли сюда?!»

«Не угодно» им, конечно.
Знают, ждет какой их блин,
Но, однакоже, не вечно
Будет раем им Берлин!

Грянет гром и над Берлином,
Стены прошлого валя.
И тогда сойдется клином
Под прохвостами земля.

И тогда совместно с Даном
Абрамович даст ответ:
«Да, мы жили век обманом.
В нашем прошлом правды нет.

Мы рабочим нагло вдали,
Мы втирали им очки.
У буржуев деньги брали
И ходили в кабачки.

Сочиняли там мы планы
За стаканами винца.
Приезжали к нам болваны
Вроде Финна-щельмеца.

Обращались к нам и Шеры
За получкой директив:
«Принимать какие меры?
Как сколачивать актив?

С кем нам в блок вступить уместно?»
Мог ли быть ответ иным:
«Да работайте совместно
Хоть с жандармом отставным!

Хоть с погромщиком отпетым!
Общий блок необходим!
Общий лозунг: прочь ссветы!
Мы другого не хотим.

Пусть империей расейской
Правит барин. Он умней.
Мы привыкли жить в лакейской,
И останемся мы в ней!»

Абрамович с Даном, оба,
Будут жалобно тужить:
«Дайте как-нибудь до гроба
Нам смирнехонько прожить!»

Мы ж — по ясной всем причине —
Эту пару по трудам,
Хоть она в лакейском чине,
Приравняем к господам,

К родовитым фон баронам,
К живоглотам-богачам,
К политическим шпионам,
К старым царским палачам,

Блоку барства и лакейства —
«Общий блок необходим!» —
*Мы за общие злодеяния
Общей мерой воздадим!*

«В АМЕРИКЕ НЕТ РАБСКОГО ТРУДА»

Ах, правду пишут о большевистских тиранах!
Да, да, да!
Только в буржуазных культурных странах
Рабского нету труда!
Особливо в Америке!
Ах, в свободной Америке!
Можно прийти от нее в экстаз!
Вы не слышали о гражданине Ерике?
О Никанор Аполлоныче Ерике?..
Так вот его собственный рассказ.
Он, голодая в белой эмиграции,
Очутился на фордовской плантации.
Дошла до него молва
Такова
(Не подумал Ерик, что молва эта хламная,
Вербовочно-рекламная):
Заработки-то, дескать, у Форда
До какого доходят рекорда!
Лишь почудиться может спросонку!
На реку Амазонку
Гений этот залез,
Сводит там дикий лес
И землю, жирную сказочным туком,
Засаживает каучуком
На предмет эксплуатации
Резиновой плантации.
Всех, кому подработать не лень,
Привлекает такая приманка:
От пяти до пятнадцати долларов в день

Выдается у Форда рабочим из банка!
Моментально наш Ерик помчался туда.
А нынче он вопит оттуда:
«Ай, беда!
Ай, беда!
Ай, беда!»
(Этот вопль оглашает газета-паскуда,
Называемая эмигрантским «*Рулем*»,
Помеченная 27-м февралем.)
Жалкий Ерик вопит в истерике
О «свободном труде» в Америке:

Узнав, что на резиновых плантациях Форда постоянно нужны рабочие, я решил, что это самый благоприятный случай познакомиться с заманчивой рекой Амазонкой и ее возможностями.

Из каких-то неведомых источников ползет по миру слух, что у Форда на плантациях платят от 5 до 15 долларов. И со всех сторон приезжают сюда специалисты по разным отраслям. *Но всех их ждет неприятное разочарование.* Не многим удается получить более 10 мильрейсов в день (около 1 доллара на американские деньги). И большинство соглашается, так как обычно едут на последнее и на обратную дорогу денег нет... Медицинскому осмотру подвергаются все, желающие поступить на работу, и *бракуют около половины желающих.*

...Оказалось, что все рабочие спят по ночам в собственных самодельных гамаках, так как на них трудно взобраться муравьям, змеям, крысам и т. д. Зато москитам открыт доступ со всех сторон.

...Работать приходилось под отвесными беспощадными лучами тропического солнца. Тракторы поднимают целые тучи мельчайшей пыли. Она проникает во все поры и в легкие трактористов, и *смертность выше среди них, чем среди остальных рабочих.* При вскрытии в легких обнаруживаются целые залежи этой пыли.

...*Хлеба не дают. Пища вареная, но очень плохого качества, часто с душком и весьма однообразная:* обычно мясо и прелый, недоваренный рис в шелухе. За это продовольствие высчитывается чуть не половина заработка.

Жизнь проходит в полном однообразии, развлечений никаких... Правда, было одно празднество в день годовщины освобождения от рабства. Уж в пять часов утра запыликали, запищали, затрубили. любители-музыканты из рабочих, *не чувствуя, повидимому, горькой иронии этого торжества.*

...В здешних лесах — масса всевозможных животных, гадов, диких хищников... Масса зверей, о существовании которых я и не подозревал... Но, кажется, всего разнообраз-

разнее микробы, особенно охотно нападающие на утомленных, измученных жарою европейцев. Есть микроб, который размножается под кожей, умерщвляя тело... Захватить лихорадку тут очень не трудно... *Смертность здесь колоссальная среди рабочих. Штук пятнадцать могил всегда стоят наготове: умирают ежедневно.*

«Руль» от 27 февр. 1931 г. № 3118. Очерк «На плантациях Форда».

Ну, чем не сплошная идиллия?
Свобода. Никакого насилия.
Никакого похабства.
Праздновали *освобождение от рабства!*
Говорили ораторы темные,
Несомненно, прохвосты наемные,
О рабском труде,
Чуть не о забастовках —
Ну, известно, где:
На советских лесных заготовках!
Культурнейшие господа иностранцы,
Американцы,
Нынче леса у нас не берут.
Принудительный труд!
Говорили ораторы темные,
Прохвосты наемные,
Ловко пряча улыбку в усах,
О советских засыпанных снегом лесах,—
*Говорили, собравши цинично собрание
У могил, для рабочих нарытых заранее,*
Говорили, кусая со смеху губы:
«О, если б советские лесорубы
Увидали плантацию эту,
К нам попали б на праздник сюда!
Они б убедились, что в Америке нету
Принудительного труда!»
Ораторы темные,
Прохвосты наемные,
Не жалели слов блудливо-умильных,
Прибегали к газетным буржуазным статьям,
Толпа рабочих больных и бессильных
Понуро их слушала... возле могильных
Свежевырытых ям!

ДО РЕШИТЕЛЬНОЙ...

(К выполнению нефтяной пятилетки в 2½ года)

Пятилетка нефтяная
Завершилась в полусрок.
Эх ты, милая, родная,
До чего нам это впрок!

Точно раннею весною
Первой ласточки прилет:
Далеко еще до зною,
Но уж рухнул зимний лед.

Но уж дни теплей и ярче,
Но уж соки всюду прут.
Но бодрей,
Спорей
И ярче
Боевой весенний труд!

За границей с кислой миной
Все враги поднимут лай:
«В два, представьте, с половиной!»
«Ай-ай-ай!»
 «Ай-ай!»
 «Ай-ай!»

Лайте, сколько вам угодно,—
Нам на это наплевать.
Вы ж кричали. «Сумасбродно!»
«Пятилетке не бывать!»

«Несерьезно!» — «Водевильно!»
«Дураков лишь надувать!»
«Невозможно!» — «Непосильно!»
«Пятилетке не бывать!»

Вы кляли ее словами
И грозили ей войной.
А она вот — перед вами
В виде вышки нефтяной

В виде вышки небывалой —
С морем нефти в глубине,
Со звездой яркоалой
На гигантской вышине!

Нефтяной фонтан ударно
Выполняет наш заказ!
Это зрелище кошмарно
Для горящих вражьих глаз!

Но для нас картина эта —
Выполняемый обет,
Боевая эстафета
Наступающих побед!

Вслед за нею, за досрочной,
За победой нефтяной,
Загремит на базе прочной
Фронт чугунный и стальной!

Пятилетка поначалу
Вышла в море — хлябкий плот.
Но к победному причалу
Подойдет могучий флот.

Подойдет. И станет грозно.
И опять, скопив пары...
Сумасбродно?! Несерьезно?!
До решительной поры!!

ЗА ТЕХНИКУ И ЗА УЧЕБУ!

Пролетписателям «амовцам».

Вот уперся во что весь вопрос-то:
Не все то просто, что выглядит просто.
Это не ново.
Есть вещи простые до смешного,
Всем, как говорится, известные.
Разговоры о них — разговоры неуместные,
Чего, дескать, тут толковать!
Ан — хватъ! —
На проверку не то получается.
Толкуют о красоте:
«Красота — в простоте!»
Но такой простоте человек *обучается*.
Известно, к примеру, от века,
Что у нормального человека
Имеются две ноги.
Натянув на них сапоги
Иль ботинки, вообще, что имеется,—
Не рукавицы, разумеется! —
Человек идет, куда ему нужно,
Походкой простой но простой лишь наружно:
Один идет — хилым задом виляет,
Другой — не идет — ковыляет,
Третий ступню выворачивает,
Четвертый ноги раскорячивает,
Пятый, как утка, качается...
Что на проверку получается?
Походка, и та

Не так-то проста.
Плетется иной, согнувшись фигурую
Уныло-понурую,
Волочит и этой и тою ногой.
Но его не узнать, если годик-другой
Обработать его физкультурюю.
Подойдет к нему кто-то, понимающий дело,
Повернет раскоряку умело
Направо, налево, кругом,
Заставит пробежаться бегом,
Пройтись твердым шагом,— тут скажет,
Там примером покажет,
Подберет раскоряке живот,—
Глядь, Федот
Уж не тот:
Был тюфяк, вдруг — полнейшее преобразование!
Стройность вместо унылой дуги!
Другое совсем выражение!
Другие шаги!
На стройных ногах окрепшее тело!
Похож на тюфяк? Не похож!
Вот так и всякое дело.
Писательство тож.
Кажется просто так сразу:
Наматывай фразу на фразу,
Рассказывай,
Щедро размазывай—
Не рассказ, так смешной анекдот,
Авось да что-либо получится!
Нет, в писатели выйдет лишь тот,
Кто писательству каторжно учится,
«Стиснув зубы», как Сталиным сказано точно.
Лишь что взято упорной борьбою, то — прочно,
И к тому моя речь,
Чтобы юных соратников предостеречь
От погони за легкими пусто-успехами.
Тяжел на редкость писательский труд,
Подъем к мастерству очень крут,
Перевалы отмечаются вехами,—
Берется упорно этап за этапом,
Этап за этапом,

Устремив точно натиск, не вкривь и не вкось,
Чтобы не сорвалось,
А не так — разудалым нахрапом:
Выйдет, нет ли! — эх, дуй на авось!
Я пишу вам про эту механику
Не затем, чтоб нагнать на вас панику.
Наоборот!
Вы все — молодые. Вы — храбрый народ.
Речь к тому моя клонится, чтобы
Перед штурмом учебы
Вы не дрогнули, взяли б учебу в штыки,—
Виноват, по-писательски: в перья!!
Ваши свежие силы так велики!
Больше к собственной силе доверья!
Пролетарская сила все преграды берет,
Гору сносит, сметает лесную чащобу!
Веселее, смелее, задорней — вперед!
За технику и за учебу!

НОВАЯ ПОБЕДА

Пьянит сильнее, чем вином,
От радостной отметки:
«Ур-ра! На фронте нефтяном
Победа *«пятилетки»!*

Но вот побед уж нынче две
(По «спаренной» методе!):
Шум ликования в Москве
На *Электростроительном*!

Потом еще, еще завод!..
Потом, как мощный ледоход,
«Торжественно и чудно»
Вступать начнут гиганты в ход!..

*Эх-ма! Что будет через год,
Представить даже трудно!*

ПОТОНУТ!

В Испании свергли короля Альфонса.

Из газет.

Потонут все бедняжки короли!

Б е р а н ж е.

Французское правительство решило посадить на престол Сирии сына бывш. гаджасского короля Гуссейна, принца Али.

«Р у л ь» от 11 апреля.

Еще один свалился с пьедестала
Короною венчанный дуралей.
Рискованна беда как нынче стала
Профессия несчастных королей.
«Уж океан вздымается опасно.
Эй, берегись!— кричу князьям земли.
Кто скажет мне: я брежу? Дело ясно:
Потонут все бедняжки короли!
В монетный двор спровадят их короны!»
Смеялся так когда-то Беранже.
Что Беранже пророчил им в дни оны,
То, почитай, свершилось уже!
В Испании у короля Альфонса —
Мы знали все — под ним земля горит.
И вот теперь дождались мы анонса:
«Нет короля!»— Безумствует Мадрид.
Такой восторг! Сплошное ликованье:
Все заглушил республиканский «звон».
Но кое-где уж слышно завыванье:
«С рабочими взять надо твердый тон!»

Француз Эрве — есть этакая гнида!—
Уже скулит: «Испания!.. Увы!..
Увидите потом, что от Мадрида
Путь не совсем далекий до... Москвы!»
Французский штаб тем временем готовит
В Сирии трон для принчика Али.
Но бурных сил ничто не остановит.
Потонут все бедняжки короли!
Ведь сколько их осталось в самом деле?
В Европе их по пальцам перечесть.
И те сидят на тронах еле-еле.
Не прежняя уже их сану честь.
Сидят они — живые? Неживые?
«Сиди и — цыц! Ничем не шевели!»
И правят всем владыки биржевые,
Еще пока живые короли.
По шее дав испанскому кретину
(Он ни себя, ни их в беде б не спас!),
Они плетут гнилую паутину
Для трудовых, для пролетарских масс.
Но мир, весь мир, а не одна Европа,
Ждет грозных бурь. Всё тучи облегли.
Владыкам бирж не всплыть среди потопа:
Потонут все — и эти! — короли!!

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ ПЕСНИ

Старая пословица: «В Москву за песнями!»

Новая пословица: «Из Москвы за песнями!»

У поэтов в оны годы
Социальный был заказ:
Воспевались походы
На «погибельный Капказ».

С боевым клеймом картинок
Всякий школьник был знаком.
Всем известен поединок
Делибаша с казаком:

«Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак — без головы».

Раньше были — «те» и «эфти».
Нынче лагерь — *общий, наш*:
Делибаш — герой Азнефти,
А казак — крепит Сельмаш!

Из завода ли, иль с поля
Прежде несся стон раба:
«Эх ты, доля наша, доля!»
«Эх ты, горькая судьба!»

Клокотали в общем хоре —
Брань, проклятья, плач и вой.
«Вьется коршун — злое горе —
Над покорной головой!»

Сбит проклятый коршун! Ныне
Власть *у горя* отнята.
Нет *покорности* в помине.
Песня сделалась *не та*:

Нет созвучий «*доли-боли*»,
Новых рифм растет запас.
Взять меня: махнуть мне, что ли,
На Урал или в Донбасс?

На Урал! Там зреет чудо
Под *Магнитною горой!*
В первомайский день не худо
Повидать *Магнитострой!*

А потом трубить победу:
Вот где песен я набрал!
...До свиданья, братцы! Еду!
От «*Известий*» — на Урал!

ВЫТЯНЕМ!!

Посвящается магнитогорским строителям.

*Приветствую рабочих и руководящий
состав Магнитогорска с первой серьезной
победой.*

Вперёд, товарищи, к новым победам!

И. Сталин.

«Известия» 19 мая.

Читать заграничную белую печать
И карандашом отмечать
Все ее благоглупости,
Образцы тупой и злобной тупости —
В этом не ахти как много наслаждения.
Но ведь создает все эти «Возрождения»,
«Последние новости», «Дни» и «Рули»
Бывшая «соль русской земли».
«Соль» эта сделалась пресной
И малоинтересной?
В ее безотрадной судьбе
Не будет уже изменения?
Эта «соль» о себе,
Однако, обратного мнения.
И, выводя музыкальные фуги
Про свои заслуги
В попытках вернуть старину
И на нашу страну

Бросить вражью ватагу военную,
Отмечает она особливо одну
Заслугу свою наиболее ценную:

Наиболее ценным результатом нашей работы в иностранной среде является тот замечательный факт, что в подавляющем большинстве случаев иностранцы, выступая против коммунистической власти Москвы, пользуются именно *нашими* сведениями и в особенности *нашими* аргументами.

«Пуль», № 3173.

Что верно, то верно:
Прибегая к «сведениям» и «аргументам»,
Гады белые служат нелицемерно
Господам интервентам.
Интеллигентные литераторы,
«Доносители» и «аргументаторы»,
Бешеные агитаторы
Против рабоче-крестьянской власти,
Клеветники и поджигатели,
Шпионы и предатели
Патриотической масти —
Где только они не таскаются,
На какие приемы не пускаются,
Чтоб только стану биржевиков
И мелко-буржуазной гниде
Показать большевиков
В «соответственном виде»,
Дескать, вот — поглядеть не хотите ли:
Разорители
И расхитители,
Старой России погубители!
Как-кую страну,
Как-кую страну
Превратили в руину!—
Тут белые доки скорей — ай да ну!—
Нам подбрасывать «стр-р-р-раш-ну-ю» мину,
Стряпать кинокартину
«Русская старина
И советская новизна».
«Первым делом покажем картину Берлину!
Запузыривай!.. Р-р-раз!..
Бож-же царь-ря!.. Начинай царским балом!»

Среди зрителей — русских отбросов — экстаз.
Монархисты режут в озверении шалом,
Но немцы сидят в настроении вялом:
«Вас ист дас?!»

«Вас ист дас?!»

Сверкающий белым накалом
Стряпни монархической первый показ
Окончился треском, провалом.
Надо было состряпать агитку умней,
Чересчур нитки белые видно.
В буржуазных немецких газетах над ней —
Над картиною глупой — смеялись ехидно:

Полюбоваться картиной собрались типичные представители дореволюционного русского общества, прежние офицеры, помещики, сановники, старые дамы.

Картина состоит главным образом из старых обрывков тех еженедельных обзоров, где фигурировал последний русский царь. Царь на парадах, церковных ходах, торжествах, царь при встречах с иностранными монархами, царь в ставке.

Кинополотно очаровывает взоры собравшихся зрителей. Время от времени раздается подавленный возглас, когда на полотне всплывает интимно-близкое лицо. Из мелькающих фотографий вырастает *старая Россия* в том виде, в каком она удержалась в головах эмигрантов: Россия светского общества и верхних правящих слоев — с царскими парадами, духовенством, процессиями, придворными дамами, генералами и мундирами. Вечно праздный, от жизненных тягот отгороженный мир.

Наступает перерыв. Какой-то господин требует, чтобы дети оставили зал, так как будут показываться снимки революции и «большевистских ужасов». Дети и дамы удаляются.

Следуют снимки революционного времени. Эти снимки явно «сделанные», до крайности неуклюжие фальшивки. В паноптикуме иной раз показывается нечто более внушающее доверие. Перед нами — плохо разыгранное театральное зрелище.

Последний снимок показывает парад врангелевской армии, интернированной, уже в чужой стране. Врангель прощается с солдатами.

Тут и картине конец.

Неужели это — Россия прежде и теперь?

Старая Россия состояла не из одних царских парадов и жизни высшего общества. Были и другие явления, например: бедные крестьяне и рабочие, развращенное государственное управление, подавление каждого свободного движения,

угнетение национальных меньшинств, притеснение всех вероисповеданий, не принадлежащих к господствующей церкви, еврейские погромы под руководством полиции... Обо всем этом новый фильм молчит.

Да и новую Россию определяют не одни только ужасные для эмигрантов чекисты, но и «*пятилетка*». Об этом настоящий фильм ничего не знает.

«*Франкфуртская газета*» от 2 мая с. г.

Уважаемый автор немецкой заметки,
Не порочьте вы нашу эмигрантскую знать!
Успехов советской трудовой «*пятилетки*»
Ей да не знать!
Знают, знают белогвардейские гады,
Как воюют ударные наши бригады
Из-за сроков — не месяцев даже, а дней,—
Знают, знают белогвардейские гады,
Сокрушает какие «*пятилетка*» преграды,
Чтобы сделать Союз наш культурней, сильней,
Чтобы он устоял против вражьей блокады,—
Знают, знают белогвардейские гады,
Сколько новых зажгут нам электроогней,
Сколько новых машин и электрокопей
Создадут новостройные наши громады,—
Знают, знают белогвардейские гады,
Что нам трудно — да, трудно! Чего уж трудней!
Но *фундамент заложен и крепнут фасады*,
Злобный мир буржуазный не скрывает досады:
Бурный ход нашей стройки ему стал видней.
«*Пятилетки*» ль не знают эмигрантские гады?!
Но о чем каждый день, каждый день их доклады,
Их статьи и дискуссии? Только о ней!
Только о ней!
Планомерны, прочны ли ее достижения?
Развивается ль скорость ее продвижения?
Утешительно ль это, что пишут рабкоры
Большей частью про срывы, прорывы, заторы?
Сами большевики — и строители
И руководители —
Не застрянут в воздвигнутых ими лесах?
И нельзя ли, прислушавшись, в их голосах
Уловить отражение острой тревоги?
Не собьются ль они с генеральной дороги?

Выводить не начнут ли зигзаги и петли?
Вытянут? Нет ли?
На все эти вопросы
«Соль земли», эмигрантские, то-бишь, отбросы,
Знают только один — им приятный — ответ:
«Нет, нет, нет!
Уж трещат большевистские тросы!
Поезда «пятилетки» летят под откосы!
Фантастичен размер ее планов и смет!
Все строители голодны, рваны и босы.
Им ли вытянуть? Дудки! Не вытянут! Нет!
Большевистской гибели близятся сроки!»
... Про-ро-о-о-о-ки!!

Я — злой.
Я крестьянски ушиблен Россией былой.
Когда я выхожу против старой кувалды,
То порою держать меня надо за фалды,
Чтобы я, разойдясь, не хватил сгоряча
Мимо слов Ильича,
Что в былом есть и то, чем мы вправе гордиться:
Не убог он, тот край, где могла народиться
Вот такая, как нынче ведущая нас,
Революционная партия масс,—
Не бездарный народ дал — не только отечеству,
А всему человечеству —
Славный ряд образцов,
Беззаветных борцов
За свободу, за творчество социализма,—
Беззаветных борцов
Против банков, дворцов,
Против гнета царизма,
Против хищно-разгульного капитализма,
Против ржавых цепей темноты,
Нищеты,
Против рабской забитости и одурелости,
Против яда церковного и духоты,
Против дряблости, ветоши, плесени, прелости...
Да, бывшее держали большие «киты»,
И «китов» этих мы не оставили в целости:
В *Октябре* повернувшись к бывшему спиной,

Стали строить мы жизнь на опоре иной,
Не свято-кабальной, не зло-окаянной,
Не лубяной
И не деревянной,
*А рабоче-социалистической
И металлической!*
Прочь былые тюремно-больничные нары!
Крепнет родина наша! Она уж не та!
*И не сломят уже никакие удары
Ее станового стального хребта!*

Похвальба?.. Похвальбы было в прошлом немало,
Старина похвальбой заменяла дела:
Вот ее как порой похвальбою вздымало!
Ан гора, смотришь, мышь родила.
Потому-то и заваль вся старорасейская,
Эмигрантщина подлая, белогвардейская,
Услыхав из Москвы голоса ликования,
Когда радуют нас наши завоевания,
Выполнения планов и сверхвыполнения,
Скрыть не может волнения:
«Что за выдумки! Магнитогорск? Ерунда!
Худосочье строительное! Золотуха!
Вот уже Демьян Бедный поехал туда.
Ясно с целью какой: для поднятия духа!»
Верно. Так. Для поднятия духа. Чьего?
Духа магнитогорцев? Ничуть. Своего!
Я об этом в газете трубил ведь заране —
Мало видеть постройки на киноэкране:
Вот, мол, первых две домны — растут в одно лето!
Вот, мол, первая шахта, откуда руда!
Нет, *лишь тот, кто на месте увидит все это,
Тот поймет и почувствует пафос труда*
И увидит невиданные стариною масштабы,
Как средь голых просторов растут города,
Как у крепко-бетонного чудо-пруда
Восемь домен — могуче-волшебные бабы!—
Свой чугунолитейный ведут хоровод.
Вот!
К октябрю — первых две, а все восемь — чрез год
Запоют они песню свою гулко-звонкую,

Когда станет литье из них бурно хлестать:
«Полюбуйтесь на нашу железобетонную
Богатырскую статью!
Эй, руды нам!
Руды нам!
Вагоны!
Вагоны!
Поскорей!
Поскорей!
Поскорей!
Поскорей!
Мы родим вам мильоны,
Мильоны,
Мильоны
Металлических богатырей!
В пролетарской стране мы повысим культуру!
Нашу родину мы от врагов оградим!
Вместо старого лыка ей мускулатуру
Мы стальную,
Стальную,
Стальную
Дадим!»

Заграничные беглые лжелитераторы,
«Доносители», «аргументаторы»,
Уж пред вражьими штабами подняли вой,
Сообщая про «гвоздь пятилетки» подробности:
«Кар-р-р-ра-ул! Приглядитесь! Ведь это ж Москвой
Укрепляется сила ее боевой
Обороноспособности!»
Доносители только ль одни так умны?
Надо думать, что их не глупей их патроны.
Ну, конечно ж, для новой, советской страны
Поискать мы должны
Новых средств обороны.
Мало — вражь полки у себя увидеть
И, увидевши, «шапками их закидать»:
Шапки царские из перетлевшей материи
Подготовили гибель российской империи!
Если б к нам вражь своры с ножами пристали
И навязана б ими была нам война,

Мы б врагам наготовили «шапок» — из стали
И чугуна!
В том лишь наша вина,
Что умнее мы прежних «правителей» стали
И сильнее советская стала страна!
Бюрократических
Папок
И патриотических
Шапок
Отошли времена!
Было — сплыло. Навек улетело.
Нет, словесная нам похвальба не нужна:
Пусть за нас наше хвалится дело!

Во Францию два инженера —
Вредители! — след замели.
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.

Сказал старший грустно: «Пр-рок-лятье!
Попали в ловушку мы, брат:
В немецкой земле — безработных
Мильончиков пять аккурат!»

Но младший ответил: «Что — немцы!
Во Францию ведь мы идем.
Добраться нам лишь до Булони:
В Булони мы не пропадем!»

Приятель мой, Миша Зарудный,
Простым там рабочим пока,
Доход все ж имеет не скудный.
Я друга возьму за бока,

Скажу ему весело: «Друже,
Москву мы... того... ко всем псам!»
И он нас устроит не хуже,
Чем там он устроился сам!»

«Не хуже?.. Возьми вот газетку.—
Зло старший промолвил:— Ты — глуп.
Прочти-ка вот эту заметку.
Что может быть хуже, чем труп?»

И точно: в газетном отделе,
Где траурный выдержан тон,
Анонс был о «*трупе в отеле*»
В Булони на ля рю Медон:

САМОУБИЙСТВО РУССКОГО

В комнате отеля на улице Медон, номер 26, в Булони покончил с собой русский рабочий Михаил Зарудный, 29 лет. Самоубийца оставил письмо, в котором заявляет, что *кончает самоубийством, отчаявшись найти работу.*

«*Последние новости*» от 8 мая с. г.

Еще нет буржуазной предсмертной агонии,
Но народ задыхается в гнойном зловонии
Чуть не в каждой уже буржуазной стране —
Даже в жирной Америке, даже в Японии,
Хоть она нажилась на всемирной войне ¹.
А в советской стране в это самое время
Не скребут — по-былому — лохматое темя,
Не царапают тощей сохой пустыри,
Не несут — «для целенья» — телесные шрамы
И душевную боль в церковушки и храмы,
Не орут в кабаках от зари до зари,
Нет, Советский Союз — в трудовом напряжении,
Бой за темпы ведут в полном вооружении
Самоподлинные чудо-богатыри.
О победе их песни, а не поражении,
Дьявол всех буржуазных кликуш побери!
Труд ударный — враг часа прогульно-досужего,
И все меньше, все меньше прогульных часов,
И растет и все гуще становится кружево
Сверхгигантских строительных наших лесов!
Прозябавшие сотни веков в неизвестности,
Пустовавшие глухо-безлюдные местности,
Полустанки, заброшенные закоулки
Стали людны и шумны, по-новому гулки.
Кто не скажет, что *дивная наша страна —*
Лишь теперь только строиться стала она!

¹ Смотри очень интересную статью в «Берлинер Тагеблатт» от 23 апреля с.г.: «Как выглядит кризис в Японии».

И в такое-то время
Эмигрантское племя,
«Соль земли», обомшело-безмозглые доки
Нам пророчат последние грозные сроки?!
...Про-ро-о-оки!
В Магнитогорском рабочем совете
Я сказал в первомайском привете:
«Что ж, товарищи, ждет нас в решительном споре
За тот клад, что заложен в Магнитной горе?
Чай, слышали былинку вы о Святогоре,
Старорусском бахвальщике-богатыре?
Похвалился он, плечи свои разминая:
«Эх, кабы мне в руки да тяга земная,
Всю бы землю я, кажется, перевернул!»
И только он так хвастанул,
Как на ветошь лежалую,
Как на суму переметную, малую,
Он наехал средь белого дня.
«И сходил Святогор да со добра коня,
Он за ту за суму да принимается,
А сума-то и с места не сдвигается,
А все жилы-суставы у Святогора распушаются,
И по колени-то в землю Святогор убирается»,
Тут ему была и кончина.
Что за причина?
Тянул Святогор, сам не зная,
Что в суме была тяга земная.
Эта тяга была его смерти виной.
Не вытянул он страшной тяги земной,
Надорвал богатырскую силу, бедняга.
Мы теперь — не в такой ли мы точно поре?
Не такой ли искус, не земная ли тяга
Нас влечет к этой дивной Магнитной горе?
Что ж? По силам, товарищи, нам тяга эта?
Загрузит наши домны руда
И — когда?
Домны первые в ход пустим мы к концу лета?
Нашу тягу земную мы вытянем?»
«Да!» —
Раздалось где-то там в глубине горсовета.
И весь зал

Досказал
Свой ответ громогласно:
«Вы-тя-не-е-е-ем!»
Вытянем! Ясно!

Былинный сказ о Святогоре
Звучит далекой стариной.
Там богатырь — себе на горе —
Тягался с тягою земной.

«Дай тягу мне — сверну полсвета!» —
Так Святогор хвалился зря.
Втянула в землю тяга эта,
Угробила богатыря.

Был Святогор в тяжелой пробе
Богатырем, но — кустарем.
Мы на пути к земной утробе
Иной ухваткою берем,

Ухваткой дружной, коллективной,
Несокруσιμο-волевой.
На штурм горы Магнитно-дивной
Идем колонной трудовой.

Мы не сдадим! Напор утроим
И, раздобыв заветный клад,
Мы наш, мы новый мир построим
На большевистский крепкий лад!

БОЕВОЙ «КОМСОМОЛКЕ»

Так тебе наступает уж годик седьмой?
Ой, ой, ой!
Время сколь быстротечно.
Поздравляю сердечно!..
Что еще, бишь?.. Не делай досадливой мины.
Я не так уже вял, не настолько я плох.
Но меня, признаюсь, твои именины
Застали врасплох.
Хотя возраст твой, как говорится,
Не ахти уж каков:
Шесть годков,—
Но большая, однакоже, ты мастерица
Вот как радовать нас, стариков!
Нет, была ты не просто печатной бумагой:
С юным жаром, с комсомольской отвагой,
С песней — гимном победным борьбе и труду—
Налетала ты буйно на вражью ораву.
«Орден Ленина» ты получила по праву
В минувшем году.

Где-нибудь вдалеке и вблизи — с нами рядом —
Пусть троцкисты, пусть гнусные меньшевики,
Наши парт-обыватели с правой руки,
Обыватели просто и вражьи шпики
С помутненным от злобы и одури взглядом
Все исходят чернильно-клеветническим ядом
И строчат мемуары свои, дневники,
Освещения
И сообщения
О советских вождях, о рабочих, поэтах,

О партийных и о комсомольских газетах,
В том числе и о самой «лихой» — о тебе, —
Наши думы и чувства, всех сил напряжение
Отданы одному только — острой борьбе
За темпы строительства, за вооружение
Пролетарской страны
Боевым снаряжением,
Оружьем, способным
Дать отпор сокрушительный хищникам злобным,
Что готовят для нас скорпионы войны!
Пусть клеветят на нас крикуны,
Шептуны,
Социал-каракатицы, плесень, полипы, —
Пусть полит-Хлестаковы — прожженные типы
Изводят бумаги огромные кипы
Для хранения их мемуарной блевоты,
Где помножены вымыслы на анекдоты, —
Пусть, страдая от честолюбивой занозы,
Становясь пред потомством в героические позы,
Комментируя,
Аргументируя
И потомству напыщенный брех «презентируя»,
Шавки жалкие брызжут бессильной слюной
И кольнуть нас хотят клеветой уж неколкой, —
Что все это в сравненье с тобою одной,
С боевой «Комсомолкой»,
Где, что ни строка,
То удар молотка,
Где, что ни страница — строительство бурное,
Индустриально-культурное, —
А ты вся — ты заряд, динамит, —
Каждый номер твой — взрыв: он гремит,
Он зовет, веселит, он бодрит, обещает,
Славит наши успехи и нам предвещает
Величайший показ величайших побед.
Комсомольскому рупору и агитатору,
Вдохновителю-организатору
Мой — горячий большевистский привет!

«ТЕМПА НЕ СДАМ!!»

(По материалам зернотреста)

Довольно языками плескать,
Довольно поэтам героев искать
В классической древности:
Герои в советской трудовой повседневности!
Их не надо искать. Все они на виду.
В черной работе, не в героических «позах».
Я сегодня один образец приведу
Из тех, что орудут в зерносовхозах.
Зерносовхозы сегодня — гляди!—
Вона где, впереди!
Сегодня в центре внимания
Выполненная посевная кампания.
Результаты совхозных весенних трудов
Урожай нам сулят свыше всяких канонов:
Двести миллионов пудов!
Двести миллионов!
Сто шестьдесят миллионов товарности!
Стоит это нашей благодарности?!
Сколько радости для трудового народа
В переживанье победных моментов!
«Выполнена пятилетка в три года
С превышением на сто процентов!»
На сто!
На сто!
На сто!
Ровно вдвое! Успешность видна-с?
Это у нас-то?
У нас-то?

У нас-то?
Да! У нас!
Пусть глазищи враги наши пучат!
Впредь они не такие сюрпризы получают!
А с последним сюрпризом их черт заберет!
Герои, вперед!

Пою — нынче знать должны все его!
Громче, громче, мои узловатые струны!
Пою тракториста, комсомольца *Федосеева*
Из зерносовхоза «Волжской коммуны»!
Это он, темп работы стремяся сберечь,
Темп работы ударной, напряженной и тяжелой,
Заткнуть попытался в катерпиллере течь,
Заткнуть на ходу комсомольской фуражкой.
Сбитый с места неожиданным толчком
— На бугре трактор вдруг чересчур накренился —
От руля Федосеев волчком
На гусеницу повалился.
Парня гусеница — гибель! Страшно взглянуть!—
Стала быстро под трактор тянуть.
Миг — и все! Тракторист — жертва страшного
случая!

Смерть неминучая!
Движет силу машинную электроток!
Но парень рванулся, ободрал себе бок,
Грудь поранил и руки, напрягся всем телом
И движеньем отчаянно-смелым
Он электропровод достал
И рванул! Перервал!
Трактор стал!
Федосеев — вот только едва не задавленный,
Измятый, изодранный, весь окровавленный,—
Соединив провода,
— Что там кровь! не беда!—
Вновь стрелою за руль на машину проворно
И пош-ш-шел по ложбинам, буграм и кустам,
Крича на все поле задорно:
«Я темпа не сдам!
Я темпа не сдам!
Не сдам!!»

Пою — знать обязаны все его!
Громче, громче, мои узловатые струны!
Пою тракториста, комсомольца Федосеева
Из зерносовхоза «Волжской коммуны»!
Он — герой. Но герой нынче только ли он?!
Их в Советской стране не один миллион!!

НЕМЕЦКАЯ СТУПА

Гитлер, Зельдте, Гугенберг,
Дюстерберг,
Прихвативши Шахта за компанию,
Спасают в Гарцбурге Германию.
Национал-социалисты,
Промышленные и банковские капиталисты
С восемнадцатью старыми генералами вкупе
Толкут воду в патриотической ступе.
Вода брызжет, ступа качается.
Из воды масла не получается.
Растут мозоли на языках.
Вот ступа у Гитлера в руках.
Тяжела проклятая ступа.
Вспотел Гитлер от шеи до пупа.
Мозг у бедняги еле варит.
Глаза глядят безумно и устало.
«Мы, Гитлер говорит,
Решили, говорит,
Во что бы то ни стало,
Не щадя государственного организма,
Защитить страну от большевизма!»
И пошел Гитлер выводить вавилоны
О роковой большевистской звезде.

Против нас не люди, граммофоны
Ораторствуют нынче всюду и везде.
До чего она уж не новинка —
Антибольшевистская пластинка,

До чего заиграна она,
Повторяется до какого излишка.
Хотя бы какая-либо одна
Прозвучала новая мыслишка!

Тянется Гитлером песня все та же,
Все та же,
Звучит она даже
Не немецки-фашисто,
А чан-кай-шисто.
Подхватив
Чан-кай-шистский мотив
Без перелицовки,
Гитлер хочет допеться до его же концовки:
«Чем большевистский победный напор,
Чем растоптанная банкирская рента,
Лучше слизывать пыль с окровавленных шпор
Озверелого генерал-интервента!»

Но... в такую вступили мы бурную полосу,
Что... хватило бы голосу
У немецкого горе-певца
Дотянуть до *такого* конца:
В час, когда загремят пролетарские фуги,
Не сорваться б ему от натуги!

ТРАГЕДИЯ И ФАРС

Ехали славные вояки —
Юссами-Такаяки,
Кацци-Кацияма,
Кинтаро-Мацуяма,
Умисаци-Куроки,
Хидесаци-Аоки,
Хико-Хиного
И еще много
С другими именами
Впереди всех Таро-Садзанами.

Ехали вояки, досадовали,
По сторонам поглядывали.
Руки у вояк чесались,
А почесать их вояки опасались:
Лежат перед ними владения
 пространные,
А вдоль межи наклейки охранные:
«Пакт Келлога!»
«Пакт Келлога!»

«Скучная дорога!—
Вздыхнул Таро-Садзанами
И прибавил в остром гневе: —
Следят сторожа за нами
В городе Женеве!

Эх, когда б не эти сторожа,
Было бы нам прихватить в карман чего!»
А маньчжурская межа
Манит к себе так приманчиво!

Поехали дальше славные вояки —
Юссами-Такаяки
И другие с другими именами,
Спереди Таро-Садзанами.
Вдруг им навстречу, завывая дико,
Моногуси-Хико, —
Рысака нахлестывая яро.
Подскакал он к Садзанами-Таро
И сказал ему немногосложно:
«Можно!!»

Поползли межою огневые змейки,
Боевая вдоль межи пошла тревога.
Словно не было, исчезли все наклейки:
«Пакт Келлога!»
«Пакт Келлога!»

Той порою во Женеве-граде
На публично-фарсовой эстраде
Труппа пестрого подбора и ранжира
Выступает с трогательным фарсом:
«Торжество богини мира
Над кровавым Марсом!»
Ставлю точку здесь демонстративно.
Об игре пошлейшей из эстрад
Всем читать, я думаю, противно.
А писать — противней во сто крат!

МИМО... МИМО!..

Да, милостивые государыни и государи,
Ошметки старой стари,
Кусковы,
Милюковы,
Аргуновы
И тому подобные
Белогвардейцы злобные,
Блудословы и блудодеи,
Защитники русской великодержавной идеи,
Журналисты, помещики и фабриканты,
Обомшелые эмигранты!
Да,
Господа,
Сидели вы долгие годы,
Ждали подходящей погоды,
Но счастье вам не улыбнулося.
Прошлое к вам само не вернулося,
А мы вам тоже его не вернем.

Ах, прошлое! Поплачьте о нем
В стиле торжественно-высоком!
Новое растет и крепнет с каждым днем,
Наливается жизненным соком.
Если бы из вас кому
Посчастливилось хоть одному,
— Сие, предупреждаю гласно,
Оч-чень опасно
И не очень похвально!—

Посчастливилось не во сне, а наяву
В советскую Москву
Пробраться нелегально,
То счастливец такой
Дрожащей рукой
Среди бодрой рабоче-крестьянской столицы
Протирал бы себе, скажем пышно, «зеницы»,
То есть пялил бы — проще — глаза,
И, не смысля ни в чем ни аза,
Рассудком своим не владея,
Бормотал, как в бреду:
«Это ж... собственно... где я?
Да неужто в Охотном ряду?!»
Поглядел бы в сторону в эту
И в эту,
Ан Охотного ряда и нету:
Нету лавок былых,
Нету вони, стоявшей здесь густо и прочно,—
Остатки подвалов и вертепов гнилых
На грузовиках увозятся срочно,—
А напротив — от самой Тверской
До «Благородного» — в прошлом — собрания...
Тут москвич-эмигрант простонал бы с тоской:
Куда же девались питейные здания?
Вон там торговали грибную закуской,
А вон там был кабак с пьянкой истинно-русской,
А против кабацкого причала
Параскева-Пятница торчала,—
Рядом люди толпились, молились, пьянели,
Торговались, жуля, бранясь и мирясь:
Клятвы, песни, похабщина, а на панели —
Грязь,
Грязь,
Грязь!
А теперь... На какую попал ты планету?
Распивочной нету,
Параскевы-Пятницы нету,
Нету узкой панели с булыжной укладкой,
Нету грязи обычной, привычной, родной:
Вдоль панели — широкой, асфальтовой, гладкой
(*Моссовет* щегольнул тут древесной посадкой!)

Протянулись деревья зеленой стеной,
Да какие деревья! Иные в охвате...
Вам хотелось чуда? Любуйтесь, нате!
Да, Москва нынче стала иной
На окраинах и на просторном Арбате,
На площади Красной и на Страстной!
А заводы,
Заводы,
Заводы,
Заводы!
А рабочие — сколько их стало!— дома!

Эмигранты плешивые! Годы и годы
Вы сидели у моря и ждали погоды
И теряли последние крохи ума.
Над газетами вашими и беллетристической
Сколько раз хохотать мне случалось до слез:
Невозможно сравнить ни с какой юмористической
Того бреда, что пишется вами... всерьез
И... так глупо, так старчески-пустоголово!
Все статьи ваши — несообразный курьез,
Столько лживого в них, преднамеренно-злого,—
Но по глупости явной и ложь их и брань
На такую смешную возводятся грань,
Что — честное слово!—
Иной раз я не мог даже сразу постичь,
Как пороть могут люди столь дикую дичь.
А они ее порют. И как: ежедневно!

Да, делишки, мил-сдари, у вас таковы...
Положение ваше до жути плачевно
И — непоправимо, увы!
Непоправимо.
Там, где строится новое неутомимо,
Волны жизни гремят и проносятся мимо
Заклинателей, чьи идеалы мертвы.
Мимо...
Мимо!..

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИВЕТ ПОЭТУ А. ЖАРОВУ

(в связи с исполнившимся десятилетием его творческой работы)

Поэта младшего приветствую охотно.

Да, так-то, Саша, милый друг!
Годочки юные ушли бесповоротно,
Десятилетний пройден круг.

Мужает, крепнет стиль работы общей нашей.
Нам стала выдержка важнее, чем «ура!».

Ты был доселе резвым Сашей.
Серьезным мужем стать пора.

Сильны мы в творчестве не стороной парадной.
Наш творческий Парнас — рабочая среда.

Поменьше лихости эстрадной,
Побольше строгого, упорного труда!

Триумфы легкие валяются на свалке,
Лишь у глупцов от них кружится голова.
Не только сталь одна нуждается в закалке:
Закалки требуют и мудрые слова.

А мудрость не лежит открыто при дороге:
К ней путь тернист и крут, и полон многих
бед,

Но сколько радости в сверкающем итоге!
Приветствую тебя, друг Жаров, на пороге
Мук творческих твоих и творческих побед!

МИРОВЫЕ СУДЬИ

Женевский бюллетень
Мямлит невнятные вещания.
В Лиге Наций который уж день —
Непрерывные совещания,
Со многих сторон инспирированные,
Закрыто-комбинированные;
Вчера, например, чуть не с рассвета
Разводили антимионии
Все члены совета —
Без Китая и Японии
(Но с участием американского эксперта
Джилльберта),—
Затем «комитет пяти»
Старался деликатное название найти
Для японского военного танца
(В присутствии американца),—
Затем — без японского и китайского члена,—
Четыре каких-то джентельмена
Договаривались честно
(С американцем совместно).
Но все нету и нету развязки.
Дело коснулось не пустячка,
Тут не просто вариация сказки
Про белого бычка.

*

Вовсе дело не так бело.
Для слепого ясен цвет.
Но женевцы опупело
Уверяют: «Не приспело»

Объявлять — война иль нет?
Кто побитый? Кто задира?
Не решить в один момент». —
Инструмент женевский мира —
Снизу пушка, сверху лира,
Очень ловкий инструмент.
Стонет лира. Вся в томленьи:
«Ах, японец!.. Дорогой!»
Вот в советском направленьи
Разговор бы был другой,
Посвежей была б погода,
Обратился день бы в ночь,
Медно-пушечная глотка
Заревела б во всю мочь:
«Коминтерновской работы
Вырвать корни все — войной!»
А Японии нет ноты,
Резкой ноты ни одной.
И японцы, зная это,
Так развязны в грабеже.
И сказать хотели б «вето»,
Так сказали бы уже.
Кончит все — «святой обычай»:
Суд, не выискав вины
У разбойной стороны,
Поделившись с ним *добычей*,
Скажет: «Не было *войны!*»

БОЙЦАМ ЗА КРАСНУЮ ЖИЗНЬ

Деревенским активистам.

Октябрьский праздник... Речи... Флаги...
Нет смятых дракою боков.
Не воют пьяные ватаги
У деревенских кабаков.

Сосредоточенно и строго
Колхозник складывает речь.
Работы срочной, новой много,
И время надобно беречь.

Чересполосица и давка
Кому, отсталому, мила?
Сохе-кормилице — отставка:
Плохой кормилицей была.

Доселе дикой целиною
Идут ряды стальных коней.
Кулак лишь бредит стариною,—
Не беднякам рыдать по ней.

Как жили? Полосы делили.
Земля была худа, тесна.
И сельский «мир» за то хвалили,
Что «на миру и смерть красна!»

Октябрь был битвой не напрасной,
Иным крестьянский стал уряд:
В собраниях не о «смерти красной»,
О *красной жизни* говорят.

Вперед от старого бурьяна!
Бойцы за Ленинский завет,
Вам всем от Бедного Демьяна
Октябрьский пламенный привет!

ДОРОГА ГИГАНТОВ

Призывно-бодрый клич и трудовой всполох...
В бетон и сталь свою переключая волю,
Свершая славный путь на рубеже эпох,
Горды мы жребием, нам выпавшим на долю.

Не малый путь лежит за нами, и видней
Все, нами сбитые, заторы и помехи.
Пусть враг пророчит нам, что самых черных дней
Еще должны мы ждать. Пусть! Чем борьба трудней,
Тем будут радостней добытые успехи.

Мы знаем: наш напор — он крепнет с каждым днем,
Хотя каких бойцов работа подкосила!
Со сменой юною, клокочущей огнем
Порыва бурного, с пути мы не свернем,
И не собьет с него нас никакая сила.

В потомстве будет свят наш коллективный труд
И святы имена всех, чей подъем был крут,
Всех — от простых бойцов до вождевых талантов,
Всех — от искателей подземных жильных руд,
Сталелитейщиков, ученых лаборантов,
До пламенных певцов и музыкантов, —
И путь, наш славный путь, потомки назовут
Путем — строителей, дорогою —
гигантов.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Поэт? Какой?
Кому выразить наше одобрение?
Нет, жизнь сама своею рукой
Написала это стихотворение,
Песню в прозе с преобладаньем одной,
Основной,
Элегической ноты.
Уж заглавие стонет больной,
Надрывной струной:

ИЩУ РАБОТЫ!!

Близ Потсдамер-плац, в Берлине, среди самой гущи движения, несколько часов простояла на днях молоденькая, очень красивая девушка. На спине и на груди у нее висели плакаты с таким текстом:

«Ищу работы!

Безукоризненно говорю и пишу по-немецки, по-английски и по-французски.

Очень хорошо умею вести домашнее хозяйство. Готова на любую работу, какую может выполнить человек с нормальными способностями».

В руках у девушки был карандаш и блокнот, вероятно для того, чтобы записывать адреса тех, кто предложит работу.

Но равнодушная толпа проходила мимо.

«Последние новости», 10 октября 1931 г.

В Берлине,
На людной площади, словно в пустыне,
Словно в месте вымершем, голом,
Стоит девушка жутким символом

Капиталистического грабежа и вражды
И человеческой горькой нужды,
Стоит, словно столп, недвижимо,
А мимо,
Словно мимо столпа,
Равнодушно проходит толпа,
На площади людной — так нелюдимо!
Мимо девушки бедной — глуха и слепа —
Проходит толпа...
Мимо...
Мимо...

Капитализм? В какой полосе ты?
Смотри веселей!
Ну, смотри ж веселей!
У *«Франкфуртской газеты»*
Был на днях юбилей,
Отовсюду ей были приветы.
Стукнуло семьдесят пять годков
С ее основания.
Но прислушайтесь только, каков
Был голос ее ликования?
Газетный торгово-промышленный дом
На юбилейный раскошелится том.
А первая в томе страница —
Сплошная слезница.
Заглавие первой статьи для сердец
Буржуазных полно — элегизма?
Какое! — Трагизма!
Юбилярша-газета рыдает: «Отец,
Отец наш небесный! Ужели *конец*
Капитализма?»
Юбилярша конец признать не решается,
Она утешается
И дает не статью, а сонет:
«Положение капитализма тревожно.
Он совсем поседел. А какой был брюнет!
Что же? Старость? Конец?.. Нет, нет, нет! —
Страшно думать! Нельзя! Невозможно! —

Юбилярша губы поджигает жеманно: —
В настоящем... ужасный такой камуфлет...
И близкое будущее так туманно...
Но будет же, будет желанный рассвет:
Выйдет солнце, лучи засверкают живые!..
Ведь туман не впервые...
Нужен острый хозяйственный глаз...
Ясно: в послевоенные злые моменты
В наш частный торгово-промышленный класс
Худые сумели пролезть элементы.
От них вся беда.
Капитализму от них так недужно.
Система отнюдь не худа.
Были старые кадры у нас хоть куда,
А теперь нам... почиститься нужно!
Чистка — вот наш пароль!
Вот наш пароль!»
Ну, не хитро ль?
До какой юбилярша додумалась истины:
«Спаситель! Приди и очисти ны!»
Ждет спасителя... чуда...
Интересно, откуда?
Спасителя вышлет какая... обитель?
Не оказался бы этот спаситель
В своем облике чистом —
Фашистом?
«Что? Советская власть укрепляется где-то?
Только не это!
Ах, только не это!»
Юбилярша истошно орет
И отчаянно врет,
Врет, не видя особого в том прегрешения,
Врет для самоутешения:
«Хозяйственно-крепкой системы пример
СССР?
От этой системы избави нас, боже!
План хваленый советский не ладится тоже.
Машин накупили высоких культур...
Но люди... Ведь их не улучшить декретом?..
В Сталинграде на тракторном... Фейлер Артур...
Вот герр Фейлер что пишет об этом:

Только незначительная часть машин в ходу Большинство рабочих стоит около машин без дела или производит движения, которые, как это может понять без труда даже не специалист, являются не более, как театральным зрелищем для иностранных посетителей.

(Nachkriegskapitalismus. Eine Untersuchung der Handarbeitsredaktion der «Frankfurter Zeitung».)

Так газетная барыня в юбилейные дни,
Чтоб утешиться и чтоб вздохнуть посвободней,
Ничего не сыскала пригодней
Журналистской продажной брехни,
Да к тому же брехни... прошлогодней!
А барыне нынче всю правду раскрой,
Расскажи ей, так станет ей дурно,
Что наш тракторный сверхбогатырь той порой,
Озвоив машины культурно
И работая бурно,
Стал вводить нынче в тракторный строй
По три тысячи в месяц готовых
Тракторов новых
Для советских колхозных, совхозных полей.
Это что ж? Театрально?
Нет, стальные лошадки, как есть, натурально!
И крестьянству милы — быть нельзя уж милей!
Мейне даме, могла ты приврать в юбилей,
Но не так уж нахально,
Птому что, прибегши к такому вранью,
Буржуазную чтоб возвеличить механику,
Ты лишь наглым враньем обнажила свою
Невероятную панику.
Сталинградский пример для тебя — острый нож.
Но сильны мы примером не одним
 сталинградским.
Утешаешься ты не от радости тож,
Представляя крестьян наших скопом дурацким:

Если случится в сельском хозяйстве приступить к новой работе, то созывается сход, и когда не приходят к единому мнению, то обращаются за решением вопроса к районному агроному, а той порой погода изменяется и в полях многое погибает.

До сих пор, мол, Митроха сидит на Митрохе,
Ум и стать те же, что при царе при Горохе...
Отрыгнулось у барыни в чванных строках,
Как в дни оны держали крестьян в дураках:
«Хам-мужик! Идиотская рожа!»
Но, как звон похоронный, ответ прозвенел,
Слух господский народной издевкой корежа:
«На дурака у господ вся надежа,

Ан, дурак-то и поумнел!»

Поумнел и ума не желает лишаться.
В барских снах только есть «хам-мужик, дуралей».
Меньше врать и умнее, мадам, утешаться
Не сумели вы в свой юбилей,
Аргументов серьезных найти не сумели,
Вам дающих надежду на новый рассвет,
А признаться вы в том не посмели,
Что таких аргументов в природе уж нет.
Невеселы аргументы в Европе
И в Америке тож не ахти,
Хоть спасителя там уж сумели найти
В замечательном мистере Свопе.
Мистер числится в звании
Председателя «электрокомпании».
Мистер Своп по башке себя хлопнул
И такое намерен в собрании свопнул,
Что взревели банкиры, от восторга балдея:
«Вот это — идея!»
А свопский идейный нарост
Так краток и прост,
Как заячий хвост:
«Ново! Ново! Ново!»
Лечение капитализма больного
В целях преодоления
Анархии производства
И потребления —
В утвержденье капитало-господства
В аппарате всего эконом-управления!—
Для спасения общей мошны
Все тресты должны
Объединиться
И подчиниться,

Как можно скорей,
Возглавляющему всю механику эту
«Высшему комитету»
Из капиталистических главарей!
Капитал — царь царей!
Вот тогда-то пойдет регулирование
И планирование:
Машины и люди, цена и товар,
Все, все подчинится одному механизму!»
«Это будет смертельный удар
По коммунизму!»
«Да здравствует торгово-промышленный класс!»
«Да здравствует планово-дивная... Свопия!»
Но... и тут раздается меланхолический глас:
«Свопия — это утопия!
И опасная очень к тому же.
С ней не вышло бы хуже.
Упразднение хозяйственно-оперативной свободы
И частной инициативы...
Это козыри вовсе не нашей колоды,
В этой песне — не наши мотивы.
Пролетарии скажут однажды нам: «Стоп!!»
По башке «комитет высший» — хлоп!
И — построят не наши — свои! — коллективы.
Нет, нет, нет, мистер Свop,
Вы слишком ретивы
И... не слишком умны.
Нам, конечно, уже не вернуть старины.
Свои методы строить нам надобно наново
Но... зачем чересчур уж так планово?
Что хорошо для советской Москвы,
То для Нью-Йорка...»

Попавши в провалы и глубокие рвы,
Капиталисты ищут отнорка,
Они выхода ищут, коммунизму грозя
И пороча Москву кучей всяческих басен.
По быломu пути им идти уж нельзя,
Новый путь им не люб и опасен!

Попавшим в такой переплет
Капиталистам, спеша на подмогу,

Папа римский послание шлет:
«Молитесь богу
И обрящете вновь вы к богатству дорогу,
И вы будете в вечном буржуазном раю!»
Всю эту священную литературу
Рассылает он через свою
Церковно-промышленную агентуру.
(Худо папским агентам в советском краю!)

АПОСТОЛЬСКОЕ ПОСЛАНИЕ

святейшего господина нашего промыслом божем папы
Пия XI
к досточтимым братьям... состоящим в мире и общении
с апостольским престолом,
об обострении экономического кризиса,
о бедственном положении множества безработных.
...Досточтимые братья, мир вам и апостольское бла-
гословение!

Нам угрожает новое бедствие, которое уже в зна-
чительной степени поразило вверенную нам паству...
Мы видим такое множество честных и трудолюбивых рабо-
чих вынужденными к бездействию и вместе с их семьями
доведенными до крайней нищеты, а между тем они ничего
более не желают, как честно, в поте лица своего, согласно
божественной заповеди зарабатывать насущный хлеб, кото-
рый они ежедневно испрашивают у господина. Их стенания
потрясают наше отеческое сердце... Теперь приближается
зима, а с нею целая вереница страданий и лишений, кото-
рые холодное время приносит беднякам... Поскольку не
позаботятся о нуждах стольких несчастных семейств и о их
покинутых детях, они (чего не дай бог!) дойдут до ожесто-
чения.

Гвоздь «апостольского» поучения —
Страх рабочего «ожесточения».
Отсюда «апостольская» тревога:
«Подкормите их малость, ради бога,
А то ведь... понимаете сами!»
Растекся папа словесами.
Аминь, аминь, глаголю!
Наболтавшись вволю,
Шаманствуя и пророча,
Чтоб вытравить ненависть из рабочих очей,

Безработных бедняков мороча
Милосердием богачей,
Переходит папа к главному сюжету,
К своему бюджету,
К организации сверхнормального,
Повального
Трехдневного моления...
Для прибавления
Божественной казны.
В этом новизны
Особенной нету:
Гребут монету
Служители неба
Со всех сторон,
С крестин и похорон,
С черствого хлеба
И гнилых макарон.

Поскольку все человеческие усилия не достаточны для осуществления цели без божьей помощи, то мы воссылаем горячие молитвы подателю всякого блага, чтобы он сократил период страдания... Приближается праздник царя Иисуса Христа... Нам представляется чрезвычайно подходящим, чтобы при подготовке к этому празднику в приходских церквах устраивали торжественные трехдневия, во время которых молили бы бога...

Молили бы бога...
Молили бы бога...
Ах, уж эта «апостольская» тревога!
Надо дать папской пастве хоть немного еды,
Подкормить богомольную папскую шпанку,
Чтоб она, озверев, не причинила беды...
Ватиканскому банку!

Капиталисты рыщут,
Выхода ищут,
Плана хочется, но план колетя...
Папа римский молится...
А в Берлине —
И в одном ли Берлине? —
На людной площади, словно в пустыне,
Словно в месте и мертвом и голом,

Стоит девушка жутким символом
Капиталистического грабежа и вражды
И человеческой горькой нужды,
Стоит, словно столп, недвижимо,
А мимо,
Словно мимо столпа,
Равнодушно проходит толпа.
На площади людной так нелюдимо!
Мимо девушки бедной — глуха и слепа —
Проходит толпа...
Мимо...
Мимо...
Мимо девичьей незримой слезы...
Мимо нужды, кричащей плакатами...

Это голос отчаянья, не голос грозы.
*Гроза загремит громовыми
раскатами!*

СМЕЛЕЙ!

Не заражен я глупым чванством,
Покаюсь честно, не солгу:
Перед моей родней, крестьянством,
Я остаюсь в большом долгу.

Мой голос в годы фронтовые
Подобен часто был трубе.
Писал я песни боевые
И призывал народ к борьбе.

К борьбе с судьбой былой, кровавой.
К борьбе с попом и кулаком,
К борьбе с помещичьей оравой,
С Деникиным и Колчаком.

Вновь баре жить хотели жирно.
Мы им сказали: «Черта с два!»
В борьбе прославилась всемирно
Красноармейская братва.

Потом пошли другие годы,
Пора иных забот, хлопот:
Живил и нивы и заводы
Крестьянский и рабочий пот.

Нам было знойно и морозно,
Но — шла работа, как война.
И вот пред вражьей силой грозно
Стоит с деревнею колхозной
Индустриальная страна!

Деревня, жившая так бедно,
Рванулась к свету и красе.
Стальные кони мчат победно
На коллективной полосе.

Легли квадратами гектары—
Пять тысяч га! Семь тысяч га!
Вот — коллективные амбары,
Вот — коллективные стога.

Вот — ну, подумать! — спортплощадка,
Вот комсомольский уголок:
Где были образ и лампадка,
Плакат под самый потолок.

Дурман поповского глагола
Томится в собственном гною,
Совет, лечебница и школа
Победу празднуют свою.

О, сколько их на фронте этом
Не всеми знаемых побед!
Но ни одним еще поэтом
Фронт этот ярко не воспет.

Есть грех и мой в немалой доле,
Но... нету вечных силачей.
Мне одному хрипеть доколе?
Вина на тех певцах поболе,
Кто и моложе и бойчей.

Ребята! Юные поэты!
Певцы — ударники полей!
У вас возможностям нет сметы,
У вас и краски и сюжеты!
Ударней действуйте, смелей!

Чтоб боевая ваша нота
Все перекрыла образцы.
*Где гениальная работа,
Там — гениальные певцы!*

ЖИТЬ И РАБОТАТЬ!

...Колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей, антикулацкой лавины, сметает на своём пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне.

...Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о ложколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами?

Из речи т. Сталина на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в Коммунистической академии 27 декабря 1929 г.

Речь — веха. Ей всего исполнилось два года.

В два эти года — только в два! —

Как много старого ушло из обихода,

Как много нового в свои вошло права!

Уже теперь каким рисуется уроком

Путь, измеряемый всего двухлетним сроком!

Кулак — давно ли жег он бедноту огнем

И ночью выходил с обрезом из овина?

И вот — кулацкая крушится сердцевина:

Идет, и ширится, и крепнет с каждым днем

Антикулацкая колхозная лавина.

Антикулацкий фронт собрать, вооружить,

Социализм в деревне заложить,

В два года укрепить его очаг и базу...

Как хочется в такую пору жить!

Жить и работать без отказа!

1 9 3 2

К ПОБЕДЕ — ПОЛНЫЙ ХОД!!

Вступаем в новый год уверенно и смело
И на противника с усмешкою глядим.
Противник корчится, ярится очумело,—
Он болен нервами, и сердце онемело.
Холодный душ иль бром ему необходим.

Он успокоится на время, но... какое?
На час. Там из Москвы получит снова весть...
Не удручает так его ничто другое...
Из-за таких вестей уже давно в покое
 Не может ночи он провести.

Но мы бессонницей зато уж не страдаем
 И за работою не спим.
Нет, с нами жульничать опасней, чем с Китаем:
 Мы трезво мерим и считаем,
 Сооружаем и крепим.

Мы маневрируем и быстро и умело.
Мы знаем «наш маневр»: *к победе — полный ход!!*
И потому мы так уверенно и смело —
И класс и партия — вступаем в новый год!

СВИНОЙ ОСТРОВ

В Индийском океане, далеко,
Так далеко, что некуда уж дале,
Есть островок. На нем так жить легко.
Жить в домике, а не в сыром подвале
Иль, скорчась где-нибудь, подобно псу
Иль раненой, больной, бескрылой птице,
Жить, чувствуя себя в большой столице,
В Париже, как в глухом-глухом лесу.
На острове... О нем, за десять су¹
В Париже белую приобрета газетку,
Волшебную прочтете вы заметку.
Тот остров злым, оборванным, больным,
Всей, всей белогвардейщине голодной,
Он сказкою звучит, ничем иным,
Хоть в практике, на карте мореходной,
Он назван просто — «островом Свиным».
Полгода он затерян в океане,
В густом, непроницаемом тумане,
Пустынный, чуждый радостям живым,
Полгода в одиночестве суровом —
Зловещий в зимнем зареве багровом —
Под саваном лежит он снеговым.
Гор ледяных прибрежный гулкий грохот,
Бурь океанских вой, и рев, и хохот,
Пустынность, дикость, сырость, холод, мрак...
Следов не видно от былой дорожки,

¹ Су — французская монета, равняющаяся одной двадцатой франка, то есть 5 сантимам.

Протоптанной когда-то из сторожки,
В гранитный продовольственный барак.
Протаптывал дорожку четверть века
Угрюмый, молчаливый нелюдим.
Да, остров был жилищем человека:
Бараку сторож был необходим.
От воровских берег он покушений
(Грешили китоловы иногда!)
Постройку, где на случаи крушений
Хранилися одежда и еда.
И сторожу и в пополнение склада
Был привозим припас однажды в год.
Для сторожа, однако, не отрада
Был парохода редкого приход.
В былом к чему-то ненависть питая,
Он, получая письма, в тот же час
Безжалостно сжигал их, не читая.
В нем все сожгла жизнь, раньше прожитая,
Он твердо ей сказал однажды: «пас!»
На островке, над мрачною пучиной
Он угасал и, наконец, угас,
В дневник свой занеся перед кончиной:

Вот уже 42 дня подряд непроницаемый туман. Я слышу, как ледяные горы разбиваются с грохотом о скалы. Не могу спать. Одиночество. Мне скоро исполнится 62 года.

Он умер. Год прошел, и два, пока
На остров, где могила старика
Виднелась со сторожкой темной рядом,
Доставлен был мужчина средних лет.
Он долго, долго пароходу вслед
Глядел пустым и полумертвым взглядом.
А через год здесь найден был скелет
С костлявою рукой на склянке с ядом.

С тех давних пор до самых наших дней,
Как ни росла во всех анонсах плата,
Все не было — страх был нужды сильней! —
На этот пост вакантный кандидата.
Вдруг... Объяснять, что этому виной?
Чем нынче стала будущность чревата?

Что значит стон сердечно-надрывной
И гневный вопль голодных демонстрантов —
Рабочих и фабричных лаборантов,
Матросов и нежнейших музыкантов:
«Спаستись, спастись, спастись любой ценой!..»
Легендою вдруг остров стал *Свиной*,
Особенно среди русских эмигрантов:
«Сторожка и барак! Жилище и еда!
Пусть не шелка, не сладкие сиропы,
Но не сухарь, не пресная вода!»
«Пусть остров! Пусть Свиной! Скорей туда
Из кризисной погибельной Европы!»
«В ней терпят все крушение, и мы!
Не пережить нам нынешней зимы!
Ждать лучшего? Увы, нет оснований!»

Что я пишу не выдумку свою,
Вот — образцы вам точные даю
Голодных эмигрантских завываний:

Ответ своим читателям парижской
белогвардейской газеты «Последние
новости» (№ 3933 от 29 декабря истекшего года).

По поводу напечатанной у нас заметки «Ищут Робин-
зона» (№ 3931) мы получили несколько десятков письмен-
ных, телефонных и устных запросов.

Среди безработных эмигрантов немало охотников полу-
чить место сторожа на необитаемом Свином Острове («Хог-
Айланд»).

Заметка эта была нами взята из «Берлинер Цейтунг ам
Миттаг». Замечательно, что и берлинская газета оказалась
заваленной предложениями немецких безработных. «Мне
22 года, а остальное не так важно...» — пишет один. «Нас,
безработных, нельзя упрекнуть в том, что мы разборчивы», —
пишет другой. «Мне стало просто невыносимо жить здесь,
терять лучшие годы бесцельно, без всякой деятельности», —
пишет третий.

Полученные нами письма по тону немногим отличаются
от писем немецких безработных. «Я согласен на все пред-
ложения». «Мне 32 года, холостой, натурализованный
француз, владею 8-ю европейскими языками».

...Претендентам ничего не остается, как обратиться
непосредственно в «Общество оказания помощи потерпев-
шим кораблекрушение» в Сидней (Австралия).

Выдержки из дальнейших, продолжавших поступать в редакцию «Последних новостей» писем. (См. № 3938 от 3 янв.)

1

Извините, что пишу Мало грамотно но я иначе не знаю писать... Статейка подзаглавием ищем робинзона: то есть Человека, который бы согласился поехать Насвиной остров... Я согласен ехать! в сторожа вместе с женой и сыном... и еще один знакомый тоже семейный трое детей тоже согласен в Месте... Прошу ответить, чем скорее, потому что без работы и запаса нету.

2

Правда, место не очень завидное, но наша жизнь эмигрантская еще хуже. Предпочитаем быть в безлюдье, чем смотреть на голод детей. Я три месяца без работы, дети обносились, жена начала болеть от недоедания. Просить о помощи я не могу, совесть не позволяет, так как и без меня много несчастных.

3

Ищут Робинзона. Я желал бы знать это место. Я уже давно мечтаю куда-нибудь удалиться подальше от людей, потому что жить среди людей невозможно. В холоде и голоде очень трудно, а стреляться не хочется.

4

Я согласен подписать контракт на несколько лет. Я русский. Мне 25 лет. Теперешняя моя жизнь мне надоела. Остров, дающий приют пострадавшим от кораблекрушения, явится также островом спасения и для меня.

5

Господин Милюков знай шел я ваше объявление у вашей уважаемой газеты П. Н. у котором объявлено что требуется Сторож на Свиный остров так я очын заинътирсувался етым объявлением и очын имею большую охоту ехать туда... Напишите мне... адрес где его находица так как я ишо очын молод имею только 22 года...

6

Я бы с большим удовольствием уехал на Свиной остров от этой проклятой нынешней жизни. Я вас увирую, что если у меня не будет счастья туда попасть то жить мне

остается не много в этом гнусном кроважадном мире. Я безработный... Все это мне надоело до отвращения... Один путь я уже себе выбрал, а это другой! Первый — смерть, второй жить в одиночестве.

7

Из рассуждений М. Осоргина, сопровождающих цитируемые письма

...Это так естественно для русского человека! В дни полной безработицы и крушения всех надежд на будущее — и вдруг свободное место с хорошей оплатой. Один сторож умер в снегах, другой покончил самоубийством...

Отчаянье. Безвыходность. Тупик.
Готовность жрать хоть из свиной помойки.
Белогвардейский холод так велик,
Что в радость им тепло тюремной койки.
Как выглядит зверино «белый» лик
И как звучит животный, дикий крик
На фоне нашей грандиозной стройки!
Партконференциям? Нет, нет, не им.
И не ячейкам также заводским,
И не своим читателям колхозным
Для смеха, их живым речам не в тон,
Я подношу вот этот фельетон
С материалом гнойно-гангренозным,—
Но тем, кто бредит желчно стариной,
Кто брызжет ядовитою слюной
На каждую строительную вышку,
Кто злобствует за нашей спиной,
Дарю мечту про остров про Свиной.
Швыряю в их личины их же гной,
Чтоб услышать их хриплую одышку,
Чтоб отравить предсмертную их злость,
Чтоб «Островом Свиным» вогнуть им гвоздь,
Железный гвоздь в их гробовую крышку!

«ЗАДУЛИ»

Телеграмма-молния

МОСКВА. Д. БЕДНОМУ.

*Задули первую домну. К дню выдачи
чугуна ждем твоей ответной продукции.*

Кузнецкстрой.

«Задули домну, голова!»
Что это? «Мудрое» какое изречение?
А мудрость в нем меж тем, а радость какова!
Обыкновенные — по внешности — слова
Приобрели у нас особое значенье.
«Задули!»! Грубое словцо?
Смотря для чьих ушей. Для нас в нем налицо
Такая гордости оправданной безбрежность,
Такая творческая нежность!
Ведь домна каждая для нас — защитный форт,
И мы о том всему Союзу рапортуем,
Скосившись на врагов: пусть знают, чтоб их черт,
Что мы, коль тронут нас, не так еще «задуем»!

«П Р А В Д Е»

Один из зачинателей твоих,
Тебе, глашатаю идеи необъятной,
Восторженный, приветственный мой стих
Я посвящаю с гордостью понятной.
Свидетелю рожденья твоего,
Соратнику тебя создавших великанов,
Чьи гений, смелость, мастерство
Определили торжество
Одержанных побед, осуществленных планов,
Мне радостен твой праздник боевой
На рубеже великих достижений,
Мне дорог строгий облик твой —
Ударно-пафосный и четко-деловой,
В котором отражен всепролетарский гений.
Я отдал все тебе, весь скромный мой талант,
И будешь ты сверкать в его последней вспышке.
Октябрьско-ленинский бессмертный фолиант,
Ты мне была близка в бою и в передышке,—
Мне Ленин близок был «изустно», не по книжке,
И близок был не понаслышке
Испытанный и признанный гигант,
Сменивший Ленина на пролетарской вышке.
В приветственных словах всего не помянуть,
Но радостью одной горжуся я бесспорной,
Что героический твой путь
Отмечен и моей работою упорной
И что благодаря бессменному труду,
Которому лишь смерть грозна угрозой срыва,
В сознание потомков я войду
«Правдистом первого призыва».

П О Р О Г И

*В день пуска Днепростроя
А. М. Горькому.*

Сегодня — день от всех отличный,
Сегодня — праздник символичный:
Сегодня утренней порой
В наш боевой рабочий строй
Победно входит «энергичный»
Наш торжествующий герой —
Электросильный *Днепрострой*.
Как мы мечтали, как гадали,
Как нажимали все педали,
Как торопили дни, часы,
Чтобы скорей мильонно-тонной
Мускулатурой бетонной
Он обрастал — кремнисто-донный
Гигант невиданной красоты!

Как много пиголиц пищало,
Как много воронов вещало
О «фантастической игре»,
«Затее дикой» на Днестре.
И вот — затея стала фактом,
Игра — великим, смелым актом,
И мир, весь мир, в любой стране,
Мир пролетарский — с теплой лаской,
Мир буржуазный — с злой опаской,
С тоской, понятной нам вполне,
Внимает радиоволне
И ловит радостные хоры,

Рабочий смех и разговоры,
И — голос будущих судьбин —
Гул торжествующих турбин!
А там, за звуками, картина:
Сталобетонная плотина,
Замкнувши ток днепровских вод,
Дает им новый, точный ход,
Чтоб Украине, «неньке милой»¹,
Они запели в наши дни
Не то, что пели искони.
Организованною силой
Отныне сделались они!
Вперед днепровские пороги
Не преградят уж им дороги,
Не будет их водоворот
Ломать челны, губить народ.
Все вековечные заторы,
Ликуя, волны погребли.
В глубоководные просторы
Войдут морские корабли
И станут гордо у плотины,
Где чудо-электротурбины
Дают — неслыханный захват —
Миллиарды сило-киловатт,
Невидимых, но осязаемых
Богатырей неутомимых,
Отважных электросолдат,
Всегда готовых вмиг, по знаку,
За поворотом рычага,
Лавиной ринуться в атаку
На старо-косного врага,
Который уж не будет боле
Держать в убожестве, в неволе,
И чудо-Днепр, и чудо-поле,
И эти чудо-берега!

Взрывая скалы, землю роя,
Водой Днепра пороги края,
Мы на плотине Днепростроая

¹ . Н е н ь к а — мать.

Свершали подвиг трудовой.
Темп забирая боевой,
Мы до конца его не сдали
И — среди машин, бетона, стали —
В работе творчески-живой
Мы, закаляясь, обрастали
Мускулатурой волевой.
На горе вражеским пророкам,
Их предсказаньям вопреки,
Мы повышали гонку срокам,
Снуя по руслу и протокам
В бетон закованной реки.
Мы сдали творческий экзамен!
Всей зло-пророческой гурьбе
Теперь кричать «аминь и «амен»
Не нам придется, а себе.

Там, где с порогами в борьбе
Вода, бурля, взметалась пылью,
Где историческою былью
Дышала каждая скала,
Свершились дивные дела:
Над ровной водной пеленою,
Над новозданной глубиною,
Грядут пороги поборов
И к реву их неумолимы,
Победу празднуя, зажгли мы —
Взамен угаснувших костров —
Гирлянду солнц-прожекторов.
Чтоб больше древние пороги
Не заступали нам дороги
К грядущей, сказочной судьбе,
С водой и скалами в борьбе
Мы не работали — горели!

Пороги есть в одном Днепре ли?
Им в жизни не было числа.
Не позабыть всей тьмы и зла,
Всей тяготы непереносной
Минувшей жизни старо-косной:
Она «порожиста» была.

Не только взрослые — и дети —
В пучине жизни заодно,
Разбившись о пороги эти,
Метались горестно, бедно,
В тоске — изранено смертельно —
Метались брошенно, бездельно
И опускались «на дно».
О, сколько жизней, сил, талантов,
Народных творческих гигантов,
Топя тоску свою в вине,
Тоску по жизни светлой, новой,
С разумной творческой основой,
Страдало, корчилося «на дне»!
Их всех, чьи гибли дух и тело
«На дне» погибельно-гнилом,
Их сердце Горького узрело,
И пожалело, и согрело
Сердечно-ласковым теплом,
И перед всем раскрыло светом:
Кто погибал «на дне» на этом,
Кого забросила сюда,
Кого измяла, сокрушила,
Услады жизненной лишила,
Лишила радостей гряда
Порогов жизненных гряда.

Работы горьковской итоги
Росли пред нами вглубь и вширь.
Он рвал проклятые пороги,
Передовой наш богатырь,—
В боях с ним вражеская стая
Не мало понесла потерь,—
Он шел, ряды врагов сметая,
Как он сметает их теперь.

Ему, грозе дворцов, чертогов
При старом строе, при царе,
Ему, «взрывателю порогов»,
Тех, что мы рвали в *Октябре*,
Ему, певцу иной культуры,

Культуры нашей, трудовой,
Ее стальной мускулатуры,
Ее закалки волевой,
Ему, чье знамя буревое
Пред нами реет столько лет,
Моим *«Стихом о Днепрострое»*
О нашем энерго-герое,
Я энергичный шлю привет!

ЕСТЬ ЗА ЧТО

У заводской пионерской площадки

Пионер! Смотрите, как он ловок!
Пионер! Смотрите, как он смел!
Сколько их, ребяческих головок,
Озорных, упругих детских тел!

Расцвела спортивная площадка
Разномастной шустрой детворой.
Пионер! Какая в нем хватка!
Как он горд спортивную игрой!

Он сейчас был первым в перегонке.
Так легко понять его экстаз:
Может быть, там мать стоит в сторонке
И с него не сводит добрых глаз.

Может быть, с культурной эстафетой
По пути в партком или завком
Подошла она к площадке этой
И стоит, любуясь сынком.

Простояв минутку, полминутки,
Вновь она пойдет, ускорив шаг.
Но ребячьи шутки-прибаутки
Будут все звенеть в ее ушах.

Под конец тряхнет она задорно
Головой и станет напевать:
«Есть зачем работать нам упорно!
Есть за что с врагами воевать!»

1 9 3 3

ПОДРЕЗ

Часть первая

И С Т О Р И Ч Е С К А Я

Представьте же теперь, что лучший косарь (сам хозяин) идет не впереди, а сзади партии (наемных косарей) и что он из 1000 взмахов «на ручке» будет делать 100 взмахов не средней, а высшей силы. Понятно, что в каждом случае, когда задний косарь станет *«подрезывать»* переднего, вся партия должна будет делать порывистые, усиленные напряжения...

Случаи таких «подрезываний» (хозяином батрака) в буквальном смысле неоднократно замечались. Так приходилось наблюдать следующие факты: хозяин-крестьянин шел с косою позади работника, а работник, шедший впереди, несмотря на усталость, должен был волей-неволей шагать быстро вперед, боясь быть захваченным косою своего хозяина. Оказывается, что случаи ранения рабочих таким образом нередки и зарегистрированы даже земскими участковыми врачами. Один из них в своем отчете рассказывает, что вечером был привезен в амбулаторию крестьянин, весь залитый кровью, со слабыми признаками жизни. Оказалось, что у него перерезана артерия и случилось это так: на косо-вице он шел впереди, а сзади него в том же столбе шел его хозяин. Чтобы работник не отставал, обыкновенно хозяин идет сзади и таким образом подгоняет впереди идущего батрака. Батрак порядочно устал, и размах косы, а также его шаги стали замедляться; в одном из таких замедлений хозяин, шедший сзади с косою, хватил по правой ноге сзади работника и перехватил ему всю заднюю часть мускулов ноги до обнажения кости, работник свалился, обливаясь кровью... Соседи, тут же находившиеся, засыпали ему рану землей и залепили мякиной хлеба...

См. книгу кн. Н. В. Шаховского «Земледельческий отход крестьян», СПб. 1903 г., стр. 256.

Часть вторая

ФАКТИЧЕСКАЯ

Дед Сысой хрипит на сходе
При честном при всем народе:
«Вот подохну, пропаду,
А в колхоз ваш не пойду!»
Дед Сысой, сердитый, хмурый,
Весь пришибленный, понурый,
Волком травленным глядит
И дудит, дудит, дудит,
Тянет нудную волынку
Про старинушку-старинку,
Про минувшие дела:
Дескать, вот где жизнь была!
В старину-то как живали!

Как живали?!
Хлеб жевали,
Запивали
Хлеб водой,
Заедали
Лебедой,
Воем выли временами
На голодной полосе.
Нет, на масляной блинами
Объедались не все.
Свой покос не все косили,
К богатею шли, просили:
«Плохо дело, хоть помри.
Не возьмешь ли в косари?
На тебя, Сысой, надея». «Сердце» есть у богатея,
В человеке есть «душа»,
Говорит он не спеша,
Рассудительно, серьезно:
«Ладно. Просишь больно слезно.
Я ж нуждаюсь в косаре». Ранним-рано, на заре
С батраком хозяин — в поле:

«Ну, накосит кто поболее?
Перекосит кто кого?»
Сам косарь хозяин — во!
Жилы крепкие у дяди,
Мужичина весь в соку!
«Ты вперед, а я уж сзади», —
Говорит он батраку.
Смотрит хитрою лисою.
Замахал батрак косою,
Машет, машет без конца,
У бедняги пот с лица.
Ослабел он, тяжело дышит,
Хочет вырваться вперед,
А хозяин сзади, слышит,
На него все прет и прет.
Опершись сильней на пятку,
Сжав покрепче рукоятку,
Весь разваренный, как рак,
Косит яростней батрак
В страхе-ужасе великом
Пред хозяйским строгим ликом.
Вдруг качнулся, сразу — хлоп! —
Помертвевши, с диким криком
Наземь рухнул он, как сноп, —
На щеке его на впалой
Стынут синие круги,
Хлещет кровь струею алой
Из подрезанной ноги.
Люд с полос других сбежался,
«Что случилось?» — говоря.
«Что! — Сысой заобижался: —
Вот сыскал я косаря!..
Ён косил — глядеть обидно.
Шел я сзади полосой.
Сгоряча ему, как видно,
Полноги отсек косою».
«Кто бы сбегал за водицей?
Надо дать ему испить».
«Рану сверху бы землицей».
«Или хлебцем залепить».
На Сысою взгляды злые.

«Жадность!»
«Слопал мужика!»
«Ён, зверюга, не впервые
Подрезает батрака!»
«На тот свет придет с ответом —
Все зачтут ему грешки». —
«Эх, на свете бы на этом
Гаду выпустить кишки!»
Гад Сысой дождался кары:
Под октябрьские удары
— Вместе с полным сундуком —
Он попал уж стариком.
Растрясли его нещадно,
И трясли потом изрядно,
И, как был он злой стервец,
Раскулачили вконец.
Подмели с пути помеху.
И не мало было смеху
От Сысовых угроз:
«Не пойду я в ваш колхоз!»
Животы все надрывали:
«Да тебя ж туда не звали!»
Дед дудил в свою дуду.
«Раззовитесь, не пойду!»
Нынче он сердитый, хмурый,
Псом пришибленным, понурый
На завалинке сидит
И дудит, дудит, дудит,
Тянет нудную волынку
Про старинушку-старинку,
Про минувшие дела:
Дескать, вот где жизнь была!
Речь Сысои — вражий скрежет.
Он издаст последний хрип,
Смерть когда косою «подрежет»
Ядовитый старый гриб!

МАКСЫ-МОРИЦЫ НА РАБОТЕ

Фашисты, ворвавшись в гамбургское отделение советского торгпредства, где — по их предположению — укрылся человек, подлежащий аресту», произвели обыск, не давший ожидаемого фашистами результата.

Из газет.

Максы-Морицы фашизма
Вновь сыграли в дурачки.
Приступ злой галлюцинизма
Затуманил им зрачки.

Примерещилось им сразу:
«Макс, ты видишь?» — «Вижу, да!»
«Жид!» — «Стреляй в него, в заразу!»
«Где ж он?» — «Сгинул без следа!»

Озверевши в «жидоедстве»,
Привидение ища,
В нашем гамбургском торгпредстве
Очутились два хлыща.

С полицейскою подмогой
Проложив в торгпредство ход,
Подняли весь дом тревогой:
«Доннер веттер!» — «О, мейн готт!»

Но, мечась от места к месту,
Сколько носом не вели,
«Подлежащего аресту
Человека» не нашли.

Мозговым культурным грузом
Не весьма нагружены,
Из торгпредства шли с конфузом
Макс и Мориц, «шалуны».

«Мориц, гох немецкой расе!»
«Гох!» — «Поищем вновь жида!»
Все прохожие на штрассе
От фашистов — кто куда.

«Макс, ты видишь... там... фигура...»
«Вижу: плачет у стены...»

*Это плакала культура
Опозоренной страны.*

НА СТРАЖЕ МИРА И КУЛЬТУРЫ

(Надпись к плакату ИЗОГИЗа)

Ударил кризис по затылку,
Капитализму в петлю лезть?
И вот — с машины на кобылку
Спешит он в страхе пересесть:
Все, дескать, зло — от техницизма,
Капитализму он — зарез.
И лишь в стране социализма
В чести технический прогресс.

К чертям искусства и науки!
От них — тревожный результат.
Капитализм охотней в руки
Берет божественный трактат.
День каждый видя с миной хмурой,
Как крахает за трестом трест,
Капитализм над всей культурой
Готов поставить желтый крест.

Рать безработных и бездомных
Стоит пред биржами труда.
Куда ж девать юнцов дипломных?
И кризис их зовет: «Сюда!
Сюда, в пучину слез и гнева,
В пучину горя и нужды!»
От мозга потрясен до чрева
Капитализм: «Святая дева,
Спаси от классовой вражды!»

Застой в промышленности. Крышка!
Капитализму лишь одна,
Одна спасительная вышка
Осталась: новая война!
Весь мир у грозной конъюнктуры.
Дичает враг. И лишь одна
На страже мира и культуры
Стоит Советская страна!

Е Ж

Где объявился еж, змее уж там не место.
«Вот черт щетинистый! Вот проклятуший бес-то!
Ну, погоди уж: долг красен платежом!»
Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,
Она пустилася вправлять мозги зверьку,
Хорьку:
«Приятель, погляди, что припасла к зиме я:
Какого крупного ежа!
Вот закусить кем можно плотно!
Одначе, дружбою с тобою дорожа,
Я это лакомство дарю тебе охотно.
Попробуешь, хорек, ежиного мясца,
Ввек на захочешь есть иного!»
Хорьку заманчиво и ново
Ежа испробовать. Бьет у хорька слюнца:
«С какого взять его конца?»
«Бери с любого!
Бери с любого! —
Советует змея. — С любого, голубок!
Зубами можешь ты ему вцепиться в бок
Иль распороть ему брюшину,
Лишь не зевай!»
Но еж свернулся уж в клубок.
Хорь, изогнувши нервно спину,
От хищной радости дрожа,
Прыжком метнулся на ежа
И напоролся... на щетину.

Змея шипит: «Дави! Дави его! Дави!..
Да что ты пятишься? Ополоумел, что ли?!»
А у хорька темно в глазах от боли
И морда вся в крови.
«Дави сама его! — сказал змее он злобно.—
И ешь сама... без дележа.
Что до меня, то блюдо из ежа,
Мне кажется, не так-то уж съедобно!»

Мораль: враги б давно вонзили в нас клыки,
Когда б от хищников, грозящих нам войною,
Не ограждали нас щетиною стальнойю
Красноармейские штыки.

ПЧЕЛА

В саду зеленом и густом
Пчела под розовым кустом
Заботливо и радостно жужжала.
А под кустом змея лежала.
«Ах, пчелка, почему, скажи, судьба твоя
Счастливее гораздо, чем моя?»
Сказала так пчеле змея:
«В одной чести с тобой мне быть бы надлежало.
Людей мое пугает жало,
Но почему ж тогда тебе такая честь
И ты среди людей летаешь так привольно?
И у тебя ведь жало есть,
Которым жалишь ты, и жалишь очень больно!»
«Скажу. Ты главного, я вижу, не учла,—
Змее ответила пчела,—
Что мы по-разному с тобою знамениты,
Что разное с тобой у нас житье-бытье,
Что ты пускаешь в ход оружие свое
Для нападения, я ж — только для защиты».

ЛОДЫРСКАЯ СУДЬБА

1

УХОД ЛОДЫРЯ ВЕСНОЮ ИЗ КОЛХОЗА

Эх, весенняя погодка,
До чего ж ты хороша!
Как легка моя походка,
Как поет моя душа!
Все бранят меня, лентягу:
Я в колхозе, дескать, ноль.
Из колхоза дал я тягу,
А куда, не все равно ль?
Мне в Москву попасть охота:
На постройку попаду.
Не пондравится работа,
На другую перейду.
Поголяю, покочую,
А как лето под откос,
Холод-зимушку почую,
Ну, вернусь тогда в колхоз!

2

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛОДЫРЯ ОСЕНЬЮ В КОЛХОЗ

Лодырь прет в колхоз обратно,
Пробродяжив летний срок:
«Здрас-сте!»
«Очинно приятно».

«Как делишки?»
 «Нам-то в прок».
«Уродило?»
 «Уродило».
«Будем, стало быть, с едой!»
«Как сказать. Не всем хватило».
«Мне, к примеру...»
 «Хрен с водой».
«Я ж колхозник».
 «Никудышный».
«Я ж работник».
 «Гулевой».
«Вот прием какой!»
 «Не пышный».
«Пай мой, значит?»
 «Нолевой».

Гул машины. Говор дружный.
На колхозный трудодень
Смотрит лодырь, гость ненужный,
Как в саду прогнивший пень.

ПАШИ ПЕРВОЦВЕТЫ

Юным участникам Первого всесоюзного конкурса музыкантов.

Ребята. Им играть бы в фанты.
Меж тем не детская игра
Нам выявляет их таланты:
Какие диво-музыканты!
Какие чудо-мастера!

Какой в триумфе этом детском
Отпор для вражьей клеветы!
Смотрите все: *в саду советском*
Какие брызнули цветы!

Звучат их соло и дуэты.
И с замиранием в груди
Мы все— политики, поэты —
Влагаем свой восторг в приветы.
Ведь это — наши *первоцветы*,—
А то ли будет впереди!

Какая будет партитура!
Какие будут мастера!
Цвети, советская культура!
Расти, родная детвора!

**ГЕРОЯМ, СТРОИТЕЛЯМ
ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА**

Еще одна в родном краю
Твердыня новая в строю.
Труду, упорству и талантам,
Бойцам, ударникам, гигантам,
Героям тракторных побед
Восторги наши и привет!

К Л А Д

У мужика,
Гаврилы-бедняка,
Открылся клад на огороде,
Не золото хотя, а что-то в этом роде.
Бедняк и рад и горд,
Он счастьем делится с женою, Акулиной:
Открыл он глину — первый сорт!
«Ну, заторгуем же теперь мы этой глиной!
Горшок из глины из такой...
Да оторвут его покупщики с рукой!»
Деревня вся заговорила:
«Ай да, Гаврила!»
А богачи к нему уже и так и сяк
И говорят о нем, как наилучшем друге:
«Кто говорил, что ты и лодырь и босяк?
Ты первый человек теперь во всей округе!
Поклон нижающий супруге!
Да вы дороже нам родни!
Сказать по совести, иначе,
При вашей бедности не быть у вас удаче,
Нет, не управитесь вы с глиною одни.
Гаврила, рассуди,— они твердили дале,—
Тебе ли глина впрок?
Ты беден, как сурок, —
А мы бы с глиною при нашем капитале...
Ты лучше огород, голубчик, нам продай
Или в аренду сдай!..
Продай иль сдай!..
Продай иль сдай!..»
В ушах Гаврилы зазвенело.
Гавриле под конец всех слушать надоело:

«На кой вы леший мне?.. Идите вы ко псам! —
Гаврила объявил.— В мое не суйтесь дело!
Я с глиною своей небось управлюсь сам!»
Не таковы, иначе, воротилы,

Чтобы отстать им от Гаврилы:

То завлекут они его силком в трактир

На пьяный пир,

То к сделке ласковым враньем его охотят,

То ночью темною, случалось, поколотят.

Гаврила по двору уж ходит с топором.

«Послушай, кончится все это не добром!

Отдай нам огород!» В отчаянной досаде

Вопит его жена: «Они ж нас изведут!

Ведь мы теперь живем, гляди, в какой осаде!

Ведь нам житья они, злодеи, не дадут!»

«Тож скажешь,— отвечал Гаврила Акулине.—

Я тож не вялая былинка при долине.

Топор на что? Дадим отпор!»

«Топор — отпор! Заладил, дятел!

Кому отпор? С ума ты спятил?

Они отнимут все — и огород и двор!»

Чем кончился о глине спор,

Я не могу сказать. Давно все это было.

Но в памяти моей все дело это всплыло,

Встав, как живое, предо мной,

В связи с удачею советской, нефтяной,

Она завистников доводит до кошмара:

«У них,— кричат они,— ударил Лок-Батан!

Нет, мы не вынесем подобного удара!

Ведь это ж — кар-р-ра-ул! — не нефтяной фонтан,

А нефтяная Ниагара!!»

Нам при оказии при сей

Подсчетов подводить не надо нам подробных,

Чтоб точно уяснить, как много зло-утробных

У нас прибавилось «друзей»,—

Мы не нуждаемся и в звуковом экране,

Чтоб слышать щелканье зубами в этом стане

И тот зловещий тра-ра-рам,

Что происходит там при чтенье телеграмм

О нашем дивном Лок-Батане!

КРЕПЧЕ С НОВЫМ УРОЖАЕМ!

Письмо областному слету иваново-вознесенских делегатов Всесоюзного съезда колхозников-ударников и представителей лучших колхозов области.

Каждый день пишу бессменно.
Время, знаете, не ждет.
Будь досуг, я непременно
Прилетел бы к вам на слет —

Посмотреть на ваши лица
И послушать разговор.
К сожаленью, я не птица
И к тому ж немного хвор,

Не приехать к вам в трамвае:
Не в версте от вас Москва.
Я прочту в «Рабочем крае»
Ваши слетные слова.

То, что станет мне известным,
Может, в стих переложу.
По газетам дальним, местным
Я за жизнью так слежу!

И отсюда и оттуда
Каждый день новинок груз.
Нет, не зря «странною чуда»
Называют наш Союз.

Разве это тож не чудо,
Что — когда-то «тощий» — край
Стал колхозничать не худо,
Хлеб собирать, а не курай,

Даже сеять стал пшеницу!
И какой успех труда:
Он пшеничную границу
Передвинул вон куда!

Что колхозники ни скажут,
Это все — не словеса.
Нам еще они покажут
С урожаем чудеса.

Урожай! Он бодрость будит,
Он к нам ближе с каждым днем,
И на слете вашем будет
Слово первое о нем.

Темный враг, считая сроки,
Вкруг него уже кружит.
Прошлогодние уроки
Нам продумать надлежит.

Обсудить неторопливо,
Чья промашка в чем была,
И продумать особливо
Предстоящие дела:

Как *учетом* и *охраной*
Обезвредить вражью злость,
Чтоб вредительскою раной
Не был ранен новый гость.

Воровские чтобы руки
Не тянулись к нему.
Узнаются вражьи штуки
По кулацкому клейму.

Урожай убрать — задача.
Уберечь — задача тож.
Подспеет хлебосдача —
Вновь кулак заточит нож.

Вновь начнет искать опоры
В темной жадности людской,
Вновь затеет разговоры
О неправде городской.

О кулацкой правде снова
Поведет он сладко речь.
От такого блудослова
Урожай должно сберечь.

Будет где во все этапы
Стража зоркая верна,
Там во вражеские лапы
Не просыплется зерна.

Дружно, честно, бодро, смело,
Счастья общего ища,
Государственное дело
Надо строить сообща.

Гвоздь всех вражеских подходов:
«Нашей власти кто милей:
То ль работники заводов,
То ль работники полей?»

На таком гнилом коварстве
Можно дурня оплести.
Нет, в *рабочем* государстве
Все работники в чести,

Честь рабочему заводу
И колхознику хвала!
Лишь ленивая колода
Нам чужда и не мила.

В государстве мы в рабочем,
Не в каком-нибудь ином,
И о деле мы хлопочем,
Всем трудящимся родном.

На заводе и на поле
Дело общее, одно.
В общем деле — в общей доле.
Здесь машины, там зерно.

Здесь машин не тащут в яму
И не прячут их в домах.
Почему ж такому сраму
Быть в колхозных закромах?

Воровство — остаток рабства.
Существо его раскрой:
Стержень этого похабства
Есть неверье в новый строй:

Что с работой торопиться?
Скрал — и спрятал под амбар,
Лишь бы как-нибудь пробиться
До прихода старых бар!

«Мы-с-та! Вы-с-та! Ваши-сяси!
Встосковались о былом!
С возвращеньем восвояси!
Бьем покорниче челом!»

Для зажорного Нефеда
Где чужое, там и дверь:
Прежде пер он у соседа,
У колхоза прет теперь.

К черту общая запашка!
К черту общие дела!
У него своя рубашка
Крепко к телу приросла.

У него нутро большое,
А вот руки — не таё:
«Все колхозное — чужое,
А чужое все — мое!

Своровал — и слава богу!
Раз не пойман, так не вор!»
Как медведь в свою берлогу,
Все тащи к себе во двор!

А потом... шипи на сходе:
«Надо власти втолковать...
Нам при нашем недороде
Можно ль хлебушку сдавать?»

Хлеб опять же растаскали...»
Кто таскал, о том молчок.
У него и не искали:
Честный с виду землячок.

Против гнид такого рода,
Всех воров и их родни,
Объявление похода
Вот как важно в эти дни.

Крепче с новым урожаем!
Сбережем свои труды!
Вражьи карты все смешаем,
Вражьи скомкаем ряды!

Мы — напористое племя,
Не опустимся на дно.
Други, жить в такое время —
Упоение одно.

Не пустячная задача —
Строить жизнь на новый лад.
Что в делах у нас удача,
Нынче видит стар и млад.

Но успехом не случайным
Мы заслуженно горды.
В битвах с явным злом и тайным
Закалили мы ряды.

Чрез какие мы пороги
И в какие шли года!
Нет, уж нас не сбить с дороги
Никому и никогда!

Наш *Це-ка* и вождь наш *Сталин*
Смотрят зорко из Кремля:
Нет ли где пустых прогалин,
Вся ли вспахана земля?

Там, колхоз где жизнью налит,
Не прирос ли злой лишай
И кулак глазищ не пялит
На колхозный урожай?

Не обижен ли кто-либо
Самовольством дурака,
И крестьян от перегиба
Защищает чья рука?

Обеспечена ль оплата
За колхозные труды?
Скоро ль будет жизнь богата
Там, где был приют нужды?

Сколько надо шерсти, ситца
Всем, для каждого двора?
Так успели обноситься,
Приодеться уж пора!

Где сменить растяп и дурней,
Чтоб деревни поскорей
Стали умственно культурней
И хозяйственно мудрей?

Взяли подвиг очень трудный
На себя большевики.
Мы открыли склад подспудный,
Больше мы не бедняки.

Свет победного итога
Гонит прочь былую тьму,
И колхозная дорога
Прямиком ведет к нему.

Где в колхозном переплете
И ценней какая нить,
Надлежит на вашем слете
Указать и разъяснить.

Дело славы, дело чести
Мы победно развернем,
Опыт общий — с вашим вместе —
Зреет, крепнет с каждым днем.

Слет ваш — радостная вежа.
Мир вам, братцы, и совет!
С пожеланием успеха
Шлю вам радостный привет!

СЛЕПОЙ АФОНЯ

Зла в Афоне нет и следу,
Предушевный паренек.
Любит вечером к соседу
Он зайти на огонек.

«Добрый вечер, Пал-Иваныч!»
И пожатие руки.
Пал-Иваныч с книгой на ночь:
Над евангелием Луки.

«Добрый вечер, друг Афоня!
Из райкома аль в райком?
Посиди, за чем погоня?
Побалуемся чайком».

Так уютно,
Так уютно,
Самоварчик так поет.
Пал-Иваныч поминутно
Чашку с чаем подает.

Говорит он так солидно,
Речь такую слушать век,—
Сразу видно,
Сразу видно,
Что хороший человек.

Есть грешок в нем: богомолен.
Ну да бог ему простит,
Сам живет он,— всем доволен
И предрика угостит.

Жил когда-то он богато,
А теперь наоборот.
Мало ль было что когда-то?
Нынче он, как весь народ.

Все в колхоз, и он туда же,
Подтянув себе живот.
Получилось как-то даже:
Он в колхозе счетовод.

На мудрейшие задачи
У него готов ответ:
«Как по части хлебосдачи,
Пал-Иваныч, сбую нет?»

Пал-Иваныч тихо крякнет:
«Первым делом важен план-с».
Раз-другой на счетах брякнет
И покажет весь баланс.

«Вот себя заобеспечим...
Не умрет без нас Москва...»
Крыть его, глядишь, и нечем,
Потому что — голова.

Видно все как на ладони,
Вот какие, мол, дела.
Ясно сразу для Афони:
Хлебосдача тяжела.

Вот с весны в колхозе кони
Чтой-то стали подыхать.
Ясно сразу для Афони:
Всеї запашки не вспахать.

Нет порядочной супони,
А не то что — хомута.
Ясно сразу для Афони:
Не колхоз, а срамота.

Люди — лодыри и сони...
Хоть бежать отсель бегом...
Ясно, ясно для Афони:
Пал-Иваныч прав кругом.

Искривил Афоня губы,
Ус досадливо грызет:
«Отчего бы, почему бы
Так колхозу не везет?»

Враг бы нам подставил ногу,
Так с врагами — благодать:
Кулаков у нас, ей-богу,
Не слышать и не видеть!»

«Весь колхоз перепололи.
Где тут взяться кулаку?..
Подогреть чайшкку, что ли?
Я подбавлю сахарку».

Так уютно,
Так приютно,
Самоварчик так поет.
Пал-Иваныч поминутно
Чашку с чаем подает.

Говорит он так солидно.
Речь такую слушать век.
Сразу видно,
Сразу видно,
Что хор-ро-ший человек!

БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ

I

ГДЕ ГНИЛОЙ ПРЕДКОЛХОЗА,
ТАМ КРЕПКА КУЛАЦКАЯ ЗАНОЗА

Все в мозгу у предколхоза
Засорились шары:
То ли ждать ему мороза?
То ли ждать ему жары?

Ладить сани аль телегу?
Боронить или косить?
Аль брести домой к ночлегу,
Выпить рюмку, закусить?

Паутина, паутина,
И в мозгу и на стене.
Спутал планы все детина,
Разложил колхоз вполне.

Весь колхоз насквозь недужен.
Опустились руки все.
Не такой хозяин нужен
На колхозной полосе!

Сиротой склонился в поле
Беспризорный урожай:
Кулакам к колхозной доле —
Хоть возами подъезжай!

Кулаки, как червь в навозе:
Что кормежки! Что тепла!
«Председатель-то в колхозе
Наши делает дела!»

Кулакам одна работка:
Знай воруй живой рукой.
Настоящая находка
Председатель им такой!

Там судьбу благословляет
Не колхозник, а кулак,
Где колхозом управляет
Вот разэтакий вахлак.

Где вахлак, как муха в тесто,
Ввяз в колхозные дела,
Оздоровит это место
Только... жесткая метла.

II

РАСХИТТЕЛЯМ ЗЕРНА ДОРОГА ОДНА

Мы живем не в поле диком,
А в отечестве своем,
В напряжении великом
Мощь *Союза* создаем,

Чтоб владыки капитала
Не ввели бы нас в изъян,
Чтоб росла и процветала
Власть рабочих и крестьян,

Чтоб заводы, паровозы
Быстро множились в числе.
Вот что красные обозы
Означают на селе!

Государству хлебосдача
Тем-то так и дорога.
С хлебосдачей незадача —
Это праздник для врага.

Потому-то люют враждебный
Кулачья вороний карк:
Ведь обоз наш каждый хлебный —
Это наш снарядный парк;

Это наш колхозный улей,
Трудовой советский рой,
Каждым зернышком, как пулей,
Поражает вражий строй.

Тут не может быть урону.
Не допустим мы никак,
Чтоб под нашу оборону
Подкопался вор-кулак.

Потому-то мы так строги
К расхитителям зерна.
Нет для них иной дороги,
Как туда, где дверь верна.

Где окошко за решеткой,
Где безвреден вражий вой,
Где походкой ходит четкой
Наш советский часовой.

ИСПАГАНЬ

Легенда

Могуче-кряжистый, плечистый и высокий,
Тиран властительно-жестокий,
В чьих тюрьмах не одна томилася душа
За крепкой стражею, в подвалах, под засовом,
Султан гулял в саду дворцовом,
Прохладой утренней дыша.
И вдруг — бесстрашный — он затрепетал от страха
И побежал к дворцу, где, голову склоня,
Стоял печальный раб. «Сын плесени и праха! —
Вскричал султан.— Коня! Питомца Карабаха,
Из лучших лучшего подай скорей коня!
Я видел Смерть в саду. Она звала меня.
Ворота вслед за мной запри. От ранней рани
До вечера летя на резвом скакуне,
Я буду вечером в далекой Испагани,
Где — в крепости — путей не сыщет Смерть ко мне!»
Конь подан. Ускакал свирепый повелитель.
Раб, молча оглядев султанскую обитель,
Спустился в сад к цветам и розовым кустам,
И он увидел там,
Где высился платан над мраморным фонтаном,
Смерть, отдыхавшую спокойно под платаном,
И он сказал ей: «Смерть, великое добро б
Свершила ты, меня похитив, горемыку.
Не испугался б я. Но приглашеньем в гроб
Перепугала ты могучего владыку».
«Я,— усмехнувшись, Смерть ответила ему,—

Сама, признаться, не пойму,
К чему б случиться здесь такой неожиданной встрече?
Владыка твой — не здесь, он должен быть далече.
По книгам по моим — подвластны ж им не все ль?—
Владыка твой уже стоит у смертной грани:
Сегодня вечером и далеко отсель
Должна я взять его. Сегодня. В Испагани».

.....
Доволен был султан своим лихим конем,
И сердце радостью живой играло в нем:
«Уж полдень. К вечеру примчуся в Испагань я!»
Не знал он одного,— что этим самым днем
Вся Испагань была охвачена огнем
Неукротимого восстанья.

*

Кто более меня от мрачных дум далек,
Меня, участника работы сверхгигантской?
Всю эту мрачную легенду я извлек
Из белой прессы эмигрантской.
Отрепью белому, что злобой к нам горит,
О чем-то трепетном легенда говорит,
Да, говорит о страшном сроке,
О неизбежном, жутком роке,
О том, что сколько нас отрепьем ни погань,
Какие и куда ни стряпай донесенья,
В какую ни спешу укрыться Испагань,
От революции где ни ищи спасенья,—
Спасенья нет нигде, увы,
Для обреченной беглой рвани:
То, от чего она бежала из Москвы,
Ее настигнет в Испагани!

БЫТЬ ВПЕРЕДИ

Шестая часть земного шара,
Советский край необозрим.
Под риском вражьего удара
Мы жизнь по-новому творим.
С пути сметая все помехи,
Мы, развернув рабочий фронт,
Чтоб охранить свои успехи,
Весь озираем горизонт.
Не видно ль где тревожных знаков,
Везде ли даль его чиста?
Наш горизонт не одинаков:
Есть беспокойные места,
Места, где хищные законы,
Где воздух сперт и мрак глубок,
Места, где лютые драконы
Сплелися в мерзостный клубок,
Места, где бешеною тварью
Обезображен лик страны,
Места, откуда тянет гарью
Подготавливаемой войны,
Места, где тайные раденья
Свершает зреющий разбой,
Места, откуда нападенья
Мы можем ждать в момент любой.
Но против вражеской гастроли
Тройной создали мы оплот,
И к величайшей призван роли
Наш боевой воздушный флот:

Он охраняет наше зданье,
Все рубежи и берега,
Ему — первейшее заданье
При появлении врага,
Ответ страны единодушной
На первый вражеский нажим.
Нет, кавалерией воздушной
Мы не напрасно дорожим!

Но дорожим не в меньшей мере
И авиацией иной,
Ее работой в атмосфере,
Не омрачаемой войной.
При нашей площади гигантской
Не всюду — близкая стезя.
Без авиации гражданской
Нам обойтись никак нельзя.
Связать советские просторы
Воздушной связью в краткий срок —
Нужны могучие моторы
И крылья, сделанные впрок,
Нужны пропеллеры такие,
В которых суть их столь хитра,
Чтоб из Москвы могли б мы в Киев
Слетать часа за полтора.
И мы достигнем этой прыти.
К чему таинственный покров?
У нас немало есть открытий
Своих советских мастеров.
Что я не склонен к пышной фразе
И знаю, слово где беречь,
Сошлюся точно в этом разе
На ворошиловскую речь:

«У нас есть полная уверенность, что в ближайшее пятилетие мы выйдем на уровень мировой авиационной техники и создадим все условия для того, чтобы в этой области быть впереди других».

ДВЕ ТЕМЫ

Октавы

1

УСИЛИТЬ НАТИСК

Стареет все — таков закон природы!—
И все идет к законному концу.
Богатыря подкашивают годы,
И богатырь завидует юнцу:
«Тебе еще отламывать походы,
А мне уже... — И тени по лицу.—
Ты не слышал, не пахнет ли войною?
Еще бы раз тряхнул я стариною!»

Ах, жизнь полна такого озорства,
Так молодо, пестро ее цветенье!
Так красочна зеленая листва!
На молодежь посмотришь — загляденье:
Как много в ней живого торжества!
И рушится меж нами средостенье —
Мои года, я юн в ее кругу
И к старости привыкнуть не могу.

Нет, мозговой не болен я сухоткой
И не скажу, что стал уже сдавать,
Но жизнь идет вперед такой походкой,
Что трудно мне за нею поспевать,
И даже мне — с моею крепкой глоткой,—
Мне не успеть все битвы воспевать,
И я зову — вернее, бью тревогу:
«Товарищи-поэты, на подмогу!

В какие вы забилися углы?
Что там в углах творите сепаратно?
Все — в общий фронт, на башни, на валы,
Туда, где враг нас хочет сбить обратно!
У нас, певцов, заслуги не малы.
Но перекрыть мы их должны стократно.
Рабочий фронт — вот общий наш Парнас.
Поэты, жизнь опережает нас!

Вам, молодым, сейчас все карты в руки.
Все козыри у вас, у молодых.
Вы так должны запеть, чтоб ваши звуки
Взбодрили нас, певцов, как я, седых,
Всю музыку, весь гром, все шумы, стуки
У жизни взять из недр ее крутых,
Весь героизм ее в стихи оправить
И тем ее — а с ней себя — прославить.

Наш фронт певцов отстал. К чему скрывать?
И в этом-то хандры моей причина.
Хандра меня не свалит на кровать,
Не так я стар, и старость — не кручина,
Коль силы есть еще повоювать.
Некстати мне унылая личина,
Но согласись, читатель дорогой,
Что поворчать я вправе раз-другой.

Среди певцов давно уж выйдя в дяди,
Любовно я гляжу на молодняк,
Я не хочу, чтоб он трепался сзади
У боевых строителей-воjak.
«Эй, я кричу, не уступать ни пяди!
Вы быть должны среди первых забияк!
Передовым не станет запевалой
Тот, кто в тылу бредет походкой вялой!»

Мне кажется — быть может, я не прав, —
Что натиск слаб на фронте стихотворном,
Что, сил своих в едино не собрав,
Находимся в провале мы в бесспорном,

Не создали еще мы первых глав
О мужестве невиданно-упорном,
Том мужестве, что каждый день и час
Являет нам наш пролетарский класс.

Я говорю, что я не прав, быть может,
Что, может быть, все это и не так, —
Но все же мысль меня такая гложет:
Пропущен ряд победнейших атак,
Которым од уже никто не сложит.
По части од Державин был мастак.
Но век его сравнить и — наши годы,
Какие мы писать должны бы оды!

Нет, вправду, мы поэты, не таё...
А между тем у нас не только дела,
Что, так сказать, домашнее, свое:
Дух Октября не ведает предела.
Такой секрет кому же не в знатье?
И наша жизнь как нами б ни владела,
Не смеем мы, увлекшись этим, тем,
Не освещать международных тем.

Значенье их доказывать не нужно.
Мы — армии всемирной авангард.
Той армии, что с нами в ногу дружно
На мировой идет октябрьский старт.
Могу ли я сказать: «мне недосужно
Вскрывать игру фашистских темных карт!»
Нет, я как раз, закончив строчку эту,
Перехожу к фашистскому сюжету.

2

ГНИЛАЯ КРОВЬ

Сюжет простой, до ужаса простой,
Достойный все ж не беглой лишь заметки.
Геробер Фриц, мужчина холостой,
Немецкой был наичистойшей ветки:

В нем кровь была, сказал бы я, настой,
В котором все проспиртовались предки
От гениев до пошлых дураков.
Да, вот он был Геробер Фриц каков!

Он был сынком какого-то чинуши.
Потом сынок в чинуши вышел сам.
Отец ушел туда, где предков души
Архангельским внимали голосам.
Его вдову с лицом иссохшей груши
Тож повлекло за мужем к небесам.
Над матерью, прожившей век безгрешно,
В предсмертный час сын плакал неутешно.

Ей не дожить, он видел, до утра.
Но на часы взглянув, он рек: «Мамахен,
Я ухожу. Прощай навеки. Мне пора
Идти в ферейн. Прощай. Вас ист цу махен!
Дай бог тебе загробного добра,
Попасть в Сион, в небесный наш Аахен,
Где средь цветов течет небесный Рейн!»
Сказавши так, герр Фриц ушел в ферейн.

Мещанский быт свои имеет штампы.
В дверях уж сын мамашу стал просить:
«Чуть не забыл! Ты, умирая, лампы
Не позабудь, мамахен, погасить».
(Такой типаж у театральной рампы —
Ну, как его слезой не оросить?)
Вот был каков Геробер Фриц в натуре:
Особый тип по крови и культуре.

Культура... Речь покамест не о ней.
А с кровью вот случилась неувязка:
Фриц стал страдать от чирьевых огней,
У Фрица жар, у Фрица злая тряска,
Фриц с каждым днем бледней, бледней, бледней...
И вот за ним явилася коляска...
Он полутруп... Конец... Его везут
В полночный час в какой-то институт.

Фриц бормотал в бреду: «Квод лицет Йови...»
Так классицизм в него со школы врос!
Над Фрицем врач бубнил, нахмутив брови
(Пфуй, у врача какой еврейский нос!):
«Спасенье все — в переливанье крови...»
А кровь кто даст Героберу? Вопрос.
Но врач, горя к болящему любовью,
Пожертвовал своей еврейской кровью.

В больного кровь врача перелита,
Отмерена едва ль одним стаканом.
У Фрица кровь взыграла уж не та,
Через месяц Фриц стал крепким великаном.
Богатырем. Он с пеною у рта
Клял коммунизм и потрясал наганом
И, присягнув фашистам, в их рядах
Выл громче всех о мерзостных жидах.

И вдруг *оно* раскрылось... роковое...
Пропало все, фашистский весь почет!
Пронюхали шпиков каких-то двое,
Что в Фрице... кровь еврейская течет!
Фриц, несмотря на имя родовое,
От «фюрера» вдруг получил расчет.
Кровь засорив свою ужасным сором,
Со службы Фриц уволен был с позором.
Фриц... Боже мой!.. Не чистый немец он!..
Он не фашист и не чиновник боле!..
Он... может быть, уж он Израильсон...
Он, тот, кто был Геробером дотолем!..
Он... Это явь или кошмарный сон?..
Позора Фриц снести не может доле:
«Жиды, жиды за все ответ дадут!»
И Фриц бежит в тот самый институт.

В тот институт, где жизнь ему вернули.
За жертвенность свою ответил врач:
Геробер в лоб ему всадил три пули,
Он, своего спасителя палач.
Фашистский суд признал его... вину ли?!

Геробер вновь на линии удач:
Был приговор о нем, как немце чистом,
Который вновь достоин быть фашистом.

Ну, вот и все. Фриц круглым стал, как шар.
Фашистский хлеб так распирает тело.
Фриц говорит, что в рейхстаге пожар,
Конечно же, еврейское все дело,
И коммунизм — еврейский тоже дар:
«Еврейство кр-р-ровь, кр-р-ровь нашу пить
хотело!»
Кровь... Как забыть о жертвенном враче?
У Фрица вновь шесть чирьев на плече!

НА НОВУЮ СТУПЕНЬ

Шестнадцать лет борьбы. Гигантские ступени.
Иная высота и горизонт иной.
Поверженных врагов уродливые тени,
Дрожа, теряются за нашей спиной.
Еще не все враги хлебнули смертной чаши,
И нам грозит напор их бешеной орды.
Но твердости полны несокрушимой наши
Победоносные ряды.

Смыкая фронт бойцов пред боевой тревогой,
Которой можно ждать в наш самый мирный день,
Наш прозорливый вождь в уверенности строгой
Ведет нас ленинской дорогой
Туда, где высится скалой крутопорогой
Подъем — семнадцатый! — на новую ступень.

МОЙ РАПОРТ XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Писатель я простой породы,
И простота — моя черта.
Мои стихи — сатиры, оды
Про героические годы —
Мои живые рапорта.

Я рапортую ежедневно,
Еженедельно, как могу,
И наносю я раны гневно
Непримиримому врагу.

Свалив противника ударом,
Я — не отравленный угаром —
Горжусь открыто — вот, гляди!—
Что знаки доблести недаром
Я на своей ношу груди.

Моих стихов лихая рота,—
Я с нею весело иду.
Моя газетная работа
У всех свершалась на виду.

Все, все нашло в ней отраженье:
Враждебной силы разложение,
Ее погибель и погост,—
Уклада старого сверженье
И новой жизни буйный рост,

И власть рабочих, и комбеды,
Борьба при *Ленине* живом,
На боевых фронтах победы
И героизм на трудовом,—

Троцкизма труп зло-эмигрантский,
Что нами начисто отпет,
И образ *Сталина* гигантский
На фоне сказочных побед,—

Уклон кулацкого покроя,
Убивший дряблые сердца,
И чудеса Магнитостроя,
Всех Чудостроев без конца,—

Рост, несмотря на все уклоны,
Колхозных сел и деревень,
И укрепленье обороны,
Готовой встретить грозный день.

От заводских громад до хаты
Искал я верной колеи,
И любо мне, что в них плакаты
Со стен беседуют — мои.

Я не писал про одалисок,
Про нежных котиков и кисок,—
Рабочей формы я стилист.
Моих стихов обширный список
Мне не вместить в печатный лист.

В них были промахи, не скрою
(Впадают в дурь и мудрецы!),
Но удавалось мне порою
Давать в работе образцы.

Сквозь поэтическую давку
— Наперекор моим годам —
Иду, неся мой паспорт-справку,
Что в инвалидную отставку
Не так-то скоро я подам.

Но как бы ни был век мой краток,
Коль враг пойдет на нас стеной,
В боях, в огне жестоких схваток
Я дней и сил моих остаток
Удорожу тройной ценой.

Пусть грянут вражьи тулумбасы!
В грядущей грозной полосе,
Когда в боях столкнутся массы,
Узнает враг, кривя гримасы,
Что я — не перепел в овсе,
Что я — певец рабочей массы
И что мои огнеприпасы
Еще истрачены не все!

**ЕСТЬ К УРОЖАЮ ПУТЬ ПРЯМОЙ —
К ВЕСНЕ ГОТОВИТЬСЯ ЗИМОЙ**

Колхозный слет. Плакаты. Флаги.
Стол. На столе лежат бумаги.
Докладчик речь о том ведет,
Как наш весенний сев пройдет?
Все ль подготовлено зимою,
Чтоб сев прошел без перебою,
И чтоб «товарищ Урожай»
Повысил наш колхозный пай?

Ударник дома за газетой —
Он тоже полон думой этой
И даже бредит он во сне:
Все ль подготовлено к весне?

В зерне здоровом — вещь большая!—
Секрет двойного урожая.
С зерноочисткой не зевай,
Скорей машину задувай:
Машины нету благодарней,
Лишь поработай с ней ударней.
Быть надо вредным кулаком
Иль разгильдяем несерьезным,
Чтоб выезжать к полям колхозным
С плохим зерном и сорняком.

Зимою если кони в холе,
Весной они играют в поле,
И в посевные трудодни
Не знают устали они.

На клячах много не напашешь,
Кнутом без пользы только машешь.
А конь холеный что творит,
Как за уход благодарит!
Ни кнут не нужен, ни прутинка.
Преблагодарная скотинка!

Посевы ранние — по грязи.
В них с урожаем столько связи!
Всход лучше, чем земля сырей,
И — жатвы срок придет скорей.

У сеялки у рядовой
Немалый тоже козырь свой.
Ручной посев уже старинка:
То редок он, то слишком част.
Зато уж сеялка-машинка
Она оплешины не даст
И не швырнет зерна без толку.
Потом, как выйдешь на прополку
Или придет пора косить,
Так не придется голосить,
Что перепутались колосья,
Как на башке иной волосья,
А глянешь с радостным смешком:
«Как причесали гребешком!»
Хорошей сеялки награда:
Полоть, косить — одна отрада.
Поставить тракторы во фронт,
Проверить зимний их ремонт,
Все осмотреть винты и трубки,
Чтоб никакой нигде зарубки,
Пробоя, ржавого пятна.
Придет желанная весна,
На смотр машины выйдут строем.
И старики и детвора
Поднимут крик: «Ура! Ура!»
Минувший год хоть был героем,
Его мы нынче перекроем!
Вперед к зажиточной поре!
— *К весне готовься в декабре!*

ЛАСКОВЫЙ ПРИВЕТ

Предисловие к альбому карикатур селькоров-художников

Рисунки эти — первоцвет.
Не в мастерстве еще их сила.
Но в них уж четки тень и свет,
И жизне-влага наших лет
Живой росой их оросила.

Штрихи селькорского пера —
Еще не красочная гамма.
Но их направленность остра,
Но их отзывчивость быстра,
Как боевая телеграмма.

Они смеются и клеймят,
Они карают и смеются.
Селькоры — новый тип ребят,—
Они тоске не поддаются,
Они все знают, что громят,
За что с отвагой юной бьются.

В рисунках их — колхозный стиль,
И к темам их подход серьезный:
Смеются, где противник — гниль,
Суровы там, где враг серьезный.

Вся их тематика мудра,
Вся их насмешливость бодра,
Распашка нови — без огреха.

Они еще не мастера,
Но в отраженьях их пера
Нет бесшабашного «ура»
И нет бессмысленного смеха.

Их боевое торжество
Дарит нас первыми дарами.
В них молодое озорство,
Еще им чуждо мастерство,
Но мастерство — не за горами.

Не за горами та пора,
Когда венки советских премий,
Честь всеколхозного двора,
Наденут чудо-мастера
Колхозных наших академий.

Они, отсталость поборов,
Так зарисуют — будь здоров!
Вот почему — пред их расцветом—
Мы все, уверенные в этом,
Грядущих наших мастеров
— Не от сохи, от тракторов —
Встречаем ласковым приветом!

ОСО-БОГАТЫРЬ

Баллада

На далеком на востоке,
Там, где солнце всходит утром,
Где под солнцем гладь морская
Отливает перламутром,
Тих там воздух, море тихо.
Но кровавой жаждет бури
Сердце злобного вояки
Шимо-Саки-Яп-О-Нури.
Испытал свою он силу,
Шимо-Саки-Яп-О-Нури.
Покорил своей он власти
Чан-Ла-Пши и Ман-Джиури.
Победивши Чана с Маном
Без особенной натуги,
Шимо стал смотреть границы
Завоеванной округи.
И сказал коварный Шимо,
Что границы нету точной,
Что полмира может Шимо
Объявить страной восточной.
Не успел на запад Шимо
Сделать шаг иль два, не боле,
Как окликнут был он кем-то:
«Друг, куда ты и отколе?»

Отвечал могучий Шимо:
«Здесь лежит моя округа». —
И окинул злобным взглядом
Новоявленного «друга».
«Друг» пред ним стоял веселым,
Озорным таким парнишкой
С дальнобойною винтовкой,
С новым компасом и книжкой.
«Шимо я!» — промолвил Шимо,
Посмотрев на «друга» косо.
«Оч-чень рад! — сказал парнишка. —
А меня зовут все — Осо!»
«В этом месте очутился
Ты каким же это родом?»
Отвечал с усмешкой Осо:
«Очутился... мимоходом».
«С новым компасом?» — «В дороге
Нужен он, не сбиться чтобы».
«С книжкой?» — «Химия, как видишь.
Прихватил я для учебы».
«А винтовку, — молвил Шимо, —
Ты с собою взял на что же?»
«Для учебы, — молвил Осо, —
И на всякий случай тоже».
Тут почудилось Шимо,
Будто слышит звук он странный,
То ли шум автомобильный,
То ли гул аэропланый.
И сказал могучий Шимо:
«Ты не знаешь, Осо, кто там?»
«Мимоездом, знать, кто-либо
Иль кто-либо мимолетом».
«Мимоходом... Мимоездом...
Мимолетом... — молвил Шимо. —
Осо. Звать тебя как полно?»
«Звать — *Осо-ави-ахимо!*»
«Богатырь ты, Осо!» — «Я-то?
Я еще богатыренок.
Миллионы нас таких-то
Младших братьев и сестренок.
Но со старшими в учебе

Мы шагаем в ногу дружно». «Где же старшие, скажи мне?» «Там они, где быть им нужно». «Здесь их нету... мимоходом?.. Мимоездом?.. Мимолетом?» Мысли черные на Шимо Навалились тяжким гнетом. И сказал он: «Я здесь тоже Проходил случайно мимо». На него глядел с усмешкой «Друг» — *Осо-ави-ахимо*.

К Л Я Н Е М С Я !

Десятилетняя жизнь провела кайму,
Но не было ни дня, ни часа, ни мгновенья,
Когда б в труде, в борьбе, в порывах вдохновенья
Не обращались мы памятью к тому,
Чье имя никогда не погрузится в тьму
И в холод мертвого забвенья.
На стыке двух эпох, на грани межевой,
Где пролетарский фронт смёл в натиске ударном
Разбойничий форпост всей банды биржевой,
Стоит пред нами он, волнующе-живой
В своем величье легендарном.
Бессмертье дел его пред нами наяву.
Многомиллионным отраженьем
Отражено во всем, что встало во главу
Всех наших подвигов, что сделало Москву
Центрально-мировым культурным выраженьем,
Что превратило край чиновничьих кокард,
Страну с политикой казарменно-трактирной,
В Союз, где строит жизнь геройский авангард
Рабочей армии всемирной,
Где гениальный ученик,
Сменивший Ленина на поприще великом,
Ни на единый миг главою не поник
И не дал дрогнуть нам пред вражьем злобным
кликом.
Сомкнув железные партийные ряды,
Он, дав отпор всему мещанскому лохмотью,
Заветы Ленина преобразил в труды
И ленинскую мысль облек живую плотью.

Бойцы, чья боевой отвагой дышит грудь,
Мы в этот день, в канун зовущих нас решений,
Чьи цели ленинский преуказал нам гений,
В челе со Сталиным, чьей воли не согнуть,
*Клянемся превратить нам предстоящий путь
В путь триумфальных завершений!*

УЛЬТРАКОРОТКАЯ ВОЛНА

Ультракороткие волны — подлинные «лучи смерти». В будущих войнах они будут играть решающую роль.

Из буржуазных газет.

Ультракороткие волны с полным основанием можно назвать «лучами жизни». Они в советских лабораториях успешно применяются для консервирования молочных и овощных продуктов, пастеризации томатов, облучения зерен на предмет повышения урожайности и т. д. В клиниках они с разительным успехом использованы для излечения малярии.

Из советских газет.

В писаньях прессы буржуазной
За каждым словом западня,
Уснащена приправой разной
Одна и та же «злоба дня»,

Ее пройдохи-журналисты
С большою помпой подают, —
На слух неопытный — солисты,
Как будто разное поют:

Кто про мороз, а кто про иней, —
Но партитура их одна.
Была недавно героиней
«Ультракороткая волна».

О ней трубили так и этак,
На лад различный расцветив,
Но у статей и всех заметок
Был общий, жуткий, лейтмотив.

Дав пищу хищному экстазу,
Значенья мрачного полна,
Орудьем смерти стала сразу
Ультракороткая волна.

Заклокотало словоблудье
Продажно-пишущей шпаны:
«Какое мощное орудье
Для истребительной войны!»

«Весь вражий фронт из дальней дали
Сразим невидимой волной!»
«Война, какой мы не видали,
Перекроит весь шар земной!»

«Пред смертоносною волною
Ничто все вражьи рубежи!»
«Война!»

«Войны!»

«Войне!»

«Войною!»

На все склонялось падежи.

И лишь в одной стране, в советской,
Импульсов творческих полна,
Содружна вузам, школе детской
Ультракороткая волна.

Она — с подмогой аппаратов —
Осуществлять привлечена
«Пастеризацию томатов»
И «облучение зерна»,

Она работница — на грядке,
Она на ниве — хлебодар,
Наносит гибельный удар
Она в больницах лихорадке.

У нас — среди творческой структуры,
Среди мирных подвигов страны,—
Она — орудие культуры,
А не орудие войны,—

Оценена иной ценою,
У нас волшебная волна
Не смертоносною волною,
«Волною жизни» названа.

Крепя свои живые клетки,
Цветет Советская страна.
В ней жизнетворческой расцветки
Не только дивная волна:

Того же жизненного тона,
Задачи той же зрелый плод —
Стальная наша оборона,
Красноармейский наш оплот, —

В броне военной арматуры
Богатыри родной страны —
Орудье мира и культуры,
А не грабительской войны.

Но горе тем, кто с этой силой
Рискнет померяться в бою:
Оплатят собственной могилой
Они нахрапистость свою,

В часы ответной грозной кары
Они узнают, как сильны
Ультракороткие удары
Ее стремительной волны!

О П Р Е Д Е Л Е Н Н О !

Выхожу на колхозно-газетное поле,
Пишу в «Колхозном комсомоле»,
Зачислившись в комсомольскую бригаду.
«Болтунов» комсомольских забираю в блокаду,
Пощекочу им маленечко пятки.
Занятные ребятки!

Об одном таком
Преболтливом парнишке
Прочитал я в письмишке.
Героя зовут Куликом.
Он приходится мне земляком:
На Херсонщине он «болтает» покуда,
Я же родом оттуда.
Вот места так места,
Красота!
Говорю я о них влюбленно.
Там сейчас уже нет зимних выюг.
Это — юг.
Определенно.
Сейчас там тепло-претепло.
Комсомольцы весеннему солнышку рады.
Оживился колхоз «*Радяньске село*»
Токаревской сельрады.
Заходили люди торопливо,
Комсомольцы же особливо.
Глава комсомольской семейки,
Кулик, секретарь комсомольской ячейки,
Вышел утречком он на крыльцо,

Посмотрел и сказал твердо так, закаленно:
«Весна налицо.
Определенно!»
Сказал, точно он наложил резолюцию.
И пошел он вдоль улицы с резвою цюцею,
Со своею любимую цюценькой,
С собачкою куценькой.

Небо синее, чистое,
Солнце греет лучистое,
Ручейки говорливо лепечут,
Птички щебечут!
Картина ясна.
Не похоже на зиму и отдаленно.
Это весна.
Определенно!
Как секретарь справедливо отметил.
Но, увы, не был светел
Секретаря озабоченный лик.
На почте Кулик
С места на место газеты перекладывал,
На проходящих рассеянно взглядывал,
Морщины чело его бороздили,
А мозг напряженный гвоздили
Думы — мысли тревожные:
«Лошади ненадежные...
Не готовы книжные киоски...»
Падал пепел с потухшей папироски.
Эка забот!
Эка хлопот!
Эка!..
Эка!..
Нашла тоска на человека.
Средь своего аппарата
Он головою поник.
А в обед прибежали ребята:
«Мы за тобою, Кулик!
Погодка выдалась, точно
Нарочно.
Дорожить надо этаким днем.

Сорняки убирать надо срочно.
Завтра сеять начнем!»
Кулик отвечал одобрительно:
«Дни днями... Я сам эти дни
Мозгую вот план предварительно...
Я занят... Бурьян убирайте одни».
Кулик снова предался думам,
Вдруг ворвались две девушки с шумом,
Комсомолки из самых, что есть, озорных,
Саша

И Маша

Черных:

«Завтра сеять нам, слышно,
Так мотаться не будем же мы никудышно,
Нам, Кулик, знать охота
Свое место: какая и где нам дается работа?»
«У меня в голове, понимаете,

планы...—

Кулик отвечал им солидно.—

Идите пока на бурьяны,
А там будет видно!»

Кулик после этого руки —

В брюки

И ушел домой от комсомольской доуки

И от уборки бурьяна.

На кровать повалился Кулик утомленно,

Обессилев от плана

Определенно!

Новый день в постели застал Кулика.

«План,— шептал он, — в нем первое дело —
основа.

В четкие формулы мысли одень».

Кулик свой план обмозговывал снова

Целый день.

Вечерком предколхоза

Сказал Кулику:

«Что ты грустен? Аль в сердце заноза?

Дай тебе я ее извлеку.

Слышь, твои комсомольцы герои все, право.

Как сегодня на севе работали bravo!
Сообща как трягнули,
Сто девяносто гектаров махнули.
Живою рукой!
В разгильдяйстве никто не замечен.
Нам еще бы пригожий денечек такой,
И сверххранний наш сев обеспечен!»
«Так, так, так!» — зататакал Кулик,
Засеянного ужаснувшись клина:
«Каких еще надо улик?
Вот она, комсомольская-то дисциплина!
Без меня? Я-то здесь для чего?
До какого дошли, подлецы, разложения!
Сеять начали — а? Каково? —
Без моего
Распоряжения!
Ну, а план-то, мой план надо знать им заранее?
Для чего же мне голову надо ломать?
Комсомольцам всем завтра назначу собрание.
Покажу я им кузькину мать!»
Но сорвалась отместка.
Сев сорвался и без куликовых угроз:
В день собрания стукнул мороз.
Устарела повестка.
Собрание отменено.
Про свой план секретарь выразался темно:
«План готов... Констатирую...
Я, однако, еще попланирую...»
С неделю планировал мудрый Кулик,
Наконец объявил результат окончательный,
То-бишь, план. Этот план не велик.
Привожу его текст замечательный:

П л а н работы комсомольского осе-
редку колхоза «Радяньске село» То-
каревской сельрады на севе.

Производственная работа.

Севцы будут выполнять и перевыполнять план.
Пахарн — то же самое.
Бороновщики — то же самое.
Подвозчики будут подвозить зерно и охранять обще-
ственную собственность.

Культурная работа.

Чтецы будут разъяснять решения съезда партии. Художественные постановки и декламации поручены пионерам.

Руководящая работа.

Комсорги будут выполнять критические стенгазеты и руководить комсомольцами.

Мобилизовать массы и руководить буду — я.

Секретарь Кулик.

Комсомольцы, прочтя этот план, онемели
И, лишась языка,
Подозрительно крайне глядели
На Кулика,
Дескать, парень в уме ли?
А Кулик... Не узнать паренька:
Он, Кулик, вдохновенно-надменный,
Удивительный и несравненный,
Говорил, торжествуя, как в сладостном сне,
В высшей степени планово и окрыленно:
«Ну, ребята! Теперь мы готовы к весне!
Определенно!»

КАЛИНЫЧ

Дав смертный бой всему гнилому,
Смета всю старую муру,
Уж мы не учим по-былому
Свою родную детвору.
Культурой новою пригреты,
Растут советские птенцы.
Со стен на них глядят портреты —
Иного строя образцы.
Товарищ Сталин в окруженье
Своих соратников-бойцов
У нас в любви и уваженье,
И у отцов и у юнцов.
Вожди — их перечень не длинен.
— Кто это?

Маху не дает,
«Михал Иванович Калинин!» —
Грудной ребенок узнает.

Калиныч! Кто ж его не знает!
Михал Иваныч! Пустячки?
Он словно что-то вспоминает,
С портрета смотрит сквозь очки.
Да, вспомнить может он о многом
Из жизни славно прожитой.
Боролся он с царем и богом,
С насильем, с рабством, с темнотою.
Деревни отпрыск бедной, хилой,
Рабочий-токарь с юных дней,
Боролся он с враждебной силой,

Не отступая перед ней.
Пред тем как пали вражьи стены,
Узнать не раз пришлось ему
Скорбь пораженья, яд измены,
Изведать ссылку и тюрьму.
Вот кто с шеренгою стальною
Шагал, отвагою горя,
Когда над нашею строною
Гремели громы Октября.

Прошла пора лихой напасти.
Величьем классовым велик,
Символом стал советской власти
Рабочий-токарь-большевик.
В любом углу Страны Советов
Пятнадцать лет, великих лет,
Среди излюбленных портретов
Висит калининский портрет.
Уже врагов не удивляет
Столь неприятный им момент:
Пятнадцать лет, как укрепляет,
Как власть *советов возглавляет*
Рабочий-токарь-президент!

Калиныч! Кто ж его не знает?
Калиныча другого где найдешь?
В собраниях, его завидя, начинает
Приветливо шуметь и хлопать молодежь,
Шумит и хлопает, восторга не скрывая,
И слушает его, большого мудреца,
Любовно слушает, очей не отрывая
От «по-калинински» лукавого лица:
Вдруг задрожит на нем смешливая морщинка,
Предвестник острого и меткого словца,
Словцо летит, и вот — обычная картинка —
Смеются в зале все от старца до юнца.
С неделанной, ему присущей, простотою
Средь молодежи он, Калиныч, юный, свой!
В нем добродушие дружится с остротою
Так органически, как сердце с головой.
Да, тертый он калач, да, видывал он виды,

Боец, проделавший походов без числа,
Но он еще совсем не метит в инвалиды,
Энергия его с годами возросла.
О прожитых годах Калиныч не затужит:
Есть чем их помянуть! Путь пройденный велик!
Но революции — хо! хо! — еще послужит
Наш замечательный, наш молодой старик!
Еще не раз мы с ним наш общий праздник
встретим!

Застанет вместе нас, мы верим, та пора,
Когда, отбив врага от нашего двора,
*Победным маршем мы советский путь отметим
И на приветствие Калинина ответим
Мир сотрясающим УРА!*

Пятнадцать лет — каких и на каком посту!
Дум наших творческих размах и высоту,
Неизмеримое свершенных дел величье,
Всей нашей жизни стиль, и мощь, и красоту
Рисует, в мудрую облекшись простоту,
Твое рабочее, родное нам обличье.

Эпохи ленинской и сталинской — двойной —
Старейший из бойцов колонны головной,
На высях почестей не ставший изваяньем,
Ты люб и дорог нам, Калиныч наш родной,
Своей особенной какой-то стороной,
Своим «калининским», особым обаяньем.

В тот день, когда тебе приветственный поток
Шлют юг, и север наш, и запад, и восток,
Вся необъятная советская округа,
Вплетая в твой венок мой скромный лепесток,
Приветствую тебя, сратника и друга!

ДАЕМ!!

Вперед иди не без оглядки,
Но оглянися и сравни
Былые дни и наши дни.
Старомосковские порядки —
Чертовски красочны они.
Но эти краски ядовиты
И поучительно-страшны.
Из тяжких мук народных свиты
Венки проклятой старины.
На этих муках рос, жирея,
Самодержавный гнусный строй,
От них пьянея и дурея,
Беспечно жил дворянский рой,
Кормились ими все кварталы
Биржевиков и палачей,
Из них копились капиталы
Замоскворецких богачей.

На днях в газете зарубежной
Одним из белых мастеров
Был намалеван краской нежной
Замоскворецкий туз, Бугров,
Его купецкие причуды,
Его домашние пиры
С разнообразием посуды,
Им припасенной для игры.
Игра была и впрямь на диво:
В вечерних сумерках, в саду

С гостями туз в хмельном чаду
На «дичь» охотился ретиво,
Спеша в кустах ее настичь.
Изображали эту «дичь»
Коньяк, шампанское и пиво,
В земле зарытые с утра
Так, чтоб лишь горлышки торчали.
Визжали гости и рычали,
Добычу чуя для нутра.
Хозяин, взяв густую ноту,
Так объявлял гостям охоту:
«Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник прибегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает зайчик мой!»

Неслися гости в сад по знаку.
Кто первый «зайца» добывал,
Тот, соблюдая ритуал,
Изображал собой собаку
И поднимал свирепый лай,
Как будто впрямь какой Кудлай.
В беседке «зайца» распивали,
Потом опять в саду сновали,
Пока собачий пьяный лай
Вновь огласит купецкий рай.
Всю ночь пролаяв по-собачьи,
Обшарив сад во всех местах,
Иной охотник спал в кустах,
Иной с охоты полз по-рачьи.
Но снова вечер приходил,
Вновь стол трещал от вин и снедей,
И вновь «собачий» лай будил
Жильцов подвальных и соседей.

При всем при том Бугров-купец
Был оборотистый делец,—
По вечерам бесяся с жиру,
Не превращался он в транжиру,
Знал: у него доходы есть,

Что ни пропить их, ни проесть,
Не разорит его причуда,
А шли доходы-то откуда?
Из тех каморок и углов,
Где с трудового жили пота.
Вот где купчине был улов
И настоящая охота!
Отсюда греб он барыши,
Отсюда медные гроши
Текли в купецкие затоны
И превращались в миллионы,
Нет, не грошей уж, а рублей,
Купецких верных прибылей.
Обогащал купца-верзилу
Люд бедный, живший не в раю,
Тем превращая деньги в силу,
В чужую силу — не в свою.

Бугрѳв, не знаю, где он ныне,
Скулит в Париже иль в Берлине
Об им утерянном добре
Иль «божьей милостью помре»,
В те дни, когда жильцы подвалов
Купца лишили капиталов
И отобрали дом и сад,
Где (сколько, бишь, годков назад?
Года бегут невероятно!)
Жилось купчине столь приятно.
Исчез грабительский обман.
Теперь у нас рубли, копейки
Чужой не ищут уж лазейки,
К врагам не лезут уж в карман,
А, силой сделавшись народной,
Страну из темной и голодной
Преобразили в ту страну,
Где мы, угробив старину
С ее основою нестойкой,
Сметя хозяйственный содом,
Мир удивляем новой стройкой
И героическим трудом.
Не зря приезжий иностранец,

Свой буржуазный пятя глянec,
В Москве пробывши день иль двá
И увидав, как трудовая
Вся пролетарская Москва
В день выходной спешит с трамвая
Попасть в подземное нутро,
Чтоб помогать там рыть метро,
Всю спесь теряет иностранец
И озирается вокруг.
Бежит с лица его румянец,
В ресницах прячется испуг:
«Да что же это в самом деле!»
Он понимает еле-еле,
Коль объясненье мы даем,
Что государству наш работник
Сам, доброй волею в субботник
Свой трудовой дает заем,
Что он, гордясь пред заграницей
Своей рабочею столицей,
В метро работает своим,
Что трудовой его заем
Весь оправдается сторицей:
Не будет он спешить с утра,
Чтоб сесть в метро, втираясь в давку,—
Он сам, жена и детвора
В метро усядутся на лавку
Без лютой брани,—без толчков,
Без обдирания боков,
Без нахождения местечка
На чьих-нибудь плечах, грудях,—
Исчезнет времени утечка
И толкотня в очередях,—
Облепленный людскою кашей
Не будет гнать кондуктор вашей
Дверь атакующих «врагов».
Метро к удобствам жизни нашей —
Крупнейший шаг из всех шагов,
Вот почему с такой охотой
— Видали наших молодчаг?—
Мы добровольною работой
Спешим ускорить этот шаг.

Не надо часто нам агитки:
Мы знаем долг какой несем.
И так у нас везде во всем
От Ленинграда до Магнитки,
От мест, где в зной кипит вода,
От наших южных чудостроев
И до челюскинского льда,
Где мы спасли своих героев.
На днях — известно всем оно! —
Магниткой сделано воззвание.
Магнитогорцами дано
Нам всем великое задание:
Еще налечь, еще нажать,
Расходов лишних сузить клетку
И новым займом поддержать
Свою вторую пятилетку.
Воззвание это — документ
Неизмеримого значенья.
В нем, что ни слово, аргумент
Для вдохновенья, изученья,
Для точных выводов о том,
Каких великих достижений
Добились мы своим трудом
И вкладом в наш советский дом
Своих миллиардных сбережений.

Магнитострой — он только часть
Работы нашей, но какая!
Явил он творческую страсть,
Себя и нас и нашу власть
Призывным словом понукая.
Да, мы работаем, не спим,
Да, мы в труде — тяжеловозы,
Да, мы промышленность крепим,
Да, поднимаем мы колхозы,
Да, в трудный час мы не сдаем,
Чертополох враждебный косим,
Да, мы культурный наш подъем
На новый уровень возносим,
Да, излечась от старых ран,
Идя дорогою победной,

Для пролетариев всех стран
Страной мы стали заповедной,
Да, наши твердые шаги
С днем каждым тверже и моложе!
Но наши ярые враги —
Враги, они не спят ведь тоже, —
Из кузниц их чадит угар,
Их склады пахнут ядовито,
Они готовят нам удар,
Вооружаясь неприкрыто;
Враг самый наглый — он спешит,
Он у границ советских рыщет,
Соседей слабых потрошит, —
На нас он броситься решит,
Когда союзников подыщет,
Он их найдет: где есть игла,
Всегда подыщется к ней нитка.

Сигнал великий подала
Нам пролетарская Магнитка.
Мы в трудовом сейчас бою,
Но, роя прошлому могилу,
В борьбе за будущность свою
Должны ковать в родном краю
Оборонительную силу.
И мы куем, ее куем,
И на призыв стальной Магнитки—
Дать государству вновь заём—
Мы, сократив свои прибыли,
Ответный голос подаем:
Да-е-е-е-ем!!

ПРЯНИК НА МЕДУ
или
ТОЖЕ ГЕРОЙ НА ОСОБЫЙ ПОКРОЙ

Лирико-сатирическая поэма

Дети — цветы жизни.

М. Горький.

Рассказ подкован мной солидно.
Героя сам я не встречал,
Но мне, однако, ясно видно,
Где роковой его причал.
Еще герой не чует бури,
«Под ним струя светлей лазури»,
Его карьера на мази,
Он усмехнулся б явной дури,
Что буря, дескать, вот, вблизи.
Но ни вином уже, ни бромом
Не успокоит нервов он,
Когда над ним ударит громом
Вот этот самый фельетон.

А между тем отнюдь я зычно
Не собираюсь рычать.
Все это дело так обычно,
Что я, настроившись лирично,
Хочу с амурных строк начать.
Амур! О нем мы пишем редко,
А если пишем, то затем,
Чтоб посмеяться очень едко
Над пустотой амурных тем.
И в самом деле, в нашу пору
Нельзя брать темы без разбору.

Учтем и возраст мой к тому ж.
И все же вот скребу я темя,
Воззрясь в дилемму — выбрал время! —
«Что есть жена и что есть муж?»
Но мой герой — сие отметим —
Он не болел вопросом этим,
Когда вступал он в брачный сад
Годочков шесть тому назад.
Вношу поправку — сразу клякса! —
Брак не оформлен был, — без загса.
К чему формальности в любви?
Любовь — она в душе, в крови,
В сердечной ласке, в нежном взгляде,
А не в каком-то там обряде.
Герой сказал, не скрыл — к чему? —
Он был женат уже однажды,
Не утолив сердечной жажды.
Не посчастливилось ему:
Грызня, конец бракоразводный.
Зато — счастливый и свободный —
Теперь он в выборе своем
Вполне уверен. «Будь моею!»
Он пел влюбленным соловьем:
«О, будь моею! Будь моею!»
Герою девушка — на шею
(Такой уж исстари прием).
«Мы будем счастливы вдвоем!»

«Вдвоем!» Герой поклялся Оле.
(Звалась так новая жена.)
Прошло два месяца, не боле,
И Оля — плачет уж она,
Душа у Оли сожжена,
Разбито сердце, жизнь разбита:
Муж — он совсем, совсем иной,
Он, оказалось, волокита,
Живет не с Олею одной,
Но и с оставленной женой.
Потом дополнилась картина:
Герой — отчаянный детина,
Не темперамент — кипяток,

Срывал он за цветком цветок.
И жен, особый вид обузы,
Меняя чаще, чем рейтузы,
Переменил уже с пяток, —
Амурных тонкостей знаток,
Шаров не гнал он мимо лузы,
Вступал он в брачные союзы
Здесь, там, и всюду, и везде,
Счастливой вверся звезде.

Для Оли жизнь не жизнь, а мука.
О, где ты, счастья колыбель?
Пошла семейная вампука.
Герой стонал: «Какая скука!..
Противна эта канитель!»
И вот — чрез несколько недель
Уже разрыв, уже разлука,
Жена живет уже с сестрой,
И — вновь свободен наш герой,
Он ходит смело, смотрит браво,
С женой расставшись с шестой,
Жену седьмую, мысля здраво,
Он вновь искать имеет право:
Не жить же жизнью холостой
В прохладе комнаты пустой!
С женой в прохладе не прохладно!
Он говорить умеет складно.
Приманчив так амурный спорт.
Все хорошо. Одно неладно:
От Ольги письма. Что за черт!
Он их читает, хмуря брови,
И, губу закусив до крови,
Строчит: «Беременна?.. Аборт!»
Вновь письма — грустные курьеры,
И вновь ответ, он так же тверд:
«Аборт!.. Не порть моей карьеры!»
«Мне страшно... Я...»
«Аборт! Аборт!»
Увы, природа не ленива,
Она по-своему ревнива
К своим естественным правам.

И как герой наш ни кривился,
На свет у Оли появился
«Цветочек жизни». — Наше — вам!
Желаем в славной цвeсть эпохе! —
Герой в немалой суматохе.
«Карьера» треснет вдруг по швам!
Он извивается, хлопочет,
Он ни при чем, ну, ей-же-ей!
Галины, дочери, не хочет
Признать он дочьeрю своей.
«Твоя!» — гудела надоедно
Вокруг стоустая молва.
Герой чрез месяц или два,
Себя не чувствуя победно,
Исчез из города бесследно.
Но дочь имеет тож права.
Пеленки шьют не из портянок.
Ухода требует дитя.
«Журнал работниц и крестьянок»
Вмешался в дело не шутя.
Был след отцовский найден вскоре.
Герой притянут был к суду.
Он показал в судебном споре,
Что у него детей — на горе —
От разных жен, как дней в году:
«Я сам им счета не сведу!»
Бывали всякие былины,
В нем темперамент бьет ключом,
Но что касается Галины,
Так он тут, право, ни при чем,
Не помнит с Ольгой он момента...
Сама ведь липла, словно клей...
Он из зарплатных прибылей
Дать может Ольге алимента
От силы в месяц... пять рублей!
Суд тем законность успокоил,
Что приговор соорудил,
Которым пять рублей удвоил:
Десятку в месяц утвердил.
Дитя — героя дочь по плоти —
Росло у матери и тети.

Одето было часто в рвань,
Кормилось тож порой отвратно.
Герой положенную дань
Вносил не очень аккуратно
И терпеливо ждал всегда
Напоминаний от суда.
В стремленье к денежной ужимке
Достиг того герой-отец,
Что оказался под конец
За год за целый в недоимке.
Герою совесть не указ:
Она в нем намертво уснула.
Писала Ольга много раз
И, наконец, рукой махнула:
Придется с дочерью зимой
Перебиваться ей самой.

И вдруг негаданно, нежданно
Герой... Не сон ли? К Ольге вновь
Вдруг забурлила в нем любовь.
Как забурлила! Ураганно!
Он телеграммы шлет — как странно!
«Вернись! Я жду тебя! Я жду!»
Что значит страсть! В ажиотаже
Он Ольге деньги выслал даже.
Бродила Ольга, как в чаду,
И, торопя к отъезду сборы,
Вела с дочуркой разговоры:
«Ну вот, на пятом хоть году
Мы дождались отцовской ласки!»
Дитя смеялось, щуря глазки.
Вот сказка! Пряник на меду!
Не ждали вы такой развязки?
Для завершенья дивной сказки
Я к документам перейду.

16 февраля 1933 г.
Телеграмма. 77 Минусинска 71.8.16/2 12.10
Ленинградской области Тихвин.
районо Ольге Богдановой.
Готовься к отъезду. Подробности письмом.

Буслаев.

П и с ь м о.

Ольга! В одно время ты писала мне, что ты воспитываешь дочь, которая не видела отцовской ласки и т.д. На основе этого я предлагаю тебе следующее. У меня год тому назад умерла жена. После смерти жены я оставшегося у меня сына Геня отвез к брату в Ленинград, который живет там и по сие время. Так вот, если ты ничего не имеешь против, приезжай ко мне вместе с дочерью. О своем мнении по этому вопросу прошу срочно ответить мне по адресу: гор. Абакан Хакасской области Западно-Сибирского края, помещение областной прокуратуры, председателю камеры крайсуда К. Буслаеву. Не плохо было бы, если бы ты о своем согласии сообщила мне по телеграфу: А б а к а н п р о к у р а т у р а Б у с л а е в у.

С приветом *Буслаев.*

13 марта. И з п и с ь м а.

Ольга!.. Торопись с отъездом. О выезде телеграфируй.

13 марта. Т е л е г р а м м а.

Телеграфь получение письма, когда выедешь. Захвати сына в Ленинграде.

23 марта. Т е л е г р а м м а.

Выезда воздержись. Обстановка изменилась. Сына верни в Ленинград.

25 марта. Т е л е г р а м м а.

Срочно выезжай. Вези Геня.

28 марта. Т е л е г р а м м а.

Опоздала. Женился. Выезд бесполезен. *Буслаев.*

28 марта. В т о р а я т е л е г р а м м а.

Окончательно ехать незачем. Деньги 200 шли обратно. *Буслав.*

И з п и с ь м а.

Ольга Петровна, я уже тебе телеграфировал, что теперь приезд бесполезен, так как я женился... Кто виноват в этом? Я считаю, что ты... Затянула выезд по совершенно ненужным причинам... Видимо, занялась «тряпками», а не сборами в дорогу... Промедлила — сама виновата... Куда израсходовала деньги, напиши. Остальные шли обратно.

Я никому не жалею на свое безвыходное положение и помощи ни у кого не прошу, а выхожу сам. Выходи и ты так же.

Буслаев.

Пред нами явственный «герой»
На свой особенный покров.
В Сибири, в области Хакасской,
Партийною прикрывшись маской,
— Подумать странно даже: где?—

Он восседает... в крайсуде,
Он — правосудия икона,
Он — ну, не дикий разве бред? —
Он — нашей совести полпред,
Он — страж советского закона!

Ну что ж? Успех лихой игры,
Как говорится, до поры.
Рассказ подкован мной солидно.
Героя сам я не встречал,
Но мне, однако, ясно видно,
Где роковой его причал.
Да, ни вином уже, ни бромом
Не успокоит нервов он,
Когда над ним ударит громом
Вот этот самый фельетон,
Когда амурные аферы,
В которых он преуспевал,
Преобразятся вдруг в провал
Его удачливой карьеры.
Я, впрочем, лично не спесив
И, документы огласив,
«Топить» героя не намерен:
Бедняжка выплывет авось.
Но я, признаться, не уверен,
Что он, проверенный насквозь,
Докажет, что, имея вины
По части лично-бытовой,
В болотный смрад мещанской тины
Все ж не погряз он с головой
И не прогнил до сердцевины.
По части «женской половины»
Ему, допустим, «не везло».
Но подозрительно в герое
Не просто лично-бытовое,
В нем воплотившееся зло.
Всего вернее, проросло
В нем нечто чуждо-типовое,
Что нас не может не колоть,
Что губит лучшие породы,
Что мы обязаны полоть,

Оберегая наши всходы,
Что грязью падает с копыт
Скотов, чинящих нам траву,
Что в наш здоровый новый быт
Вливает гнойную траву.

И, наконец,— нельзя забыть!—
С «цветами жизни» как же быть?
Мы их защита и опора.
Мы коммуниста-прокурора
И столь отпетого отца
Должны проверить до конца:
Кто эту темную фигуру
Мог пропустить в прокуратуру?
Как отпрыск чуждой нам среды
Проник в партийные ряды?
Ведя борьбу с партийным «чванством»,
Где им глупцы заражены,
С «коммунистическим мещанством»
Шутить мы тоже не должны.
Проверкой строгой и искусной
Все обнажая вереда,
Не пожалеем мы труда,
Чтоб нам с «буслаевщиной» гнусной
Покончить раз и навсегда!

У В Е Р Е Н Н А Я С И Л А

Бойцы и вождь. Единая семья.
Горят глаза отвагою орлиной.
 Завороженный думал я:
Жизнь героической оформилась былиной:
 Вот — от станка и бороны —
 Рожденные из глубины
Могучих недр народной силы нашей,
Богатыри родной советской всей страны
Сидят с вождем своим за дружескою чашей.
И как далек их юный, крепкий рост
От старости, надломленной и хилой!
Звенят слова, и дышит каждый тост
Уверенной в себе, спокойной силой.
Все те, кто, в бешенстве над пропастью скользя,
Пытается нас взять нахвальщиной отпетой,
Рискуют в горький час узнать, что с силой этой
 Шутить нельзя!

ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕЕ ГЕРОЙСТВО

В Германии на днях в семье одной
 Порой ночной,
 Законспирировавшись крайне,
 Отец — с ним сын его родной —
 Московской радиоволной
Дух ободряли свой и наслаждались втайне.
Но не дремали тож фашистские чины:
 Любители советской были
 В проступке столь ужасном были
 Фашистами уличены,
 Уличены, к суду привлечены
 И в каземат заключены.
 Там, в недрах каменного гроба,
Мертвящей тишиной они казнятся оба.
К ним, как фашисты в том уверены вполне
 (Была проверочная проба!),
Не проложить никак пути в глухой стене
 Советской радиоволне.
 Волне отрезан путь!
 Одначе
 Я думаю иначе:
 Чрез чье-то сердце, чью-то грудь,
Горячей радости порывом не случайным
 К преступникам необычайным
Советская волна найдет кратчайший путь,
Путь к их сердцам найдет и укрепит их песней,
 Которой в мире нет чудесней,
В которой все слова — геройские слова

О том, как, встречные свои ряды построив,
Вся пролетарская Москва
Приветствует своих арктических героев!

Да, песня наша такова:
Всех вымыслов слова ее простые краше!
В «челюскинцах» мы чтим геройство их и —

наше,
Геройство братьев, жен, отцов и матерей,
Геройство всех богатырей,
Чья исполинская работа
Над укреплением оплота
Трудящихся всех стран дала уже плоды,
Объединивши всех соратников в ряды,
*Где все бойцы сильны их общим
кровным свойством —
всепобеждающим геройством!*

НАША РОДИНА

Дворяне, банкиры, попы и купечество,
В поход обряжая Тимох и Ерем,
Вопили: «*За веру, царя и отечество*
Умрем!»

«Умрем!»

«Умрем!»

И умерли гады нежданно-негаданно,
Став жертвой прозревших Ерем и Тимох.
Их трупы, отпетые нами безладанно,
Покрыли могильная плесень и мох.

«*За веру!*» —

Мы свергли дурман человечества.

«*Царя!*» —

И с царем мы расчеты свели.

«*Отечество!*» —

Вместо бывшего отечества

Дворян и банкиров, попов и купечества —
Рабоче-крестьянское мы обрели.

Бетоном и сталью сменивши колодины,

Мы строим великое царство Труда.

И этой— родной нам по-новому — родины

У нас не отбить никому никогда!

ГЕРОИЧЕСКАЯ РОДИНА

Давно ль? Но кажется, что так давно, давно,
Страною будучи пространственно великой,
Мы жили тягостно, и бедно, и темно
Под гнетом старины, под игом власти дикой.
Порфиросное рубили мы бревно
В борьбе с помещичьей и биржевою кликой
И завершили бой с дворянством и царем
Победною грозой, великим Октябрем.

Глядело прошлое на нас трухой и сором.
Из каждой фабрики, из каждой борозды,
На бой с разрухою, с наследственным позором,
Мы ринулись, сомкнув рабочие ряды.
Путь пройденный теперь окинув светлым взором,
Мы подвигом своим заслуженно горды,
Горды могучею советскою страной,
Нам ставшей родиной по-новому родною.

За эту родину мы лили кровь и пот,
Крепя культурное ее благоустройство,
Невиданный размах невиданных работ
Всесветно выявил страны советской свойство,
Страны, где армия, и поле, и завод
Имеют общий стиль, и этот стиль — *героис.пво.*
Неиссякаемой энергии полна
Несокрушимая советская страна.

Да, не в чести у нас остатки разгильдяйства,
Да, сорнякам у нас простора нет уже,
Да, необъятен рост советского хозяйства,
Да, с каждым годом мы на новом рубеже.
Но расслабляющий геройство дух зазнайства
Нам чужд, и каждый миг наш глаз настороже,
Мы за врагом следим, доверясь нашей броне,
Всегда готовые к труду и сбороне.

Мы чтим восторженно героев имена,
Нас вдохновляет вид их статуй и портретов.
Герои — у станков, у пушек, у зерна,
Средь чертежей и книг ученых кабинетов.
Их нынче назовет любовно вся страна,
Перекликаая их на выборах советов.
Всем, богатырский дух играет в чьей груди,
Им в списках выборных всем место — впереди!

СИМФОНИЯ МОСКВЫ

И красочный и песnezвонный
Весь день — такой неугомонный!—
Звенел в ушах, сверкал в очах.
Москва, отпраздновав Октябрьский день парадом,
Вся изукрашена сверкающим нарядом,
Купалась вечером в прожекторных лучах.

Так было радостно, торжественно-бравурно!
Так необычен был для глаз
Людской поток, спадавший бурно
К проспектам, зримым в первый раз.

В Охотном выросли два дивных исполина.
Как будто лампа Аладина
Их в ночь в одну произвела.
На месте Моховой асфальтная долина
Волшебным видом расцвела.

Проспект, ликующий и светом и простором,
Открылся удивленным взорам
Там, где бесследно сметены
Остатки хилой старины:
Поросшей мхом, покрытой сором
Китайгородской нет стены!

Затмивши древности величие седое,
Там, где грядущего строительства крыльцо —

Ряд площадей слился в одно полукольцо.
*Явилось нам Москвы советски-молодое,
Неузнаваемо-прекрасное лицо.*

С сияющих витрин перед народной гущей,
Перекрывая гул восторженной молвы,
Звучала красками строительной канвы
*Архитектурная симфония грядущей,
Великой, Сталинской, победно-всемогущей,
Гранитно-мраморной Москвы!*

ЯРОСТЬ ОБРЕЧЕННОСТИ

Великий наш Союз — он стал неузнаваем.
Не покладая рук жизнь новую творим,
И многие из нас — о всех не говорим —
В порыве творческом порой мы забываем,
Что классовый наш враг день каждый, каждый
час

Глядит озлобленно на нас,
Следит за каждым нашим шагом
С тем, чтоб — прием злодейский стар —
Прокрасться к нам под мирным флагом
И нанести предательский удар.

Нет Кирова. Боец с сметенным нами царством,
С народной кабалой, с похабным подлым барством,
Герой всех трудовых и боевых фронтов,
Строитель пламенный заводов, городов,
Сраженный вражеским коварством,
Он выключен в расцвет невиданных трудов
Из наших творческих рядов.
Вождь полный сил — он пал до срока.
Он — грозовой таран для вражеской судьбы.
Еще один пример жестокого урока,
Урока классовой борьбы.

Бессилье вражье, ты взъярилося недаром:
Ты, разлучившее нас с другом боевым.
Перед своим концом стоишь пред роковым,
Пред нашим грозно-громовым,
Уничтожающим ударом!

К ОТВЕТУ!

Есть радость в творческом горенье,
Присуща силе красота,
Мысль напряженная в паренье,
Ясны — в волшебном озаренье —
Даль, глубина и высота.
В борьбе геройской и опасной
Жизнь представляется другой —
Такой приманчиво-прекрасной,
Такой бесценно-дорогой, —
Так жаждешь каждое мгновенье,
Чтоб полноценный дали плод
И сердца каждое биенье
И мысли каждый поворот,
Не утратить чтоб малой крохи
Из дел великих, из идей
Незабываемой эпохи
Незабываемых людей, —
Так жаждешь в винтик претвориться,
Ремнем по валикам ходить,
В рабочей массе раствориться
И в общем фронте победить!

Но пригвожденным к делу взглядом,
Не озираясь кругом,
Не досмотреть легко, что рядом
Ползет, смертельным полный ядом,
Злой гад, подсланный врагом,
Врагом не прямо, так окольно
Ведущим линию свою.

Урок получен. С нас довольно.
Убийц — на общую скамью!
Слова? Им нету больше веры.
Дела? Мы видели дела.
Предатели и лицемеры
Берут прицел из-за угла.
Коварство их — оно пред нами,
Разоблаченное насквозь.
Мы с их знакомы именами,
Всё те ж они, звучат не врозь,
Те ж языки и те же перья.
Лжецы, искавшие доверья,
Должны ответить — все — пора! —
Ученики, и подмастерья,
И — вместе с ними — «мастера»,
Все, кто в прохвостах обалдело
Своих пророков признавал,
И — кто пустил оружие в дело,
И — кто оружие им ковал!

ЧУДЕСНОЕ ПИСЬМО

*Чем больше жену бьешь,
Тем щи вкуснее.*

*Всем бита, и об печь бита,
Только печью не бита.*

Старые пословицы.

1

Как в Чапаевском колхозе
Куры роются в навозе,
Куры, куры, курочки,
Серенькие дурочки.
А петух-то, петушок
Вскинул важно гребешок,
Сам собой красуется,
Всем интересуется —
И коровушкой Машкой,
И собачкою Кудлашкой,
Задремавшей в конуре,
Вешней радуясь поре,
Черной кошкой,
И хаврошкой,
И жучком, и малой мошкой;
Он — хозяин во дворе.
Он — куриный повелитель,
Муж-владыка и родитель
Всем хохлаткам,
Всем куряткам.

Наблюдает за порядком:
«Ко-ко-ко!..
Ко-ко-ко!..»
Прогневить его легко,
Если что-нибудь случится,
Кто в ворота постучится,
Скрипнет где-нибудь запор,
Ворон сядет на забор,
Петушок распетушится,
Он храбер, на все решится,
Закричит он на весь двор,
Крыльями захлопает,
Ножками затопаёт.
«Кто там? Кто там? Свой иль вор?
Кто такой,
Кто такой
Нарушает мой покой?
Захочу,
Настою
На своем приказе я!
Затопчу,
Закляю!
Что за безобразие!!!»
Накричал,
Замолчал,
Быстро успокоился
И, пока
С пустяка
Снова не расстроился,
Позабывши о враге,
На одной стоит ноге,
На одной стоит ноге
В яркокрасном сапоге
С крепкою опорой,
Боевою шпорою.
Куры, куры, курочки,
Серенькие дурочки,
Роят мусор торопливо,
На хозяина пугливо
Смотрят, сузивши глаза:
«Ну, гроза!»

На улице Пахом с Егором
 Коротким обменялись разговором.
 «Что, брат Егор?»
 «Что, брат Пахом?»
 «Гляжу на курицу. Не быть ей петухом».

«А бабе — мужиком.
 Сказать ты это хочешь?»
 «Хоша б и так».

«Гляди, не ошибись грехом».

«Не ошибусь. Вот ты — за баб ты зря хлопочешь.
 Что случилось с бабами! Перевернулся свет!»
 «Вот бабы приберут к рукам ваш сельсовет,
 Так ты по-бабьи залопочешь».

«Кто? Я? Ну, с этим, брат, еще мы погодим.
 «Потом увидим».

«Поглядим.
 Пустые все твои нахвалки.
 Не выйти бабе ввек из-под мужицкой палки».

«Наслушался, Пахом, каких ты дураков?»
 «Пословица не зря идет от стариков:
 У баб мозги из пакли.
 Бей шубу, будет потеплей,
 Бей бабу, будет помилей.
 Сам прежде, вспомни-ка, ты говорил не так ли?»

«Был прежде дураком».

«А нынче стал умен?»
 «Не я один».

«Мужик втесался в бабье стадо.
 Подумать, до каких мы дожили времен!»
 «Получше прежних, думать надо.
 «Да я... Коль с бабами своими я сшибусь...»
 «Не ошибись».

«Не ошибусь!»

Пахом ошибся. Гроб! Убила!
 Его вдруг баба загрузила:
 «Иду в колхоз!»
 «Я тож иду!» —

Дочь задудила в ту ж дуду.
Пахом за палку в лютой злобе:
«Вы это что? Взбесились обе?
Да кто я в доме? Пес? Урод?
Меня хотите — в оборот?
Да я вас, чертовы наседки!»
Глядь, у порога, у ворот
Соседи сбились и соседки
Шумят, чума их забори:
«Брось, дядя, палку!»

«Не дури!»

Пахома вежливо, без свалки,
Сгребли три пары дюжих рук.
Жена — с соседками... Нахалки!
Танюша, дочь, среди подруг.
Пахом — осмеянный, без палки
(Смеялась даже детвора!)
Ушел сердитый со двора.
Вернулся к ночи. Лег, не евши.
Такая злость!
Такая злость!
Кряхтел на печке, разопревши.
Про бабу думал: сучья кость!!
На дочь ярился, на Танюшку,
Угрюмо лежа на боку.
«Пропала жизнь ни за понюшку,
Ни за понюшку табаку!..»
Он муж, отец... хозяин вроде...
А уваженья ни на грош.
И нет сочувствия в народе.
Выходит, он же нехорош...
Бунтует баба... Дочь — заноза...
Ей ни во что указ отцов...
«Ужели мне в конце концов
Не отбрыкаться от колхоза?!
Хр-р-р-р!.. — Стал похрапывать
Пахом.—
Хр-р-р-р!.. Порастай, хозяйство,
мхом!..
Хр-р-р-р!.. Дали бабам своеволье...»
Пахом ругался сквозь дрему,

Ворочаясь как на уголье.
Проснувшись, вглядывался в тьму,
И все мерещилось ему,
Что домовый скулит в подполье.
«Скулит!.. Известно, почему!..»

4

Потерял Пахом охоту
Приниматься за работу.
Женка с дочерью одни
Выполняли трудодни,
Все наряды отбывали,
От других не отставали,
Становились впереди.
У Пахома ком в груди.
Он слоняется понуро,
На людей глядит он хмуро,
В двор уходит от ворот,
Коль завидит, как народ,
Особливо парни, девки,
Жадно слушают припевки
Озорного паренька,
Балагура-шутника,
Силуяна-гармониста,
Как засвищет он в три свиста,
Как Пахому он вдогонь,
Растопыривши гармонь,
— Чтоб те, черту, впасть в сухотку! —
Загорланит во всю глотку:

Как весна-то верх взяла
Эх, да над морозами,
Три деревни, два села
Сделались колхозами.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела!
Сделались колхозами.

В нашем доме кавардак,
Спорят стены и чердак,
Спорит ложка с черепком,
Спорит баба с мужиком.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Спорит баба с мужиком!

Вот так раз!
Вот так два!
Бабе муж не голова,
Баба-сельсоветчица
Мужу не ответчица.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Мужу не ответчица.

Все девчоночки у нас
Настоящий ананас,
Прянички медовые
Четырехпудовые!
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Четырехпудовые.

Только я один зачах
На девических харчах.
Мне бы к пряничку охота,
А у пряничка работа.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела
Замечательные!

Как за тракторным рулем
Сидит девка королем,
На слова задириста,
Очень бригадириста.

Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Очень бригадирста.

Ходит дядюшка Пахом
В настроеньице плохом,
В настроеньице плохом,
Весь обросший лопухом.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Весь обросший лопухом.

Как у дядюшки Пахома
Заварилась каша дома:
Дочь, Танюшу, маков цвет,
Членом выбрали в совет.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Членом выбрали в совет.

Дочь, Танюша, маков цвет,
Девятнадцать Тане лет,
Девушка сурьезная,
Очень занозная.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Очень занозная.

Дочь отца — стыда в ней нету —
В сельсовет зовет к ответу.
Чтобы дочь, да чтоб отца!..
Дождался Пахом конца.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Дождался Пахом конца.

Дождался Пахом конца.
Ходит вроде мертвеца
С тяжкой раной ножевой,
Матерится ж, как живой.
Фу-ты,
Ну-ты,
Вот дела:
Матерится, как живой!

5

У Пахома от досады
Сердце ходит ходуном.
Все он слышит из засады,
Притаившись за окном.
Озорному Силуяну
Уж загнул бы он ответ.
Хоть парнишка-то... не спьяну
Он горланит, что Татьяну
Членом выбрали в совет.
И Пахом признать стыдится,
Что он дочерью гордится.
Повстречается Егор,
Будет новый разговор.
Дочь свою хулить не гоже,
А хвалить... обидно тоже.
Смех обидней, чем укор.
«Обсмеет меня Егор,
Петуха и кур вспомянет,
Скажет, дочь меня-де тянет,
Я ж — хочу аль не хочу —
Уж по-бабьи лопочу!»

Но Пахом и впрямь, одначе,
Стал смотреть на баб иначе,
Без ругни и воркотни.
У Пахома трудодни
Накоплялись, прибывали.
Мужика не узнавали.
Силуян порой чудил,

Что Пахом «перебродил»:
Превратясь «из квасу в пиво»,
Стал колхозником на диво.
У Пахома все в дому
С новым ладом так сдружилось,
Что Пахому самому
Было чудно: «Не пойму,
Как все это так сложилось?»
День закончив трудовой,
Засыпал он всем довольный,
Позабывши, есть живой —
Иль ушел жилец подпольный:
У него под головой
Не скулил уж домовый.

6

Был домовый в былые годы
Персоной главною в дому.
Живя в грязи, в чаду, в дыму,
Свои жестокие невзгоды
Народ приписывал ему.
Ему почтенье выражали,
Его молили, ублажали,
С ним заключали договор.
Чтоб он берег и скот и двор.
Но домовый всегда и всюду
Нуждой измаянному люду
Так заворачивал дела,
Что, глядь, густая паутина
Бесхлебный закром заплела,—
Глядь, и того страшной картина,
Лихая выпала година,
Все подмела ее метла:
Во рву последняя скотина,
И двор весь выгорел дотла!
Народ испуганно судачит:
Хозяин был не к месту, значит,
Что невзлюбил-де домовый
Его фигуры горевой,

Что, как ни мало в том веселья,
Необходимо поскорей
Искать другого новоселья,
Где домовой авось добрей.
Чур! Заметися, след, порошей!
Шли погорельцы с жалкой ношей,
Тащили скарб последний свой.
Но беднякам нигде хороший
Не попадался домовый.

Томяся в горестном уделе,
Не понимал народ простой,
Что домовой на самом деле
Был только выдумкой пустой,
Плодом догадки суеверной,
Зло-беспросветной темноты,
Крестьянской страшной, беспримерной,
Непобедимой нищеты.
И лишь когда крестьянин бедный
На путь советский, путь победный,
Ногою твердою вступил
И за собою закрепил
Уклад зажиточно-колхозный
С ядром культурно-молодым,
Конец положен дням худым,
И домового призрак грозный
Пропал, развеялся, как дым.
И лишь порою гнусный запах,
Пахнув из темного угла,
Напоминает нам дела
Тех дней, когда на злых этапах,
В когтях двуглавого орла,
У темноты, у черта в лапах
Деревня старая жила,
Деревня та, где раздавался
И днем и полночью глухой
Казнимых баб истошный вой,
И, слыша это, извивался,
Злорадным смехом заливался
В подполье мрачном домовый.

Кто бабе битой, перебитой
 В былую пору был защитой?
 К попу металася она.
 Но поп, увечья обнаружа,
 Гнусавил бабе, что она
 Судьбой на то обречена,
 И церковь учит так, что мужа
 Да убоится, мол, жена,—
 Что наносить жене увечья
 Не грех в иные времена,
 Что, мол, природа человечья
 Уж богом так сотворена:
 Мужик блудлив, но особенно
 Сословье женское блудливо,
 Не прекращался с райских пор
 У жен с мужьями лютей спор.
 Винить мужей несправедливо,
 Бывает так: смирен топор,
 Веретено зато бодливо.
 «Так мой совет тебе прямой:
 Иди, голубушка, домой,
 Напрасно с мужем не корися,
 А претерпи и покорися!»
 Ни в ком защиты и нигде!
 «Да что ты, матка, помешалась?!» —
 Галдел народ, когда решалась
 Иная баба в злой беде
 Искать заступника — в суде.
 Я приведу здесь для примера,
 Списав из «Русского курьера»,
 Страшнейший — прямо напоказ! —
 Запротоколенный рассказ:

Жена одного зажиточного крестьянина Кременецкого уезда, Волынской губернии обратилась в волостной суд с жалобой на своего мужа, обвиняя его в бесконечных побоях и истязаниях, состоявших в том, что муж морил ее голодом и холодом, привязывал раздетую донага к столбу на улице и просил прохожих бить жену, а в случае отказа — бил сам; иногда он клал ее связанную на землю и сверху нава-

ливал целые груды бревен и камней, последствием чего у нее оказалась сломанная рука. Муж потерпевшей к разбору дела не явился, и, несмотря на это, волостной суд признал мужа невиновным, мотивируя свое решение тем соображением, что муж бил свою жену, имея на то право, так как нельзя же допустить, чтобы жена не знала над собой власти мужа.

Этим процесс не кончился. На следующий день муж принес в тот же суд жалобу на жену, и — по приговору его — несчастную женщину высекли тут же на суде, публично, нещадным образом.

«Русский курьер», 1879, № 51.

Вот вам рассказ, верней — заметка.
«Курьер» — старинная газетка —
Писала с жалостью на вид.
Да с этой жалости что толку!
Суд — в завершенье всех обид —
Несчастной бабе взмылил холку,
Церковный свято чтя мотив,
Что эту бабу защитив
При людях всех, не втихомолку,
Он тем — с обычаем вразрез —
Нарушит общий интерес,
Который весь в своем похабстве
Основан был на бабьем рабстве,
Ее тиранившем века.
Поэт Некрасов не напрасно
Пророчил жизнь девице красной,
Как будет, мол, она «легка»:
«За неряху пойдешь мужика.
Завязавши подмышки передник,
Перетянешь уродливо грудь.
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.
И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг».
Некрасов жизнь оплакал эту.

Да, жизнь была, куда девать!
Я счастлив тем, что мне, поэту,
Уж не придется так певать,
Что «баба» вывелась в народе,
А есть товарищ и жена,
И что битье жены — «не в моде».
Прошли лихие времена.
Погибло прошлое бесславно,
С ним — бабье рабское клеймо.
Вздыхнули бабы равноправно,
Былое сбросивши ярмо.
Об этом к *Сталину* недавно
Пришло *чудесное письмо*.
И впрямь сказать, не чудеса ли
То, что *колхозницы писали*:

Дорогой наш друг, товарищ Сталин! Обсуждали мы на собраниях и беседах вашу речь на съезде колхозников-ударников, где вы коснулись и про нас, колхозниц. Вы сказали, что женщины в колхозах — великая сила, что колхозы дали нам возможность стать на равную ногу с мужчинами и что мы, женщины, должны беречь колхозы и держаться за них крепко. Истинная это правда. Т а к о н о и е с т ь. Колхозы сделали нас самостоятельными людьми, а до того мы были только бабами. Называли нас бабами неспроста. Были мы весь свой век — от рождения до смерти — в двойном подчинении и не имели собственного голоса. Работали мы не меньше, а больше мужиков, хозяином же был мужик, а не баба. Мужик был в угнетении и в страшной бедности, а баба — вдвое. *Но пришла настоящая жизнь и для деревенской женщины. Дали нам эту жизнь колхозы.*

...Была раньше такая мода в деревне — бить жен. Редкий мужик не бил свою бабу... А теперь, куда делась теперь мода бить жен? *Была такая мода, да сплыла. Женщина теперь по всем линиям вполне самостоятельный человек.*

...Мы, деревенские женщины, которые были самые угнетенные из угнетенных в царской России, говорим вам:

— *К старому возврата нет!*

(Из письма т. Сталину от колхозниц Георгиевского района на Северном Кавказе.)

ВКЛАД

1

ВСТУПЛЕНИЕ

Уж у меня такой язык:
Писать стихами я привык
И о веселом и о слезном,
О пустяках и о серьезном.
Прием обычный мой таков:
Начну как будто с пустяков,
Чтоб полегоньку, понемножку
Поутоптать себе дорожку
К дороге главной, столбовой,
Где надо думать головой —
Следить с вниманьем осторожным
За каждым выгибом дорожным,
За каждым словом и строкой:
К чему пододец был такой?
Куда под видом легкой шутки
Вели все эти прибаутки?
Иной лекарственный орех
Порой обсахарить не грех:
Глотнул — полезно и приятно!
Писать должно всегда занятно,
Чтоб всех читателей привлечь
К тому, о чем ведется речь.
Речь, например, хотя бы эта
Коснется важного предмета,

А уж чего я настрочу,
Чего я в ней наворочу,
Утюжить буду я и гладить,
Чтоб лишь читателей привадить.
Рассказ мой будет так же прост,
Как зайки серенького хвост.

Порассказать я б мог о зайке,
О нем самом, его хозяйке,
Его трегубой детворе,
Его убогонькой норе,
Его врагах — лисе и волке,
Его от страха вздутой холке
И — вообще — полуживом
Его житишке горевом.
Я б, говоря о зайке сером,
Его б житишко взял примером
Того, как — тоже «серячок» —
Жил прежде бедный мужичок
С женой своей и детворою,
Обросший грязною корою,
Одетый в рваный армячок,
Глядевший часто на крючок,
Который был ему соблазном
В его житишке безобразном,
В тисках кулацких крепких пут:
«Прилажу петлю — и капут!»
Кулак-то станет как яриться,
При всем народе материться,
Его, покойника, хуля:
«За ним пропало три рубля!»
Вдову притянет он к ответу,
Хоть векселей в руках и нету.
Кулак — он жал без векселей.
И не давал он трех рублей:
Дал рубль — язви его короста!—
А два рубля начислил роста
За срок какой — не в год, не в два:
От рождества до покрова.
Выходит дело киловато,
Кружится просто голова.

Не за горами покрова-то,
А денег — ой, как маловато:
В избе копейки не найти.
Вот, как тут хочешь, так плати
Иль подряжайся живоглоту
Батрачить зимнюю работу,
Чтоб трех рублей — концы ясны!—
Не отработать до весны,
А в зимнем голоде и стуже
Закабалить себя потуже.
Жене, детишкам неча есть,
Иль в кабалу, иль в петлю лезть!
Лихая жизнь, а жить охота.
И бедняку ль страшна работа?
Любой он выполнит урок.
Но бедняку работа впрок
Нейдет, выматывает жилы,
Доводит рано до могилы,
Или до нищенской сумы,
Иль — тож не диво!— до тюрьмы
За неплатсж, за грубиянство,
За непочтение к властям,
За склонность верить всем вестям,
Столь «развращающим» крестьянство.
Нужда колотит по костям,
Нужда родит утеху — пьянство,
А пьянство гонит со двора
И не доводит до добра.

Куда ни кинь, все клин выходит,
Кулак деревней верховодит,
Ее, как хочет, так стрижет.
Ему перечить кто посмей-ка,
Он так вскопытится, заржет!
У бедняка судьба — злодейка:
Его последняя копейка
Кулацкий рублик бережет.
Уж так: где тонко, там и рвется.
Шустра копеечка — беда:
Она, подлянка, никогда
У бедняка не заживется,

Она всегда — юрка, кругла —
Кулацкий рублик берегла.
Кулак был вечно недоволен,
Лихой озноб его трепал,
Чужой копейкой был он болен:
Не отобрав ее, не спал.
Росла в нем жадность с каждым годом,—
Да что там с годом! с каждым днем,—
Он жил, дышал одним — доходом,
Не забывал во сне о нем.
Иной кулак входил под старость
В такую денежную ярость,
Что перед тем, как помереть,
Уж начинал в огне гореть,
Терпеть несказанные муки
Пред неизбежностью разлуки
Со всем награбленным добром.
О кулаке с таким нутром
Мне рассказал один рассказчик,
А я рассказ перескажу,
В живом портрете покажу
Кулацкой жадности образчик.

2

ОБРАЗЦОВАЯ СЕМЬЯ

(из прошлого)

Жил да был мужик Авдей —
Люди баили — злодей.
Ликом строгий, богомольный,—
В воскресенье, в день престольный
Он стоял, молясь Христу,
В божьем храме на посту,
У своей свечной конторки,
Шевеля рукою горки
Серебра и медяков,
Дань свечную бедняков.
Прилежа к делам духовным,
Был он старостой церковным,—
Очень часто потому

Поп захаживал к нему,
Быстро на угол крестился,
За широкий стол садился,—
Речь всегда его была,
Как беречь себя от зла
И — с греховностью природной —
Жизнью жить богоугодной,
А не так, как червь в земле.
Той порою на столе
— «Всех нас кормит божье лето!»—
Появлялось то и это
И — за здоровье и в помин —
С чистой водочкой графин.
Поп хозяином доволен:
«До чего ж ты хлебосолен!
Нет таких, как ты, людей.
Хорошо живешь, Авдей:
Два сынка под стать папаше,
Две снохи — не сыщешь краше,
Клад — хозяйюшка твоя.
Образцовая семья.
Мир, согласие — на диво.
Все работают радиво.
Урожай всегда хорош.
Человека знать в беде лишь.
Ты ж всегда найдешь, уделишь
Бедняку... какой-то грош.
На кого в нужде надея,
Кто ж не знает? На Авдея!
У тебя — чай, не солгу —
Весь народ кругом в долгу.
Брешут те, кому завидно:
Нажился Авдей солидно,
Накопил небось деньжат,
Не узнаешь: где лежат?
Зависть точит сердце злое,
Зависть вытащит бывшее,
Все, что в памяти хранит,
Замутит и очернит:
Вот с чего-де началось,
Вот как дело-то велось...

Очернили, глядь, кругом:
Благодетель стал врагом!»
Поп не зря словами брякал.
Выпивал рюмашку, крякал:
«Ах, злодейка, хороша!» —
И умильно, не спеша,
Дань отдав делам утробным,
Речь сводил к делам... загробным:
«Вот... Живешь так, пьешь да ешь.
Наживешь под старость плешь...
Суетишься, дни торопишь,
Денег, скажем так, накопишь,
Только жить бы от плодов
Изнурительных трудов,
Глядь, приходит смерть без спросу,
Над тобой заносит косу:
— Представляй на божий суд
Всех грехов твоих сосуд!—
А грехи у нас какие?
Треволнения мирские
И погоня за грошом,
За излишним барышом,—
Но на том, однако, свете
В каждой прибыльной монете —
Брал греша аль не греша?—
Отдает ответ душа.
Кто ж в тот час ей даст подмогу.
Вознесет молитвы к богу,
Чтоб снялась с нее вина?
Церковь божья лишь одна!
Пред владыкою всеильным
С воскурением кадильным
Всходит в райское жильё
Глас молитвенный ее:
— Сжался, боже, над рабою,
Предстоящей пред тобою,
Ты бо праведен еси,
Отпусти ей в небеси
Всех ее проступков меру
За раскаянье и веру,
За ее предсмертный вклад

В мой церковный вертоград
Для молитвенных прошений
О прощенье прегрешений!—
Да... Достигши наших лет,
Позаботиться нам след
О семействе, — как иначе?—
О душе своей тем паче.
Забывать нельзя семьи:
Дети кровные, свои...
Но при часе при конечном
Вспомнить надо и о вечном,
О загробном житии.
Понял, раб господень?»
«Понял». —
«О душе-то... порадей!»
«Ох-ох-ох! — кряхтел Авдей.—
Страшно слушать. Инда пронял
Уж меня смертельный пот
От святых твоих забот.
Х-хо!.. Молодки! Глаша, Катя!
Тут меня отпел уж батя,
Отпустил мне все грехи!»
Ухмыльнулись две снохи,
Принахмурились два сына.
Знать, была тому причина.
Люди ввали, кто о чем.
Был слушок, что старичина,
На сынков смотря сычом,
Был заядлым... снохачом.
Люди брали на примету,
Что дрались бабы в кровь,
Что невесток — ту и эту —
Ненавидела свекровь,
Что в семействе образцовом
В поведении отцовом
Крылась некая грязца,
И два сына — были толки —
Чай, не попусту, как волки,
Озирались на отца,
Озирались с опаской,—
Их отец своею лаской

Тож не очень-то дарил;
И работою морил,
И грозился: «Знаю, черти,
Ждете лишь отцовской смерти,
Чтоб в сундук его залезть:
Сколько денежек в нем есть?
Не случилось бы промашки.
Деньги все-таки... бумажки...
Понимает их не всяк...
Можно с ними так и сяк...»

Глянешь так на человека,
Жить ему б, кажись, два века:
Прямо дуб! Высок, грудаст.
Но... живет сто лет калека,
Дуб же крякнет вдруг и — сдаст,
Лист осыплется зеленый.
И — сухой и оголенный —
Дуб стоит, как мертвый пень.
Так Авдей: смотрел весь день
За хозяйством, как обычно,
Отдавал приказы зычно,
Выслал к вечеру обоз —
Все семейство — на покос;
Стало тихо: все живое —
Он да внучка, в доме — двое.
Ночь прошла, и поутру,
Словно призрак, по двору
Дед Авдей бродил, шатался,
Часто за сердце хватался,
Крикнул внучку: «Слышь, малец,
Собирай скорей дровец».
Взяв дрова, прогнал Марфушку:
«Не входи теперь в избушку.
Слышь? Пока не позову!»
Вскипятил в воде траву.
Весь водою той обмылся,
В сундуке в углу порылся,
Обрядился — чист и бел,
Лапти новые надел.

Долго — с приступом икотки —
Наворачивал обмотки
И, разгладив их рукой,
Молвил: «Умник никакой
Не раскусит этой штуки!»
И к иконам головой
Лег на лавку чуть живой,
Образочек взявши в руки,—
«Пусть теперь хоронят, суки!»
Вечеру, когда гуртом
Вся семья вернулась с поля,
Стало ясно: божья воля!
Дед Авдей с раскрытым ртом,
Снарядившись сам к отправке
В невозвратный, смертный путь,
С образком, прикрывшим грудь,
Мертвецом лежал на лавке.
В поле страдная пора,
Каждый день за год в ответе,
Так покойник со двора
Был утащен на рассвете,
А к полудню — летний быт —
Был отпет он и зарыт.
Вот и все. Одначе в поле
Сыновей Авдея боле
Не видали в эти дни:
Дома шарили они
В каждой дырке, в каждой щелке,
И за печкой, и на полке,
Перерыли все углы,
Разломали все полы,
Весь чердак разворошили,
Весь амбар распотрошили,
Двор изрыли, огород,
Взбудоражили народ.
«Во, гляди, как братья рыщут,
Денег всё отцовских ищут».
«Ищут. Тятка — вот беда!—
Деньги скрыл невесть куда!»
День искали, два искали,
Дом на части растаскали,

Разорив родимый кров,
Два братана — Клим и Пров,—
Под конец, без долгой речи,
Ухватили мать за плечи:
«Стерьва! Место укажи,
А не то... возьмем в ножи!»
Мать и так, и сяк, и этак
Урезонивала деток,
Разоравшихся орал:
«Знаю вашего не боле...
Я была ведь с вами в поле,
Как отец-то помирал.
На меня за что поруха?»
«Врешь ты, подлая старуха!»
«Говори, где клад, змея!»
Озверели сыновья,
Смертным бьют старуху боем.
Бабка воеет диким воем,
Упираясь на своем:
Ничего ей неизвестно.
«Вспомни, мать!»
«Открой нам честно,
Деньги где, не то — убьем!»
«Вспомни!»
Мать не вспоминает:
«Муж был строгий — кто не знает!
Я при нем была глупа.
Что меня вам врать неволит?»
Сыновей старуха молит,
Чтобы вызвали попа:
«Пусть живая в землю лягу!
При народе дам присягу!»
«Присягай!»
Явился поп.
Собрался народный скоп.
В виде жалостно-убогом,
Вся в кровавых синяках,
Бабка хрипло — «ках!-ках!-ках!» —
Пред людьми и перед богом
Поклялась, держась перстом
За евангелье с крестом:

«Вот подохнуть мне до срока!..
В сынсвьях не видеть прока!..
Как на страшном вот суде!..
Клад лежит не знаю где!»
«Так божиться ей к чему бы?
Бабка явственно не врет!»
Загудел кругом народ:
«Зря сынки-то, душегубы,
Мать терзали на куски!»
Клим и Пров кусали губы
И скребли себе виски
От досады и тоски:
Что ж выходит? Дело ясно:
Мать свою они напрасно
Дули, гнули вперегиб.
Клада нету! Клад погиб!
Вдруг — у всех распухли уши!—
Объявилась — от Марфуши!—
Удивительная весть:
В избу хоть и не входила,
Внучка деда подследила
И видала чрез окно,
Как и долго и смешно
Над лаптями он возился,
Как кому-то он грозился,
Собираясь их надеть,
Как обмотки стал вертеть,
Задыхаясь от натяжки,
Как под них совал бумажки —
По одной, по две, по три...
«На, холера! На, смотри:
Не такой ли размалевки?»
«Вот такие!»
«Сторублевки!»
Чувств своих не поборов,
Завопили Клим и Пров:
«Что ж ты раньше, дрянь, молчала?
«Знать бы это все сначала!»
«Ладно. Знаем, наконец:
Деньги в гроб унес отец!»
Пров и Клим в одно мгновенье

Тут же приняли решение —
Вскрыть могилу.

«Стоп! Нельзя!»

Поп сказал, крестом грозя:
«Святотатство!.. Прегрешенье!..
Кто позволит?!»

Разрешенье

На каких искать путях?
Клад — в могиле, на кладбище,
На ноге, поди, по тыще! —
У покойника... в лаптях!
Что тут было! Что творилось!
Что тут только заварилось!
Брату брат — смертельный враг,
Брат от брата ни на шаг.
Брат родной следит за братом,
Как за лютым супостатом:
На кладбище шпарит Пров,
А уж братец — будь здоров! —
Из куста ему навстречу, —
Жди того, что вступят в сечу,
Ухватясь за топоры!
Всполошились все дворы,
Всем не елось и не спалось,
Об одном везде шепталось:
«На кладбище у куста,
У отцовского креста
Братья кончат дело скверно,
Перережутся, наверно!»
«Чтоб беду предупредить,
Надо стражу нарядить!»
У Авдеевой могилы,
Прихватив с собою вилы,
Клад могильный сторожа,
Заходили сторожа;
Сбоку Клим и Пров ходили,
За охраною следили, —
И на весь на этот сбор
Поп глядел через забор:
«Проморгал какое дело!»
У попа в башке гудело.

Он не долго здесь торчал,
К благочинному помчал.
Долго батюшки грустили:
«Экий случай упустили!»
«Сторожат?»
 «И день и ночь».
«Кто сумел бы нам помочь?»
«С кем-то надо нам совместно...»
«Кто решится?»
 «Кто? Известно!
Нам поможет становой:
И подлец, и с головой!»
Покатили к становому.
Разговор по-деловому
Был поведен становым:
«Вот вы с делом каковым!..
Что ж! Не прочь я... от дележки.
Устраню крестьян от слезки
И, убрав народ, семью;
Стражу выставлю свою».

Становой в село примчался,
Расшумелся, раскричался:
«Беспорядки тут? Разврат?
Искалечил брата брат!
Сторожить могилу стали!
А причина не пуста ли?
Может, все — ребячий бред!
Налагаю мой запрет!
Сыновей и вашу стражу
Я отсюда спроважу.
Эй, урядники! Гони!
Разберемся тут одни!»
«Разберутся, крокодилы!»
Отшатнулася толпа.
Лишь остались у могилы
Становой и два попа
Да урядников четверка,
А народ вдали: галерка.
Тут урядники в момент
— Преогромнейшие каты! —

В ход пустили инструмент,
Припасенные лопаты.
Через час был гроб открыт,
Наверх вытащен и вскрыт.
Над покойником зловонным
С видом этаким законным,
Как голодных три клопа,
— Чай, добыча неплохая! —
Наклонились, чихая,
Становой и два попа,
Быстро лапти размотали,
Все бумажки подсчитали:
«Всё ли?»
«Всё! Покойник гол!»
А для Фролов и Микол,
Подозвав народ поближе,
«Подписавшиеся ниже» —
Попик, местный богомол,
Становой и благочинный —
Очень ясный и не длинный
Огласили протокол:
«Дня, и месяца, и года
При стечении народа
И в присутствии особ
Был раскрыт такой-то гроб.
Труп лежал *горизонтально*
И, осмотренный *детально*
От волос и до ногтей,
Оказался... *без лаптей*,
Слух кощунственно-преступный,
Что в лаптях-де клад был крупный,
Не основан ни на чем,
Что скрепляем сургучом».

Поплелся народ с кладбища.
Поплелися Клим и Пров.
«На ноге на каждой тыща!»
«Нет лаптей! Ищи воров!»
Толковали, горевали:
«По закону своровали!»
Ночь пришла — темна, слепа.

Спал народ. Как ночевали,
Спали ль Клим и Пров? Едва ли!
Злость их грызла до пупа.
И не спали — то ж примета!—
Пировали до рассвета
Становой и два попа.

3

КУЛАЦКИЕ ПЕСНИ

Признать ли повесть однобокой?
Нет, верно выявлены в ней
Дела не столь далеких дней
И старины не столь глубокой.
По селам всем и деревням
Авдеи прежде бытовали,
Крестьянским прежним черным дням
Они окраску придавали.
Деревню нищали они.
Теперь пришли иные дни,
В деревне жизнь иною стала.
Лишенных силы, капитала,
Осатанелых кулаков
Схватили крепко мы за жабры,
Они доселе были храбры,—
Стал вид их нынче не таков:
Кто уничтожен, кто укрылся,
Кто, как червяк, в навоз зарылся,
В одиноличный свой навоз,
А кто прокрался и в колхоз.
И там, пришипившись украдкой,
С покорно-сладеньким лицом
И с осторожною оглядкой
Вредит, где делом, где словцом,
Где злоехидною ухмылкой,
Где злоприманчивой бутылкой,
Лихой отравой — винцом;
Влил в председателя отравы,
Тот и готов: и глух и нем,—
Кулак колхозникам меж тем
Свои прилаживает нравы,

Внушает мысли им свои.
Тут обласкает, там похвалит
И постепенно дело валит:
Колхозной дружной нет семьи,
Иван с Петром, Андрей с Архипом
Шумят, подзуженные шипом
В колхоз прокравшейся змеи.
Кулак, спойвши предколхоза,
Потом повсюду шепчет сам:
«Товарищ Тяпкин — вот заноза!—
Большой мастак по чудесам,
В полтыщи рубликов растрату
Так расписал по аппарату,
Сумел так ловко зализать,
Что и концов не указать;
Иль тож — пустился на уловку,
На рынке сбыл свою коровку
За тыщу двести, не вредит,
Погом, коровку сбыв дрянную,
Купил в колхозе племенную
За восемьсот — и то в кредит,—
Ее продаст, две тыщи слупит,
Потом в колхозе снова купит...
Стесняться, что ль, ему людей?
Я ж говорю, что чудодей!
Нахапав этак денег массу,
Он не положит их в сберкассу,
Не! Он про кассу нам бубнит,
Сберкассой нам мозги туманит —
Что касса, дескать, не обманет,
А сам не в ней деньгу хранит.
В сберкассе тож сидит растратчик».
Вот он, кулак, какой докладчик.
Вот благодетель он какой!
Одной рукой винца подносит
И предколхоза выпить просит,
И сам его другой рукой
Изничтожает, зло порочит,
Толкает пьяницу на дно,
Провал ему, колхозу прочит,
Да и сберкассе заодно:

«Придешь в сберкассу, жди ответа,
Стой у окошка по часам!»
Нож кулаку сберкасса эта,
Сберкассой хочет быть он сам,
Храненье денег, облигаций,
Народ попрежнему «любя»,
Он — для кулацких махинаций —
Возьмет охотно на себя;
Он денег в землю не зарует,
В кулацкий пустит оборот.
Он «всем поможет», «всех устроит»,
Мужик он честный, не банкрот.
«Жил век я с вами, братцы, дружно.
Теперь колхозничать пришлось.
И слава богу! Что мне нужно?
Лишь хорошо бы вам жилось!»
Искусно скрыто лицемерье.
Растет сочувствие вокруг,
И входит вновь кулак в доверье,
Он всем в колхозе «первый друг»:
Кто за советом, кто с обидой,
К нему идут и там и тут.
Борьбу с кулацкой этой гнидой
Большевики не зря ведут,
Да и в колхозах большей частью
Уж простофилей не найдешь,
Понавострились люди, к счастью,
А особенно молодежь:
Едва кулак где-либо пикнет
Иль разольется злым смешком,
Его берут — он сразу никнет!—
И вырывают с корешком!

4

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАССИР»

Сберкасса... Речь о ней уж к стати.
Давно ль плелась галиматья:
«Большевики — лихие тати,
Нельзя им вверить ни копыя!»
Они-де всех берут на пушку.

«Идти в сберкассу, что в ловушку!»
Все это — вражий лай и брех
Врагами купленных Терех.
Ответ — без долгих возражений —
На брех такой предельно прост:
Рост всенародных сбережений —
Советской мощи значит рост,
Колхозной мощи особливо:
И по дорожкам и по рвам
Мы к ней шагаем торопливо
Согласно Сталинским словам.
Колхоз зажиточно-культурный
Есть большевистский наш пароль.
Весь рост промышленности бурный
Тож выполняет эту роль.
Роль величайшего подспорья
Для всеколхозного подворья,
Враги готовят нам войну,
Наш горизонт еще не розов.
Мы укреплением колхозов
Крепим советскую страну.
В сберкассах — дружеская смычка
И городов и деревень.
К доверью общему привычка
Сулит нам общий светлый день.
Сберкасса — это не обитель,
Где на грабеж наводят лак,—
Сберкасса — это не грабитель,
Сберкасса — это не кулак.
Кто сбереженья ей доверит,
Тот не врагу их одолжит.
Он выпуск денежный умерит
И свой же рубль удорожит.
Есть в каждом вкладе — самом малом—
То, что всего для нас ценней:
Доверье в виде небывалом
Великой стройке наших дней:
Что с каждым днем страна сильней,
Что мы стоим не пред провалом
Программы нашей деловой,
А пред победой мировой

Советской власти трудовой
Над буржуазным капиталом.
Сберкассы в стройке и в бою
Исполнят честно роль свою.
Примеры часты, очень часты,
И не грешно нам их привести.
В сберкассах есть энтузиасты,
Да, «фин-героев» много есть.
Дед Еремей в деревне Горках —
Когда-то он ходил в опорках,
В колхозе ж он ни наг, ни сир
И — «государственный кассир».
Одет он просто, очень просто,
Но он смеется, добрый дед:
«Одет, как надо, в чем спрос-то?
Когда ж я лучше был одет?
Разбогатеет вот колхоз-то,
Как выйдет, значит, в первый класс,
Все разодемся в атлас,
К тому идет, уж это видно!»
Дед Еремей ведет солидно
Свою излюбленную речь,
Что надо денежки беречь,
Беречь умеючи, надежно,—
Растратить деньги быстро можно
По мелочам, по пустякам:
Иной в картишки их пробросит,
Иной распустит по рукам;
Тот одолжит, да тот попросит.
Дед так заводит разговор:
«Здорово, друг ты мой Егор!
Что? Не купил еще коровки?
Ее не купишь без сноровки.
Да, перед тем как что купить,
Деньжаток надо прикопить.
Как прикопить? Простое дело.
Ты огород ведешь умело,
Намедни продал огурцы,
Капусту продал не задаром,
Сведешь, пожалуй, все концы,
Еще останешься с наваром.

Навар свой денежный теперь
Сберкассе ты, дружок, доверь,
Потом еще подсыплешь малость,
Затем еще разок-другой.
Ты в кассу, друг мой дорогой,
Зря не придешь ведь за деньгой,
Чтоб взять и выбросить на шалость?
Ты не похож ведь на хлыща.
Придешь, обсудим сообща,
Купить лошадку не пора ли?
Чай, денег вдосталь уж собрали!»
Егор от речи от такой
Не отмахнется тож рукой,
Не лясы это да балясы,
И вот уж вкладчик есть у *касси*,
Не для себя же дед радел.
Дед в курсе всех колхозных дел.
Памфила встретивши, с Памфилом
Ведет он речь на лад иной:
«Подумал я о друге миллом,
А милый друг уж предо мной.
Рад за тебя, мужик ты дельный,
Был прежде — помнишь? — безземельный.
Вдохнул, когда в колхоз вступил,—
Работал, правда, без устатка,
Зато — коровка, двор и хатка,
Да, чай, и денег прикопил,
Есть у меня о том догадка.
А только слушай, милый друг:
Не без воров мы! Могут вдруг
Спереть все деньги без остатка;
Бумажки — долго ль до беды!—
Огня боятся и воды,—
Мозги — добавлю для порядка —
Так задурманит перепрятка,
Погибнуть могут все труды!»
Памфил сначала не сдается,
Потом он деду признается:
Полтыщи, правда, он припас,
Но что купить, еще гадает.
Тут дед и пуще наседает,

Рисуя выгодность сберкасс:
«Тебе, мил-друг, я не указ,
Но верь мне, деду Еремею:
Я не какой-то враль седой.
Я ль интерес какой имею —
Давать совет тебе худой?
Неси, сдавай, не медля часу,
Свой полтысячи в сберкассу,
В сберкассе — страхов не таи,
Верь, я не злой тебе советчик!
Не я за денежки твои,
А государство все — ответчик:
То, что дает ему народ
Из всей, не пущенной в расход
Своей наличности свободной,
Оно пускает в оборот
Для пользы нашей же, народной,
Колхозной больше, чем иной.
Что ж получается, родной:
Что ты, имея лист вкладной,
Свалив с себя тревоги бремя,
Не пряча денежек в избе,
Помог в одно и то же время
И государству и себе.
А зануждаешься ты лично
В своих запасах, все практично:
Идешь в сберкассу в день любой
Ко мне, к примеру,— я, с тобой
Сведя расчет весь аккуратно,
Твой вклад верну тебе обратно,
К тому же вклад верну я твой
Еще с процентною лихвой!»
Памфил — так было все на деле —
Не в тот же час, не в тот же день,
На той, однакоже, неделе,
С трудом осилив дребедень
Трусливых всех соображений,
А больше — бабьих возражений,—
Мол, не бросают «под плетень»
Своих последних сбережений,—
Явился в кассу. То да се.

(А челюсть все-таки стучала!)
«Вот, Еремей... принес... не всё:
Четыре сотни для начала».
Дед принял деньги, записал.
Памфил глядел на деда дико.
Ушел. А вечером — гляди-ко!
Обратно к деду причесал.
«Верни мне деньги!»

Дед с усмешкой
Сказал: «Чудак ты друг, чудак.
Бери, бери скорей, не мешкай,
Ведь заболеть ты можешь так.
Не веришь. Ясно: с непривычки.
Все ж дома деньги стереги.
А то пронюхают враги —
В сундук залезут без отмычки!»
Прошла всего лишь ночь одна,
И в кассе вновь Памфил у деда:
«Всё, понимаешь ли, жена...
Да и моя в том есть вина...
Сам не уверился покуда,
Что тут сохраннее. Вот, на:
Вношу полтыщи — всё сполна!»
Ушел Памфил довольный крайне,
Узнав от деда — «честный он!» —
Что в кассе вклад — таков закон —
Храниться должен в полной тайне.
Зря деньги неча доставать:
Никто не станет приставать.
Вклад никого не станет зарить.
Полтыщи долго ль разбазарить!

Дед Еремей пример другим.
«Фин-активист» он высшей марки.
И с ним, подвижником таким,
Кулак делить не станет чарки:
Попытки эти здесь пусты.
Глаз показать ему не смея,
Кулак, завидя Еремея,
Или шарахнется в кусты,
Иль дунет крюку три версты.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ¹

В момент торжественно-серьезный
Гремела песней зала вся.
...Ушли на подвиг на колхозный,
С собою образ грандиозный
Вождя и друга унося
И унося с собою гордость
Не только им, но и собой,
Своею радостной судьбой,
Пред миром всем явившей твердость
Того, что добыто борьбой,
Что — если день настанет грозный —
Покажет всем, что строй колхозный
Вмиг из ограда трудсвой
Оградой станет боевой.

Друзья мои, до новой встречи!
Мужик природный, «столбовой»,
С какую радостью живой
Я жадно слушал ваши речи!
Как много дали мне они!
Мне показались эти дни
Сплошную сказкою волшебной
По силе творчески-целебной
И ваших слов и ваших дел.

¹ К закрытию 2-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников.

На вас глаза я проглядел.
В быту возвращенный стародавнем,
Я вспоминал свой «отчий дом»,
Избу, стоявшую с трудом,
Окно слепое с ветхим ставнем,
Пустой сарай, амбар пустой,
Среди двора бурьян густой,
Соседей рваных и соседок,
Детей, ходивших нагишом,
Все, что терпел я малышом
И от чего — пример не редок —
Сбежал я в город напоследок.
Я расскажу когда-нибудь,
Какой прошел я тяжкий путь.
О нем лишь к слову говорю я.
Его, не плачась, не горюя,
Будь этот путь трудней стократ,
Преодолеть я был бы рад,
Чтоб, несмотря на все подвохи,
Что жизнь чинила мне порой,
Дожить до радостной эпохи,
Несущей миру новый строй,
Дожить до этой встречи с вами,
Упитья вашими словами
О том, что прошлому — капут,
Что не страшны его угрозы,
Что в деревнях и там и тут
В достатке крепнущем растут
Культурно-крепкие колхозы.
Как много хочется сказать!
Но трудно мне слова низать.
Я пел, когда я был моложе,
Как птица вешним днем в лесу,—
Теперь пишу я реже, строже,
Любое слово на весу.
К чему восторженные охи
И пестрых красок карусель?
Мы все — работники эпохи,
Какой не видел мир досель.
Мы строим, учимся, мы пашем
И — кулаками зря не машем.

Мы сами чувствуем свой рост,
Язык речей на съезде вашем
Был деловит и крайне прост.
А сколько было в нем кристаллин,
Достойных речи мудреца!
И как ловил их жадно *Сталин*,
Не пропускавший ни словца!
Венчало сталинское «браво!»
Удачный мысли оборот.
Нет, как же выросли мы, право!
Неузнаваемый народ!

На этом свой привет кончаю,
Кончаю просто, без прикрас.
До съезда третьего, я чаю,
Поговорим еще не раз.

ПРИВЕТ РАСТУЩЕЙ СИЛЕ¹

Про «бабу» злые прибаутки
У нас уж больше не в ходу.
Про «бабу» старые погудки
С культурой новой не в ладу.
Цена такому балагурью —
Антисоветская цена.
Мы распростились с этой дурью
Бесповоротно и сполна.
Поставив крест на мире старом,
Верша великие труды,
Колхозной женщиной недаром
Мы так восторженно горды.
Ее житейская дорога
Уж не «от печки до порога»,
Пред нею новый, светлый путь
Туда, где легче дышит грудь,
Где неоглядные просторы,
Где жизни радостной узоры
И краски творческой весны
Уже отчетливо ясны.
Колхозный съезд второй недавно
Нам показал ее так явно,
Так полноценно: вот она,
Возбуждена, увлечена
Докладом, яркими речами,
Чувств неиспытанных полна,
Завороженными очами,

¹ Текст к колхозно-женскому плакату ИЗОГИЗа.

Не отрывая их, глядит
Туда, где *Сталин* сам сидит.
И вот — она уж на трибуне,
И ей — да, ей! Петровой Дуне! —
Все рукоплещут. Сталин тож.
Он рукоплещет всех сильнее.
Он — стало ей теперь виднее,—
Как на портреты ни похож,—
Вблизи он проще и роднее.
Все надо в памяти сберечь,
Чтоб вспомнить над колхозной пашней,
Как Сталин жадно слушал речь
Ее, телятницы вчерашней.
Она — еще не грамотей —
Телят любила, как детей,
Потом — ударничала в поле,
Не только в поле, но и в школе,
Чтоб, поработавши, «как черт»,
Стать полеводом первый сорт.
Сдала здоровьем даже малость,
Но всю болезнь — верней, усталость —
Сняла награда: Крым, курорт...
Теперь придут весна и лето,
И вновь здорова и сильна...
Конечно, Сталин знает это!
Он знает, знает, кто она!
Но также знает он заочно
— С ним вместе знает вся страна!—
И уважает имена
И подвиги таких же точно
Колхозниц славных, как она.
Они лавиной мощной, бурной
К той жизни ринулись культурной,
Которой в мире краше нет.
Родной колхозно-деревенской
Растущей новой силе женской
Наш братский, пламенный привет!

ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СТАЛОСЯ,
О ЧЕМ ПРЕЖДЕ В СКАЗКАХ МЕЧТАЛОСЯ¹

Мужик из века в век пыхтел-кряхтел над сошкой,
А дармоедов — каждый с ложкой —
За ним тянулось — целый фронт:
«Ты — наш кормилец!»
«Ты — наш поилец!»
«Ты — раб наш вечный, Ферапонт!»

Сам Ферапонт голодный,
Холодный,
Порою темною, ночной,
Измученный дневной работой и заботой,
Усталый и больной,
Страдая костяной
Ломотой,
Окутан темнотой, лежал в своей избе,
В своей безрадостной темнице,
И в темноте мечтал о солнечной судьбе,
О сказочной *жар-птице*:
«Хотя бы перышко мне от нее достать,
Чтоб у меня в избе оно могло блистать!»

А нынче — погляди на этой вот странице! —
Колхозник скажет ли: «Я в темноте живу»?
В колхозной электросветлице
Крестьянская мечта о сказочной *жар-птице*
Осуществилась наяву!

¹ Текст к плакату ИЗОГИЗа.

Дыряво-лапотный крестьянин, беспаспортный
И невылазно-бездорожный,
Всю жизнь он маялся, как каторжник острожный,
В своей отрезанной от мира конуре
И, глядя на возок, застрянувший в болоте,
Мечтал о сказочном *ковре*,
О *самолете*.

Теперь колхозники строчат письмо в Москву:
«Когда ж обещанный нам самолет пришлете?»
Вдруг гул. В небесную все смотрят синеву.
Аэропланов там — собьешься прямо в счете.
Крестьянская мечта о *чудо-самолете*
Осуществилась наяву!

Голодный мужичок с голодною женой
Век проводили свой в голодной перебранке,
И утешались они мечтой одной,
Мечтой о *скатерти* — *волшебной самобранке*
Ей прикажи, и все — еда любая — есть.
Хоть в сказке досыта поесть!

Колхозник говорит! «Не лодырем слыву!
Зато живу теперь уж не в былом хлеву,
И ем зато теперь не отруби в лоханке!»
Крестьянская мечта о *дивной самобранке*:
Осуществилась в колхозах наяву!

Бранили баре мужика
Площадно,
Пороли баре мужика
Нещадно.
Трещали исстари, века,
У мужика
Бока.
Мужик, житье свое чтоб скрасить горевое,
Мечтал о сказочной *дубинке-самобое*:
«Всем, всем, кто тянется к мужицким пирогам,
Царям, помещикам, несатым всем врагам,
Утробы чьи страда крестьянская кормила,
Она б хребты переломила!»

А нынче — дальний враг и здешний,
Вредитель внутренний и поджигатель внешний,
Пришипившийся пан, фашистский ли Мамай —
 Остерегись! Нас не замай!
Не зря мы празднуем рабочий «Перво-май»,
Наш общетрудовой всемирный праздник вешний!

Покорно мы ль согнем перед врагом главу?
Притронься не к руке нам враг, а к рукаву,
Так приключится с ним такое!..
На нападение ответим мы любое,
Любую выжжем мы зловредную траву!
 Мечта о сказочной дубинке-самобое
Вот — воплощенная — пред нами наяву!

РАДЗИВИЛЛОВСКИЙ «КРАКОВЯК»

Современная баллада

(с польского)

Пышный зал — картина в рамке.
Шпоры звонко звяк да звяк.
С толстой Бертой в старом замке
Князь танцует краковяк.

— Моя краля! — О мейн Януш,
Ире зеле...¹ — Ваша вся!
— Варлихь?² — Езус! Ведь не спяну ж
Вам в любви я поклялся.

— О мейн фирст! Мейн тапфер риттер!³
Не коснется, Радзивилл,
Большевиштишес гевиттер⁴
Ваших замков, ваших вилл!

— Вы устали? — Нет.— Пше праше,
Еще, фрейлен, еден тур!
Нима в свете выше, краше
Наших родственных культур.

— На востоке вир цузаммен...⁵
— Скоро ль? — Шнель!⁶ — Когда б скорей!
— Клятва? — Клятва! — Амен? — Амен!
— Дритта, дрит-та! — Эйнс, цвей, дрей!

¹ Ваша душа...

² Правда?

³ О мой князь! Мой храбрый рыцарь!

⁴ Большевицкая гроза

⁵ Мы вместе...

⁶ Скоро!

— Мы покажем красной хамке:
Нет таких, как мы, вояк! —
...С толстой Бертой в старом замке
Князь танцует краковяк.

Вьется князь вокруг соседки,
Ей отдавши сердце в плен,
Радзивилловские предки
Смотрят сумрачно со стен,

Словно им подать охота
Знак потомку своему,
Словно ведомо им что-то,
Что не ведомо ему,

Что нависло над вельможей
И о чем — и у ворот,
И вокруг замка, и в прихожей—
Шепчет сумрачный народ.

О «ДОБРОТЕ»

(По документальным материалам)

Над губами ладонь или платок.
Обывательский шепоток
О большевистской морали
(Тема приобрела остроту):
«За что человека покарали?
За доброту!»

Доброта! Распрекрасное слово,
Но приглядимся к нему.
Скажем, я прослыл за человека презлого —
А почему?
Будь я урчащим
Лирником,
А не рычащим
Сатириком,
Разводи в стихах турусы на колесах
О тихих заводах и плесах,
О ловле по утрам пескарей,
О соловье иль кукушке в роще,
Не было б меня добрей
И — проще.

Есть пограничная черта,
Где качество переходит в контркачество,
Отвага — в лихачество,
Деловитость — в делячество,

Краснота в иные цвета,
Бережливость — в скупость,
И доброта —
В глупость,
А глупость — в преступление.
Обычное явление!
Глупая доброта становится той
Простотой,
Про которую и в мире старом,
Чуть не до «Христово рождества»,
Утверждалось недаром,
Что *«простота хуже воровства»*.
Что от нее в мозгах чересполосица,
От которой «добряк» простоволосится,
Доходит до дружбы и кумовства
С перекрашенным, переодетым
Врагом отпетым.
Доброте доброта
Не чета.
Бывает доброта разная:
Умная и несуразная,
Пролетарски-классово направленная
И — вражьей отравой отравленная,
Захваленная и заласканная,
Опошленная и затасканная,
Дряблая, насквозь обывательская,
А в результате — *предательская*.

Не удержишь от такого соблазна я,
Поперла б ко мне публика разная,
Началось бы хождение массовое,
Чуждо-классовое.
Про меня б говорили, что я-де во лбу
Семи пядей,
Называли б меня в похвальбу
«Добрый дядей»,
Говорили б, что только лишь мне
«Довериться можно вполне»,
Что я к сердцу их боль принимаю,
Что я их «понимаю».

Я ж басил бы: «Да, да, случай жуткий!
Да, да, самодурный!»
Ведь я такой «чуткий»,
Такой я «культу-у-ур-ный».

«Ах, Ефим Алексеич! Вы— писатель, творец...
Вы поймете... Был графом отец...
Вы поможете нам, дорогой...
Из Москвы с дядей, с тетей совместно...
Мил-лый, мил-лый... Ведь вы же — другой,
Не такой,
Как... все эти!»

Я... Я понял бы и порадел,
Был бы к просьбам подобным отзывчив сугубо:
«Да, всегда этот... Наркомвнудел...
До чего это грубо!»
«Понимаете? Взяли подписку с меня,
Чтоб я быстро, в три дня,
Из Москвы с дядей, с тетей совместно...
А за что, неизвестно!
Дядя Поль тож уволен из банка.
«Не волнуйтесь, граф... жданка.
Успокойтесь. Я поспешу.
В долг себе я вменю.
Я напишу.
Я позвоню».
«Ах, недаром сказала мне тетушка Бетти,
Чтоб я к вам...»
 «Рад быть вашим слугой».
В ручку — чмок.
 «Вы же, право, другой,
Не такой,
Как... все эти!»

Я бы этак галантно согнулся дугой,
Доброту ощущая во всем своем теле.
Удивляться ль, что я под конец, в самом деле,
«Не такой, а другой»,
Оказался бы по разбирательстве строгом,
За партийным порогом?

Мне б сказали: «Прощай, дорогóй!
Обмотали твою «доброту» вражьи сети.
Оступился ты левой и правой ногой.
Ты — другой,
Не такой,
Как мы все и все эти».

Под Москвой — не где-либо в глуши —
Человек есть такой — предобрейшей души.
Я его приведу для примера.
Под Москвою есть Пушкинский зверосовхоз.
Разведение пушистых зверьков — не химера.
Дело можно и должно поставить всерьез.
Горностая, иль соболя, или куницу,
Чернобурую ту же лисицу
Можно выгодно сбыть за границу,
За границей же на барыши
Прикупить самых нужных Союзу товаров.
Но — директор пушного совхоза, Макаров,
Человек исключительно доброй души.
На порядки совхозные глядя,
Говорят ему часто рабочие:

«Дядя!

Наш агент по снабжению, Рябов, он — вор
И, приметь-ка, кулацкой породы:
Занимался торговлей скотом в оны годы».
Отвечает директор: «Пустой разговор.
Ну, какой же он вор?
С добываньем снабженья справляется чудно.
Очернить человека не трудно».

«Дядя! Слесаря, Дешина, ты-ко проверь.
Перекрысился явственно Дешин теперь.
А давно ль был он щукой торговою крупной?»

«Что вы, что вы! Да совести он неподкупной,
Стал таким, хоть в партийцы его запиши.
Поведенье его образцово, бессудно.
Тоже вы — хороши!
Очернить человека не трудно».

«Дядя! Руднев, агент, он по прошлому — поп, А теперь — злой прогульщик и пьет беспробудно». «Тоже вспомнили: поп. Дело прошлое — гроб. Сами пьете вы тоже, поди, не сироп. Руднев пьет? Ну, а вы— пожалеть его чтоб... Очернить человека не трудно».

«Дядя! Ты бы проверил, кто есть он таков, Не лишенец ли он, Витяков, Что устроился в автогараже? Мы должны быть на страже: С соболями у нас уже было... того...» «Что? На страже? Какой? От кого? Ждать совхозу каких и откуда ударов?» Он не знает, не хочет он знать ничего, Добрый дядя, директор Макаров.

«Дядя! Жулик Леонтьев ворует мясо!»
«Дядя! Мельник Маямсин торгует помолом!»

Добрый дядя страдальчески морщит лицо
Перед явными фактами, пред протоколом:
«Бож-же мой, это честный наш мельник — злодей
И Леонтьев ворует? Мне слушать вас нудно.
Самых дельных и самых честнейших людей
Опорочить так не трудно».

«Ты б Артемова, дядя, послушал хоть раз,
Как он злобно вступает с рабочими в прения.
Подкулачник он злостный, из темных пролаз.
Засорен наш колхоз».

«Я, чай, сам не без глаз.
Никакого не вижу у нас засорения!»

В результате — в совхозе на стенках приказ
От 25-го мая:
«Принимая
Во внимание... вследствие...
С соболями случилось бедствие:

Внезапно погибло от желудочных схваток
Плодовитейших, самых отборнейших маток...
До выяснения причин
Объявить карантин».

Было вскрытием удостоверено,
Что какой-то подлец злономеренно
Лучших маток по выбору перетравил,
Что вредительство это прямое,
Что не новость в совхозе такие дела:
В ноябре, в ночь как раз на седьмое,
Уж попытка такая была
В отделении тож соболином:
Лютсй злобой к советскому строю горя,
Кто-то «в честь Октября»
Соболям дал еды, начиненной стрихнином.
Враг не спал. Он орудовал ночью в тиши.

Днем — седьмого — директор добрейшей души
Выступал на трибуне, ну, как! Замечательно!
«Мы врагов — вообще — сокрушим окончательно!
В этот день — вообще — мы, рабочий народ...
Да здравствует наш!..»

Голосил, пяля рот,
А про случай ночной ни словечка.
Осечка.
Потому — «доброта».
Как узнать, кто «работал» в совхозе подспудно?
Может быть, личность эта, а может, и та.
«Очернить человека не трудно».

Я ж Макарову розы в венки не вплету.
Говоря откровенно, какая тут роза:
Полетел он — да как полетел! — из совхоза
За «доброту»!!

ЖИВОЕ ЗВЕНО

Смерть. С ней мирится ум, но сердце не
мирится,
Болезненно сжимаясь каждый раз.
Не верится, что нет бойца, что он — угас:
Улыбкою лицо его не озарится,
Морщинки ласково не набегут у глаз.

Внезапным натиском смертельного недуга
Боец сражен. Поникла голова.
... Последний путь. Прощальные слова.
С останками испытанного друга
Простилась скорбная Москва.

Прощай, Барбюс! Ты — мертв. Но образ
твой — он вечен,
Как вечно то, чему так честно ты служил.
На родине своей ты будешь встречен
Железным строем тех, чьей славой ты
отмечен,
Чьей героической борьбой дышал и жил.

Нас разлучат с тобой леса, долины, реки,
Но ты для нас в краю своем родном
С друзьями нашими останешься навеки
Живым и творческим звеном.

КРАСНОАРМЕЕЦ ИВАНОВ

Героическая повесть

к пятидесятилетию взятия Перекопа

Хотя писал я правду-матку,
Все ж привлекал порой угадку,
И опыт жизни, и чутье,
Когда отрывками, враскладку,
Вносилось медленно в тетрадку
Повествование мое.
Оно писалось заочно,
Не беспорочно в том, ином,
Оно в подробностях не точно,
Но очень точно в основном-

1

За сретеньем через неделю
Сын у Лукерьи родился.
Мать просияла сразу вся.
Была пьяна она без хмелю.
Сказал ей как-то муж, Егор:
«Ты до каких же это пор
Все подносить мне будешь дочек?»
И вот другой уж разговор —
Муж вышел весело во двор
И крикнул свекру: «Тятя! Сыночек!»
У свекра, дедушки Луки,
Тепло по телу до онучек,
Во рту запрыгали пеньки,—

Детишек любят старики.
Лука обрадовался: «Внучек!»
Что дальше? Поп и кумовья.
«Чей?» — справясь кратко о младенце,
Сгреб деловито поп Илья
Полтину, хлеб и полотенце —
Дар для духовного отца.
«Ну, как же нам наречь мальчика,
Чтоб не висело имя гирей?..
Февраль... Десятое число...
Кто в святцах значится?.. Порфирий!»
Порфирию не повезло:
Кум от Порфирия отрекся.
«Хар-лам-пий...»

И Харлампий спекся:
Был забракован он кумой.
Как наиболее удобный,
Был признан Прохор преподобный.
Вернулись крестные домой.
Страхнув с себя в сених порошу
(Ведь дело было-то зимой),
В избушке матери самой,
Лукерье то-бишь, сдали ношу:
«Вот принимай сыночка, Прошу!»

Так в книгу жизни без чинов
(Не в них крестьянская основа)
Был вписан *Прохор Иванов*,
Сынок Егора Иванова
И внучек дедушки Луки.
«Ну, дедка, водку волоки!»
Стол застучал веселым стуком.
Обсели водку мужики.
Закуски всей — капуста с луком.
«Егор, с сынком!»
«Хрен старый, с внуком!»
«Пошли господь ему деньки
Покраше наших!»
«Дай-то, боже!»
«Егор, за Прошку по второй!»
«Лукерья, что ж ты? Выпей тоже!»

Сынок-то выдался — геро-о-ой!»
В год первый нынешнего века
(Для хронологии строка)
Так жизнь встречала человека,
Точней — мужицкого сынка.
Согласно прежним родословным
Был человеком он условным
Иль, выражаясь языком,
У всех господ тогда обычным,
В мальчиках звался он тем «щенком»,
Что, взросши, станет горемычным,
Забитым «серым мужиком».
Итак, в деревне Камышевой,
Включенной в Жиздринский уезд,
Прилиты водкою дешевой
Рожденье Прошино и крест.
Над этой важной пьяной вехой
Качать ли скорбно головой?
Хмель был единственной утехой
Крестьянской жизни горевой.
Все нахлестались, понятно.
В избушке стало неопратно.
Под стол — сказать им не в укор —
Свалился дед, за ним — Егор.
Кума и кум — она «под мухой»,
Он распьяным-пьяным-пьяно,
Икая на версту сивухой,
Поволоклись домой давно.
Уж ночь зловещею старухой
Глядела в мутное окно.
Раскинув тонкие ручонки,
Сморив себя в дневной возне,
На печке спали две девчонки
И братца видели во сне.
Лукерья — кто ж ее осудит!
Порыв такой незаглушим —
Гадала: «Сын!.. Какой он будет,
Когда он вырастет большим?»
Воспеты русские просторы,
Но в них тонул... крестьянский вой.
Есть деревушка под Москвой

Со старой кличкою — *Раздоры*.
Не кличка это, а печать,
Клеймо враждебности отпетой.
Могли б мы прежде кличкой этой
Все деревушки величать.
Раздоры, вечные раздоры,
Неумолкаемые споры
Из-за лоскутных дележей,
Картины мрачные разлада
Старосемейного уклада,
Когда у братьев, жен, мужей,
Отцов, детей мозги мутило
И при разделах доходило
До потасовок и ножей.
Брат старший разорял меньшого,
Меньшой — палил его дотла.
Как все деревни, Камышева
Полна раздорами была.
Егор недавно был солдатом.
Вернувшись, не был принят братом.
Кондрат Егора отделил,
А заодно — без долгой речи —
Как добрый сын, еще свалил
Отца, Луку, ему на плечи.
Лишь в глупых выдумках слыла
Деревня дружной и единой.
Егор с Кондратом пуповиной
Был связан кровной, родила
Их мать одна. (Звалась Ариной.)
И что же? Ненависть была
Взаимно-братская — звериной.
Двух братьев трудно примирить.
Что ж про соседей говорить!

Людскому верить разговору —
Судьба гадает без разбору:
Кому плетет из роз венки,
Кому дает всю жизнь пинки.
Тот под гору, а этот в гору
Пошли у деда, у Луки,
Его родимые сынки.

Не повезло ни в чем Егору,
И тут не так и там не в пору.
Егор валился в бедняки.
Судьба Кондрату ворожила:
Он — лютый выжига и жила —
Тянулся явно в кулаки.
К Егору в гости на крестины
Он не пришел и не был зван.
А дома лаялся: «Болван!
Всей пахоты полдесятины,
Ни sprawy нет, ни животины,
А он туда ж — плодить детей.
Лукерья тоже, словно кошка,
Рожать готова дважды в год.
Богатство в дом: сы-ниш-ка! Прош-ка!
Для дураков и то приплод!»

2

Я часть подробностей отброшу,
Не стану ими донимать.
Совместно маленького Прошу
Растили — дед, отец и мать.
Растили. Как тогда растили
По деревушкам детвору?
От груди на землю спустили,
Ребенок ползал по двору,
Потом он на ноги поднялся
И, в рубашонке до пупа,
За Жучкой по двору гонялся,
Потом — на улицу тропа.
Учила улица — не книжка—
Уму и крепкому словцу.
Лет в десять был уже парнишка
Во всем помощником отцу,
Прел на скамейке сельской школы
И, разобравшись в букваре,
Читал священные глаголы
В евангелие и псалтыре.
Слеглась в мозгу его окрошка

Из бога, ангелов, чертей,
Царя, царицы, их детей.
Сам поп сказал однажды: «Прошка
В деревне первый грамотей».

Скажу — хотя б скороговоркой, —
Что жизнь былая вдоль и вкось
Была покрыта черствой коркой,
Проплесневевшею насквозь
До затхло пахнущего чрева.
Но в «пятом» доблестном году
Вся корка — барам на беду —
Ломаться стала от нагрева.
Я эту речь к тому веду,
Что над деревней корка тоже
Большие трещины дала:
Мужик стал вдумчивей и строже
Вникать в российские дела,
Не затыкал ушей уж плотно,
Ловил рабочую молву
И вез из города охотно,
Хоть было страшно и щекотно,
Уже не сказку про Бову.
Был рад он книжечке хорошей
О светлой жизни, о земле,
О мироедской кабале.
Такая книжка перед Прошей
Раз оказалась на столе.
Что получилось в результате?
Забыв свои тринадцать лет,
Сынок безграмотному тятю
Стал разъяснять в убогой хате,
В чем корень всех крестьянских бед,—
Сказавши правду, не навет,
О дяде собственном, Кондрате,
Что он кулак и мироед.
Через неделю до Кондрата
Дошел про книжечку слушок.
Кондрат, взъярившись до кишок,
Охрипнув от густого мата,
Грозился «Прошке-сморкачу»:

«Ужо его я, супостата,
Мне подвернется, проучу!»
И до того вошел в горячку,
Такую волю дал нутру,
Что в кровь избил свою батрачку,
Аксинью, Прошину сестру.
Другая Прошина сестрица —
Не от добра, как говорится, —
Тож не росла в родном тепле,
Батрача где-то на селе.
Все шло в деревне, как обычно:
Бедняк мотался горемычно,
А мироед и живоглот
Себе наращивал живот;
Те, у кого водился скот,
Спешили запастись кормами;
Встал урожай пред закромами
Стогами свежими, и вот —
В разгар уборочных работ —
Грозой, военными громами
Взгремел «четырнадцатый год».
Не так уж солнышко сияло,
Не так синели небеса;
Не так зарей кроваво-алой
На травы падала роса;
Не так над кровлями избышек
Вилися белые дымки.
На царский фронт, под жерла пушек
Пошли неволей мужики.
Егор... Не долги были сборы:
Война, как коршун, сразу — хватя!
Пошел Егор, как все Егоры,
За что-то с кем-то воевать.
Остался Проша с дедом, с маткой.
Ей — с поседевшей головой,
Склоненной часто пред лампадкой, —
Пришлось не долго быть солдаткой:
Письмо из части войсковой
Ее сразило вестью краткой.
Лукерья сделалась вдовой.
Старик Лука походкой шаткой

Ходил, бродил едва живой
И вскоре помер. Дома, в поле,
Стараясь матери помочь,
Мужая с каждым днем все боле,
Работал Проша день и ночь.
Писать о том, что было дальше —
Писать о том, что знают все:
Воз вековой российской фальши
Шел на последнем колесе.
Еще ухаб, и возу — крышка,
Воз развалился. Дело — пас!
Не спас царя Распутин Гришка,
Буржуев Керенский не спас:
Им красных стрелок передвижка
Обозначала смертный час.
Пришел Октябрь. В Стране Советов
Грозами Ленинских декретов
Заговорил рабочий класс.

3

Деревня скоро раскусила
(Середняки и бедняки),
Чем нам грозила вражья сила
И что несли большевики.
Бело-эсеровскою корью,
Там, где болели этой хворью,
Переболели мужики.
Средь них пошла всюю расслойка
На эту сторону и ту.
Кулак увидел: неустойка!
Уж ни угроза, ни попойка
Не укрощают бедноту.
Былому не было возврата,
Бедняцкий облик был уж нов.
Пошел на дядю, на Кондрата,
Племянник, Прохор Иванов.
Враги один другого жали
Поочередно. Шли толчки.
Кондрата сторону держали
Деникины и Колчаки.

У Проши крепкою опорой
Была рабочая Москва.
Верх стороне забрать которой
В боях решалось года два.
Был Проша полон гордой страстью,
Когда, дождавшись чреды,
Был призван он Советской властью
В красноармейские ряды.
Лет девятнадцать — что за годы,
Но парень кряжистой породы
И крепкой воли, ставши в строй,
Свершал труднейшие походы,
Как самый подлинный герой.
И вот уж он под Перекопом.
Задорно глядя на Сиваш,
Смеялся он над белым скопом:
«Аминь! Конец приходит ваш!»
Чтоб, сброд последней тли дворянской
Лишив последнего гнезда,
Тем порешить с войной гражданской,
Из-под Варшавы из-под панской
Был переброшен он сюда.

Огретый нами по затылку,
Барон, как в щель поганый клоп,
Забрался в крымскую бутылку
И перекопской пробкой — хлоп!
Но, на барона хлынув лавой,
Наш красный фронт ударом в лоб
Свел счеты с вражеской оравой,
Неувядаемою славой
Покрыв советский Перекоп.
Тот полк испытанный, в котором
Был Проша, честь завоевал:
Он вражий фронт атаковал,
Стремясь прорвать лихим напором,
Заходом в тыл, Турецкий вал.
Бойцов разил огонь шрапнельный,
Но — уж они на берегу.
Неотразим удар смертельный
По ошалелому врагу!

Уж вражий фронт—не фронт, а каша.
«Эй, наша, братики, берет!»
Стал Проша, выйдя из Сиваша,
Готовый ринуться вперед.
Но в этот миг — пред самой целью —
Ему, чьим ранам под шинелью
Терялось точное число,
Белогвардейскою шрапнелью
На части сердце разнесло.
Стыдливо-скромный, как девица,
Но с дерзкой смелостью орла,
Он пал, как скошенная птица,
Раскинув руки — два крыла.
Угасли щек румянец нежный
И тела юного тепло.
Под утро тиною прибрежной
Холодный труп заволокло.
...Победа. Краткий отдых в поле.
Бойцы раздули огонек.
«Эх, не видать нам Проши боле!»
«Жаль. Был геройский паренек!»

4

«Правда» 25 августа 1935 г.

Армянск (Крым) 24 августа. (По телеграфу.) Кузнец колхоза «Красный полуостров» Иван Павлов, собирая картечь в обмелевшем Сиваше, обнаружил тело красноармейца, убитого белогвардейцами в бою под Перекопом в 1920 году.

Находясь в пропитанной солью тине, труп хорошо сохранился. На теле отчетливо видна шрапнельная рана в области сердца.

В одном сохранившемся документе сказано: «Дано сие удостоверение от сельского совета А...вской волости, ...ской губернии, Прохору Иванову, который действительно мобилизован приказом Советской власти на действительную военную службу в ряды Красной Армии, 1901 года рождения».

Тело бойца Красной Армии перевезено в Армянск. Погибший в бою 15 лет назад красноармеец Прохор Иванов похоронен с воинскими почестями.

Пятнадцать лет прошло — не мало —
С той исторической поры,
Когда, у гада вырвав жало,
Мы все, что фронт его держало,
Из крымской выбили норы.

Незабываемое дело
Незабываемых сынов
Страны родной, громивших смело
Белогвардейцев и панов,
Дыханьем нашим овладело,
Когда твое нашли мы тело,
Красноармеец Иванов.
Ты — неизвестный — стал известным,

Убитый — снова стал живым,
Живым примером повсеместным
Несокрушимо-стойким, честным
Героям нашим боевым.

Живой твой образ — он повсюду.
Нет, не убито, не мертво:
*В строенье жизни, равной чуду,
Передалось родному люду
Биенье сердца твоего.*
Ты — соучастник в общей доле.
В сталеупорной нашей воле
Мы видим волю и твою, —
В потоке силы — в цехе, в поле,
В подземной шахте, в новой школе —
Мы видим силу и твою, —

В советском творческом обличе
Обличе видим и твое, —
В гигантском Сталинском величе
Величе видим и твое.

Враги вокруг нас шипят недаром:
Им сознавать неважно,
Каким — при натиске их яром —
Мы им ответим контрударом
По их прогнившему хребту.

Мы укрепляем нашу силу,
Мы все в работе — стар и мал,
Чтоб сбавить вражьи бандам пылу,

Чтоб дать отпор «свиному рылу»
И — при нужде — и в лоб и с тылу
Атаковать «фашистский вал».

Стальные выковав доспехи,
Мы, если грянут вновь бои,
Сметем с дороги все помехи.
И эти новые успехи —
Успехи будут и твои.

Герой не гибнет, умирая:
Двойная жизнь ему дана,
И эта жизнь его вторая
Бессмертной славою полна.

Ты, в годы вражеской облавы
Гроза баронов и панов,
Боец простой и величавый,
Войдешь в блистательные главы
Летописанья нашей славы,
Красноармеец *Иванов!*

БЕССМЕРТНАЯ КОЛОННА

Обливали слезами ушедшие дни
И холодные волны безжалостной Леты ¹
Не философы старые только одни,
Не одни лишь седые поэты.

Вместо вешнего солнца — осенняя мгла,
Прелый запах — наместо былых благовоний...
«Невозвратная молодость» прежде была
Темой самых унылых симфоний.

По-иному симфонии наши звучат.
Старый мир отступает пред новым недаром.
Мы среди наших детей и среди наших внучат
Молодым преисполнены жаром.

Не вчера ли бурлила в кремлевском дворце
Богатырско-рабочая юная сила?
Не вчера ль в гениальном вожде и борце,
В мудром слове его и в шутиливом словце,
Молодая отвага сквозила?

Средь любимых вождей их соратник седой,
Облик чей пролетарски и сбит и подклинен,
Тот, чей путь боевой так же прям, как и длинен,
Разве не был он весь озорной, молодой,
Рукоплещущий юным героям *Калинин*?

¹ Лета — древнегреческое название мифической загробной реки забвения. «Кануть в Лету» — быть наглухо забытым.

Чудотворный прибой плодоносной волны
Прогремел над страной неоглядно-обширной.
Гениальная молодость нашей страны —
Это молодость жизни рабоче-всемирной.

Пусть поглотит врагов наших Лета-река,
Пусть забвенье покроет их тиной зловонной, —
Мы, строители нового мира, в века
Перейдем молодой и бессмертной колонной!

КОГО МЫ БИЛИ

КОРНИЛОВ

Вот *Корнилов*, гнус отборный,
Был Советам враг упорный.
Поднял бунт пред Октябрем:
«Все Советы уберем!
Все Советы уберем,
Заживем опять с царем!»
Ждал погодки, встретил вьюгу.
В Октябре подался к югу.
Объявившись на Дону,
Против нас повел войну.
Получил за это плату:
В лоб советскую гранату.

КРАСНОВ

Как громили мы *Краснова!*
Разгромив, громили снова
И добились до конца,—
Не догнали подлеца.
Убежав в чужие страны,
Нынче он строчит романы,
Как жилось ему в былом
«Под двуглавым...»
Под Орлом.

Настрочив кусок романа,
Плачет он у чемодана:
«Съела моль му-у-ундир... шта-ны-ы-ы-ы,
Потускнели галуны-ы-ы-ы».

Д Е Н И К И Н

Вот *Деникин* — тоже номер!
Он, слышать, еще не помер,
Но, слышать, у старика
И досель трещат бока.
То-то был ретив не в меру.
«За отечество, за веру
И за батюшку-царя»
До Орла кричал: «Ур-р-ря!»
Докричался до отказа.
За Орлом охрип он сразу
И всю назад подул,
Захрипевши: «Кар-ра-ул!»
Дорвался почти до Тулы.
Получив, однако, в скулы,
После многих жарких бань
Откатился на Кубань,
Где, хвативши также горя,
Без оглядки мчал до моря.
На кораблике — удал! —
За границу тягу дал.

Ш К У Р О

Слыл *Шкуро* — по зверству — волком,
Но, удрав от нас пешком,
Торговал с немалым толком
Где-то выкраденным шелком
И солдатским табаком.
Нынче ездит «по Европам»
С небольшим казацким скопом
Ради скачки верховой
На арене... цирковой.

МАМОНТОВ

Это *Мамонтов*-вояка,
Слава чья была двояка,
Такова и до сих пор:
— Генерал и вместе — вор!
«Ой да, ой да... Ой да, эй да!» —
Пел он весело до «рейда»,
После рейда ж только «ой» —
Кое-как ушел живой;
Вдруг скапутился он сразу,
Получивши то ль заразу,
То ль в стакане тайный яд.
По Деникина приказу
Был отравлен, говорят,
Из-за зависти ль, дележки
Протянул внезапно ножки.

КОЛЧАК

Адмирал *Колчак*, гляди-ко,
Как он выпятился дико.
Было радостью врагу
Видеть трупы на снегу
Средь сибирского пространства:
Трупы бедного крестьянства
И рабочих сверхбойцов.
Но за этих мертвецов
Получил *Колчак* награду:
Мы ему, лихому гаду,
В снежный сбив его сугроб,
Тож вогнали пулю в лоб.

АННЕНКОВ

Сел восставших усмиритель,
Душегуб и разоритель,
Искривившись, псом глядит
Борька *Анненков*, бандит.
Звал себя он атаманом,
Разговаривал наганом;

Офицерской злобой пьян,
Не щадя, губил крестьян,
Убивал их и тиранил,
Их невест и жен поганил.
Много сделано вреда,
Где прошла его орда.
Из Сибири дал он тягу.
Все ж накрыли мы беднягу,
Дали суд по всей вине
И — поставили к стене.

С Е М Е Н О В

Вот *Семенов*, атаман,
Тоже помнил свой карман.
Крепко грабил Забайкалье.
Удалось бежать каналье.
Утвердился он в правах
На японских островах.
Став отпетым самураем,
Заменял «ура» «банзаем»
И, как истый самурай,
Глаз косит на русский край.
Ход сыскал к японцам в штабы:
«Эх, война бы! Ух, война бы!
Ай, ура! Ур... зай! Банзай!
Поскорее налезай!»
Заявленья. Письма. Встречи.
Соблазнительные речи!
«Ай, хорош советский мед!»
Видит око — зуб неймет!

Х О Р В А Т

Хорват — страшный, длинный, старый,
Был палач в Сибири ярый
И в Приморье лютый зверь.
Получивши по кубышке,
Эта заваль — по наслышке —
«Объяпонилась» теперь.

Ю Д Е Н И Ч

Генерал *Юденич* бравый,
Тоже был палач кровавый,
Прорывался в Ленинград,
Чтоб устроить там парад:
Не скупился на эффекты,
Разукрасить все проспекты,
На оплечья фонарей
Понавесить бунтарей.
Получил под поясницу,
И Юденич за границу
Без оглядки тож подрал,
Где тринадцать лет хворал
И намедни помер в Ницце —
В венерической больнице
Под военно-белый плач:
«Помер истинный палач!»

М И Л Л Е Р

Злой в Архангельске палач,
Миллер ждал в борьбе удач,
Шел с «антантовской» подмогой
На Москву прямой дорогой:
«Раз! Два! Раз! Два!
Вир марширен нах Москва!»
Сколько было шмерцу герцу,
Иль, по-русски, — боли сердцу:
Не попал в Москву милок!
Получил от нас он перцу,
Еле ноги уволок!

М А Х Н О

Был *Махно* — бандит такой.
Со святыми упокой!
В нашей стройке грандиозной
Был он выброшенным пнем.
Так чудно в стране колхозной
Вспоминать теперь о нем!

ВРАНГЕЛЬ

Герр барон фон *Врангель*. Тоже —
Видно аспида по роже —
Был, хоть «русская душа»,
Человек не караша!
Говорил по-русски скверно
И свирепствовал безмерно.
Мы, зажав его в Крыму,
Крепко всыпали ему.
Бросив фронт под Перекопом,
Он подрал от нас галопом.
Убежал баронский гнус.
За советским за кордоном
Это б нынешним баронам
Намотать себе на ус!

*

Мы с улыбкою презренья
Вспоминаем ряд имен,
Чьих поверженных знамен
После жаркой с нами схватки
Перетлевшие остатки
Уж ничто не обновит:
Жалок их позорный вид,
Как жалка, гнусна порода
Догнивающего сброда,
Что гниет от нас вдали,
Точно рыба на мели.
Вид полезный в высшей мере
Тем, кто — с тягой к злой афере,
Злобно выпялив белки,
Против нас острит клыки.

НОВЫЙ ГОД

В раздумье есть высокая черта.
 Ему чужды пустая суета
 И мелочность с их логикой зыбкой.
 Раздумье говорит движеньем легким рта,
 Усмешкой мудрою, спокойною улыбкой.
 Оно в уверенном развитии своем
 Сметаёт вражью ложь, рвет вражеские пути.
 Встречая Новый год — пред тем как взять
 подъем

Порыва нового, — раздумью отдаем
 Мы года старого последние минуты.
 Не устрашает нас размах двойной, тройной
 Гигантских замыслов, рожденных новым строем.
 Страна, взгремевшая стахановской волной,
 Недаром сделалась Великою Страной,
 Где труд стал доблестью и труженик — героем,
 Где соревнуются деревни, города
 В замене творческой — средь бодрого веселья —
 Аристократией труда
 Аристократии безделья.

В бою мы не трубим еще в победный рог.
 Встречая Новый год в раздумье мудро-
 строгом,
 Мы знаем: встретим мы невзорванный порог
 За каждым взорванным порогом.

Но также знаем мы: порогов вражьих ряд
Сколь ни велик, но мы пробьем сквозь них дорогу,
И недалек тот день — враги уж бьют тревогу!—
Когда ударит наш решающий снаряд
По их последнему порогу.

ПЕРВОЕ СЛОВО

Пленуму Союза советских писателей, назначенному в г. Минске и посвященному советской поэзии.

Через Минск шли части фронтовые,
На панов шли красные бойцы.
Я тогда увидел вас впервые,
Белорусские певцы.
Не забыть мне кипы книжных связок
Белорусского письма.
От легенд от ваших и от сказок
Я тогда сходил с ума.

Нынче жизнь все сказки перекрыла.
Бодрый гул идет со всех концов.
И летит — звонка и быстрокрыла —
В красный Минск семья родных певцов
Из Москвы, из Киева, Казани,
Из Тбилиси, из Баку,
Сходных столь по духу их писаний,
Разных столь по языку.

Речь пойдет о мастерстве о новом,
О певцах о всех и о себе,
Но средь слов пусть будет первым словом
Ваше слово о борьбе,
О борьбе, которой нету краше,
О борьбе, которой нет грозней,
О борьбе, в которой знамя наше
Возвестит конец фашистских дней;

О борьбе великой, неизбежной,
Мировой, решающей борьбе,
В коей мы призыв к семье мятежной,
Боевой, рабоче-зарубежной,
Позабыв на срок о флейте нежной,
Протрубим на боевой трубе!

ЦВЕТЫ И КОРНИ¹

1

Вдохновенные речи
Про соцстроительство.
Где?
В Кремле,
В бывшем царском покое.
В президиуме правительство?
Правительство.
Да какое!
Ораторша — дельная,
Не балаболка,
А по виду —
Так «молода-зелена»,
Трактористка,
Ударница
И комсомолка —
Паша Ангелина.
Ее слово
И дело
Живут неотторженно,
Между словом
И делом
Разрыва нет злого.

¹ Написано к X съезду ВЛКСМ.

Овацией
Зал отвечает восторженно
На каждое меткое,
Звонкое
Слово.

«Мы, комсомолки,
Овладели машинами,
В горючем
Не знаем перерасхода.
Победного знамени
В соревнованье с мужчинами —
Мы не уступим,
А держим —
Три года!

В мужской бригаде
Машины
С изъянцами:
Две —
Плетутся в ремонт.
Две —
У них на буксире.
Мы свои привели
С песнями,
С танцами,
На исправном ходу
Все четыре!»

Речь была эта
Песнью
Призывно-плакатной,
Колхозной победой
Над агротехникой
Косной,
Чудом
Паши Ангелиной,
Трактористки знатной,
Комсомолки
Орденоносной!

«История одной семьи».
 Материалы не мои.
 Об этом было в «Комсомолке»¹.
 — Село. Убогая изба.
 Отец мой бедствовал. Судьба
 Его не гладила по холке.
 Искал работы он везде,
 То был шахтером, то батрачил,
 Пред кулаком — в лихой нужде —
 Себя корежил и корячил.
 Рвался к земле, брался за плуг:
 «Начну хозяйничать сам-друг».
 Таковую делал тож попытку.
 Но изо всех его потуг
 Не получалось прибытку.
 Нужда хватала за бока,
 До срока старили заботы.
 На стороне у кулака
 Пришлось опять искать работы.

Избушка наша — хлев точней,
 Где клоп царил и нас тиранил,—
 Мой дед не мог сказать о ней,
 Кто и когда ее сварганил.
 В ней, отживавшей долгий век,
 Как приходило время к ночке,
 Семейством в десять человек
 Сбивались мы, как сельди в бочке.
 Все спали вместе. Теснота.
 На всех два рваных одеяла.
 И уж какая духота
 В избушке ó-полночь стояла!

Нас, детвору, отец и мать
 Хотя безграмотные оба,
 От книг не стали отнимать.
 Мудра ли сельская учеба?

¹ «К. П.» 2/IV с. г. Василий Ангелин. «История нашей семьи».

Мать говорила иногда:
«Сама б училась, будь моложе..
Вы, детки, если б не нужда,
Могли бы в люди выйти тоже,
Прошли бы, не были б глупы,
Иль в доктора, или в попы.
Больной... Что жаль ему, больному?
Он часто доктору иному,
Чтоб не болеть и не страдать,
Готов последнее отдать.
А у попа того доходней,
Жизнь — не загадывай вперед:
По крайней милости господней
С живых и с мертвых поп дерет!»
Винить ли мать за эти речи?
Нужда ей гнула спину, плечи.
Судила так она ль одна?
Такие были времена.
Мать нам желала лучшей доли,
А долей что звалось? Не то ли,
Как за чужой кормиться счет?
Кто был богат? Кому почет?
Тем, что, держась былой морали,
Живых и мертвых обирали.
Но материнская мечта
Мечтой осталась. А на деле
Жизнь оказалась не та.
Окончив школу еле-еле,
Мы, двое братьев, мелкота,
Узнали, как горят на теле
Следы хозяйского кнута.
В своем хозяйстве неустройка,—
Не всем удача на веку,
Не ходит счастье к бедняку,—
Отец и я с братишкой — тройка—
Пошли в неволю к кулаку.
«Пойдем к тому, кто побогаче,—
Сказал отец,— нельзя иначе.
Кому висеть уж на суку,
Тот, не сорваться чтобы с петли.
Гляди, сука покрепче нет ли!»

Кулак же, Савин, был таков,
Кулак среди прочих кулаков:
Навалит он работы вволю,
Из нас последний выжмет сок,
Все ж у него на нашу долю
Побольше выпадет кусок.
Но нам все время выпадало
За труд наш каторжный так мало,
Что дома та ж была нужда.
— А десять ртов насытить просто ль?—
Так все мы черствым хлебом вдосталь
Не наедались никогда.
Да, жили мы в те дни отпето.
На девятнадцатом году
Советской власти вспомню это
И сам руками разведу:
Как жили мы в таком аду?!
То, что случилось с бедным людом,
Когда пришел советский строй,
Мне представляется порой
Непостижимо-чудным чудом.

Отец мой жив, и мать жива.
Но жизнь — совсем другая бирка.
Вы посмотрели б, какова
У них колхозная квартирка!
Они уже девятый год
Вовсю работают в колхозе.
Корова есть, свинья, приплод,
Хороший сад и огород.
Одеты, сыты, есть доход.
Не пляшут босо на морозе.
Я помню мать, ее глаза
И крик, что ей не сыновья мы,
Когда мы с братом образа
Таскали в мусорные ямы.
А через семь годков она ж
— В году... в тридцатом, помню точно,—
Вошла в такой безбожный раж,
Так фронт безбожный сбила прочно,

Что поп, облапив попадью,
Забрал пожитки и — адью,
К чертям куда-то смылся срочно.

Брат, Николай, в селе родном
При эм-те-эсе агроном.
Иван, учиться став ретиво,
Был политграмотным на диво,
Парторга в нем имел колхоз,
Как говорится, первый номер,—
В колхозе было много слез,
Когда его не стало. (Помер.
Его свалил туберкулез.)

Брат, Константин, был в Красном Флоте.
Способный. Младший командир.
Теперь, пока не сорван мир,
В колхозе — в тракторной работе.
Я сам уже пятнадцать лет
Держу пред родиной ответ:
Быв комсомольцем поначалу,
Пришел к партийному причалу,
Несу, как знамя, партбилет,—
Партсекретарь уже три года
Одной из воинских частей,
Стоящих там, где ждет невзгода
Всех, в край наш ищущих прохода
Лихих, непрошенных гостей.

Скажу о сестрах. Харитина
Была безграмотна, темна.
Теперь — не та совсем картина,—
На честь ударница она,
А книжку тащит даже в поле.
Елена — детработник в школе,
С утра до ночи занята.
А Надя — учится. И та
И эта — обе в комсомоле.
Сестра четвертая — о ней,
О чудесах ее бригады

Рассказ бы вышел подлинней.
Как мы, родные, были рады,
Что удостоилась она
(Об этом знает вся страна)
Великой чести и награды.
Брат, Константин, кричал «ура».
Когда прославилась сестра,
И, не держа порыва в тайне,
Сестру на честный вызвал «бой»:
«Я соревнуюсь с тобой
На тракторе иль на комбайне!»

Вот где веселое житье!
Да... о сестре любимой нашей
Я упустил сказать: ее
Зовут — Ангелиною Пашей.

В ЗАЩИТУ БАСНИ

*(О попытке устранить басню с боевого
литературно-революционного фронта)*

*В конце тридцатых годов XIX века,
когда одряхлевший баснописец (Крылов)
протился с литературой, развитие басни
прекратилось... Историческая роль
басни, как самоценного жанра, была вы-
полнена.*

Из вводной статьи Б. Коплана
к басням Крылова. 1935 г. Изд. «Совет-
ский писатель».

Белогвардейщина горланит часто «SOS»!
Что мы, покончивши с Россией богомольной,
Культурно-де пошли дорогою окольной.
Ну, это, знаете ль, белейшие, вопрос!
У нас от стариков до молодежи школьной
— Так общий уровень культурный наш возрос —
Не зря же Пушкина читают все взасос,
И том Некрасова стал книгою настольной.
Нет, наш культурный рост с минувшим несравним.
Давно уже свое изживши малолетство,
Мы ценим, любим и храним
Свое культурное наследство.

Намедни, получив крыловских басен том
С тремя статейками критического клана,
Я задержал свое внимание на том,
Что выперло в словах какого-то Коплана.
Еще под маркою двуглавого орла
Писались в книжицах такие утвержденья,
Что «басня, собственно, с Крыловым умерла

И форме басенной не ждать уж возрождения,—
Не говорит она ни сердцу, ни уму». —
— Мир праху твоему! —
Коплан на басню ставит «вето».
Не нужно нам оружие это!
Позвольте, как же так, я сразу не пойму.
Спросить партийного любого старожила:
В двенадцатом году — в маневренном бою —
Когда опасность нас повсюду сторожила,
Была нам басня впрок и службу нам свою
С немалой честью сослужила!
Но у Коплана некий шок
Иль дооктябрьский склад и мозга и кишок:
О баснях «правдинских» сей критик ни словечка.
Вот раскусите человечка,
Какой в нем кроется душок.
Крылов... Не мне снижать его талант огромный:
Я — ученик его почтительный и скромный,
Но не восторженно-слепой.
Я шел иной, чем он, тропой.
Отличный от него по родовому корню,
Скотов, которых он гонял на водопой,
Я отправлял на живодерню.
Все ж он в читатели завербовал и дворню.
Белинский, басенки Крылова разобрал,
Сказал уверенно — и оказался прав,—
Что баснописец наш имеет все приметы
Пройти всех ранее в «народные поэты».

Но не Белинские, а мелкая плотва
Теперь талдычит нам, что басня уж мертва:
— Почий, отжившая, под смертным покрывалом! —
Плотва была плотвой и будет ею впредь.
Как можно басне умереть?
С народным творчеством она в родстве не малом.
И это я имел в виду,
Когда в двенадцатом году,
Ища кратчайшего пути к народным массам,
Им в баснях ненависть внушал к враждебным
классам.

И можно ли забыть, чьим гением она

Была тогда оценена?
Чтоб я не бил по дичи мелкой,
А бил по зубрам бы, бродившим по лесам,
И по свирепым царским псам,
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко *Ленин* сам.
Он — издали, а *Сталин* — был он рядом,
Когда ковалась им и «*Правда*» и «*Звезда*»,
Когда, окинувши твердыни вражьи взглядом,
Он мне указывал: «Не худо б вот сюда
Ударить басенным снарядом!»

Я басне и потом не думал изменять,
Но темы требуют различного подхода.
Когда надвинулась «*Октябрьская*» погода,
Пришлось в схватках применять
Оружье всяческого рода.
Но басня и досель пригодна нам вполне,
И я скажу в защитном слове,
Что дело не в Крылове
(И не во мне).
В грядущей смене поколений
Средь одареннейших голов
Ужели басенный немыслим новый гений,
Пред кем спасует сам Крылов?!

Стараясь не выражаться крупно,
Скажу я всем *Копланам* купно,
Что басню признавать уж формой неживой
И этим арсенал беднить наш боевой —
Не только глупо, но — преступно.

ВОЖДЮ, ПАРТИИ, РОДИНЕ

Для благодарного поклона
Нужна не только голова.
Чтоб избежать в письме шаблона,
Нужны особые слова.

Я весь охвачен чувством странным,
Но кто поэта укорит,
Что под его нарядом бранным
Сегодня сердце говорит?

Я завтра вновь нахмурю брови
И к боевым вернусь трудам,
В рядах творцов великой нови
Жизнь — до последней капли крови —
Тебе, о Родина, отдам!

ХУДОЖНИК, БОЕЦ, ДРУГ

Художник удивительной судьбы,
Боец несокрушимейшей удачи,
Друг класса, сбившего дворянские гербы,
И буревестник классовой борьбы...
Дать верный лик его — труднее нет задачи.
Отдавший жизнь свою великой цели, он,
Чей путь был боевым и мудро-человечным,
Войдет в советский пантеон
Художником, бойцом и нашим другом вечным!

ФАШИЗМ — ЭТО ВОЙНА

Штыком пронзенный «голубь мира» —
Фашистских планов первый акт,
Картина эта не сатира,
А надвигающийся факт.

Мы видим пред собой воочью,
Кто мир пытается взорвать,
О планах чьих и днем и ночью
Нам невозможно забывать.

Крепя свой фронт стальной всечасно,
Мы говорим об этом ясно,
Чтоб враг, оскаливший свой клык,
Заране знал бы, как опасно
Эмблему мира брать на штык.

ПОЩАДЫ НЕТ!

Вот все они, как жуки на мели,
Как мухи, влипнувшие в тесто.
Они подлейшую политику вели
И наконец-то обрели
За подлости свои заслуженное место.
Ужели друга нет у них ни одного?

Ужели жалости к ним нет ни у кого?
Есть друг: у Гиммлера сегодня в сердце ранка ¹,
И жалости полна фашистская охранка!
Фашисты... Гиммлер... Каково?!
Невероятное вдруг стало явным фактом,
Запротоколенным, судебнo-четким актом:
Изменники родной Советской стороны,
Псевдопартийные предатели, лгуны,
Всех вражеских контор усердные клиенты,
Подпольные враги, фашистские агенты,
Убийцы Кирова...

Вот Киров кем убит!
Вот где застрельщики ужаснейшего дела!
Пусть вся страна, пусть вождь, пусть партия
скорбит

Средь флагов траурных у дорогого тела
Сраженного бойца — лихие эти псы
Вот в эти самые прощальные часы,
Когда мы почести герою отдавали,

¹ Гиммлер — начальник гестапо, тайной полиции в фашистской Германии.

Они, смеясь в кулак и хмыкая в усы,
За нашу спиной преступно ликовали
Иль, может быть, тайком собравшись в свой
притон,

Среди закусок и бутылок,
Надеясь на стенной бетон,
Смеялися: «Ха-ха, а ловко это он
Угробил Кирова!» — «В затылок!»
«Звук выстрела, короткий стон
И — крышка!»
«Пей, Левка, за успех!» — «За наше дело,
Гришка!»

«За первый, «кировский», бутон.
День будет для меня и светел и хрустелен,
Когда разоблачать уж нас не сможет Сталин».
На Сталина убийц вели!
Не удалось дойти к нему бандитским рожам.
Мы Сталина уберегли.
Не уберечь его — не можем!
Мы бережем его, как голову свою,
Как сердце собственное наше!

Поймали мы змею, и не одну змею.
Зиновьев! Каменев! На первую скамью!
Вам первым честь — припасть губами к смертной
чаше!

Нет больше веры вам. Для нас уж вы мертвы.
Убивши Кирова, кого убили вы?

Иль Киров был не пролетарий?
Иль большевик он не был боевой?
Иль не был он оратор огневой,
Громивший всех ползучих тварей,
Линючих тварей, облик свой
Менявших чуть не ежедневно?
Не он ли пламенно и гневно,
Рисую гнусность ваших дел,
Предрек вам нынешний удел,
Удел неслыханно-позорный?

Где Троцкий? Без него ваш ядовито-сорный,
Ваш обреченный куст
Не полон, пуст,—

Но пролетарский гнев презренного Иуду
Настигнет всюду,
Тот гнев, который,— если б вас
На площадь выпустить кто выдал полномочья —
Вас всех до одного в единый миг, не в час,
В мельчайшие разнес бы клочья!!

*И пролетарский гнев народный суд учтет:
Он, расчищая путь народу-исполину,
Вас с этого пути всех начисто сметет,
Чтоб не осталось и помину!!*

НА ТОМ СТОИМ!

Кто говорит, что нет защитников у них,
Опрочь фашистов лишь одних?
Защитники нашлись — не здесь, а за границей:
Де Брукер с Адлером, Ситрин
И Шевенельс, сойдя с перин
Четырехглавою блудницей,
Склонились над скорбною слезницей:
«Ах, пощадите их!» — они Москве самой
Шлют вопль «интернациональный».
Так, где покаран враг прямой,
Вздых скорбный выдает, где враг потенциальный.
Предатели! Прожженные дельцы,
Агенты шустрые купивших вас банкиров!
Где были вы, когда от Троцкого гонцы
Неслись в бандитский «центр», а эти подлецы
Убийц готовили и прятали концы?
Где были вы, когда сражен был честный Киров?
Ваш негодующий читали мы протест?
Хоть пальцем вы тогда ударили о палец?
А нынче вы строчить пустились — гнусный жест! —
Письмо — защитный манифест!
На чем вы прирастить хотите капиталец?
Презренье наше — вам ответ!
Другого нет!

Товарищи! От вражьих берегов
К нам не последняя направлена торпеда.
Учитесь узнавать врагов!
Учитесь узнавать врагов!

Где враг разоблачен, там верная победа,
Там меньше наших жертв, там злой подпольный
гад,

Ползущий слепо, наугад,
Скорее попадет — пусть знают то все гады!—
Туда, где нет — и быть не может — им пощады!

Как гнусно пел бандитский хор!
Скорей, скорей на свет, на воздух, на простор,
К работе творческой, ликующе-отрадной
Из атмосферы этой смрадной!
Последние слова бандитов. Приговор
Заслуженный, неотменимый.
Как призрак злой, ночной, лучами дня гонимый,
Уходит он, преступный сбор,
Несущий на себе проклятье и позор.
С какою затхлостью, с какой мертвящей гнилью
Соприкоснуться нам пришлось в эти дни,
Когда судили мы всю эту камарилью.
Она не выдала нам всей своей «родни».
Убийцы пред судом хитрили.
Они не все договорили,
Не всех пособников назвали нам они.
Дела преступные творили
Они ль одни?!

Мы выявить должны — и покарать — и этих,
Покамест числящихся в нетях,
Всех потакавших им и помогавших им
Блудливо-пакостных лжецов, хамелеонов,
Скрывавших замыслы бандитов и шпионов.
*Мы выявить их всех должны. На том стоим!
На том стоим — бойцы с присягою двойною!
Пред революцией и пред родной страной!*

ДВУЕДИНАЯ ВОЛНА

Рать фашистская ретива,
Разухабистая рать.
Нет особенного дива.
Коль она на два мотива
Начинает сразу врать.

В чем тут дело, разбери-де!
От фашистов свет узнал,
Что Москва теперь в Мадриде
Свой имеет филиал:

«Весь народный фронт испанский
Есть создание Москвы!»
«План Москвы раскрыт гигантский!»
Вот открытья каковы.

Вопль фашистский стал неистов:
Ври, что мочи, вперегиб!
«Если б не было фашистов,
Весь бы мир уже погиб!»

«Мы на страже!»
 «Мы на страже!»
«Караул!»
 «Пожар!»
 «Горим!»

В озверело-диком раже
Голосят Берлин и Рим.

«Поддержать мы вас готовы! —
Подголоски верещат.—
Большевистские основы
Без того уже трещат!»

«Украина — без бананов:
Все бананы выбил град!»
«На Москву идет Стаханов!»
«Отделился Ленинград!»

Больше слухов! Больше мути!
В ход любую дребедень!
Дичь нелепую до жути
Преподносят каждый день.

Позабывши брех вчерашний,
Порют дичь на новый лад:
«Возле Сухаревой башни
Коминтернский был парад!»

«Генералу Агитпропу
Боевой вручен приказ:
Взять Европу! Сжечь Европу!
Надо кончить с ней зараз!»

Идиотству нет предела.
В чем тут, собственно, секрет?
Это все по сути дела
Предвоенный буйный бред.

Это подлинные знаки,
Что готовится война:
Впредь до газовой атаки,
До начала самой драки —
Одуряющие враки,
Лжи газетной белена.

Как ни подл и ни циничен,
Как ни глуп фашистский бред,
Он по-своему логичен,
Как логичен всякий вред,

Гной больного организма,
Паралич, идиотизм,—
Как логичны для троцкизма
Терроризм и бандитизм!

Троцкий!.. Вот где грязи — вдвое!
Вот фашистский где герой!
Вот чей вой в фашистском вое
Лейтмотив дает второй.

Клеветнического штаба
Омерзительный солист,
Вот кто выпрыгнул, как жаба,
На болотно-смердный лист!

Вот кто знает все каналы
Журналистского жулья,
Вот кто прет материалы
Для фашистского вранья,

Вот кто страхи нам пророчит
И, кривя змеиный рот,
Наш народный суд порочит
И порочит весь народ!

Есть народная примета
(У народа глаз остер).
Про брехливого валета
Говорит примета эта:
«Шибко ехал, пятки стер!»

Троцкий пятки стер и совесть.
Смерд! Предельная черта!
Нам портрет такой не в новость:
Троцкий — с пеною у рта.

Он владеет редким даром:
Из провала лезть в провал.
«Балалайкиным» недаром
Ленин сам его назвал,

Да «Иудушкой» впридачу
Тож назвал его не зря.
Вот поставил кто задачу —
Скрыть основы Октября.

Только рыла не хватило.
Не хватило? Наплевать.
Стал фашистское кадило
Гнус продажный раздувать.

Уличенный в бандитизме,
Он в Норвегии кривит,
На «невинном» журнализме
Он отъехать норовит,—

Искупитель он — дер Миттлер —
Не своей совсем вины,
Он кой-что строчит, хейль Гитлер,
Ради сына и жены,

В амстердамском желтом сите
Он просеян до зерна.
«Вот де Брукера спросите!
Вот спросите Ситрина!»

Эти ж милые персоны
От услуг таких не прочь,
Рады врать на все фасыны,
Чтоб преступнику помочь.

А пока там суд да дело,
Троцкий («Я еще живой!»)
Подвывает оголтело
Под фашистский злобный вой.

Ждем последнего «этапа»,
Остается он один:
*«Троцкий с паспортом гестапо
Срочно выехал в Берлин!»*

Там прямой приют бандиту,
Там он, мстить нам дав зарок
За друзей своих и свиту,
Обретет себе защиту...
На большой ли только срок?!

Вот откуда непристойной
Клеветы, грязна, мутна,
Как из ямы из помойной,
Льется, плещет жижи гнойной
Двуедная волна!

ПРИВЕТ!

К пятидесятилетию т. Серго Орджоникидзе

Полвека прожито. Геройский пройден путь.
В приветe нелегко осилить эту тему.
Родной Серго, большой поэт когда-нибудь
Из биографии твоей создаст поэму.

Сердечных чувств своих к тебе мы не таим,
Хотя не склонны мы к сердечным излияньям.
Отважнейший боец — ты дорог нам своим
Орджоникидзовским особым обаяньем.

Сегодня в честь твою рекордно сталь куют,
И уголь, и руду рекордно подают.
Недаром стал твой фронт стахановскою школой.
Сегодня в честь твою гремит в стране салют
Всей артиллерии промышленно-тяжелой!

Мы знаем планы всех фашистских штаб-квартир.
Ну, что же? На удар взбесившихся задир
Ответим мы таким стремительным ударом,
Что скажет вся страна, весь пролетарский мир:
«Серго! Промышленно-стальной наш командир,
Салютовали мы в твой юбилей недаром!»

Советской родины преображая лик,
Одев ее в бетон, чугун, стальные балки,
Среди великих ты по-своему велик,
Несокрушимейший, кристальный большевик
Формовки ленинской и сталинской закалки!

Серго, прими мое словесное «литье».
Частица дел твоих есть и в моем занятье.
Рукопожатья всех — и в том числе мое —
В горячем сталинском прими рукопожатье!

ХЕЙ! ИЛИ «ДОКТОР ГОЛОДА»

Берлин, 31 октября.— По официальному приглашению Гитлера в Берлин прибыл американский врач Хэй, известный у себя на родине под кличкой «доктор голода».

«Последние новости» от 1 ноября 1936 г. № 5700. Статья «Организация голода в Германии».

Я по-испански не пишу
И на себя за то в обиде,
Но я Испанией дышу
И — сердцем, мыслью — весь в Мадриде.
Негодования полна,
Вся, вся Советская страна,
Страна народа-исполина,
Гремит проклятием врагу,
Чей фронт слился в одну дугу,
Дугу — от Рима до Берлина.
Стихи равняя на бегу,
Веду бойцов своих в атаку.
Удар мой первый по врагу —
В Берлин, в фашистскую клоаку.
«Х-э-э-эй!!»

Не углубляясь в века,
Мы все ж начнем издалика
И дату первую укажем
С победы гитлеровской, скажем.

О чем фашисты-главари
В те дни истошно ни кричали!
«Мы через года два иль три
Жить будем, немцы, без печали.
Полезет немцам счастье в рот
Само, как пышный бутерброд.
На хлебе — маслице коровье.
Ешь, сколько влезет, на здоровье!»
Ан вышло все наоборот,
Ан бутерброд, скажи на милость,
Какой и был, из года в год
Стал приходить заметно в хилость
И — в завершение прочих бед —
Он под конец сошел на нет.
Взяла Германию унылость.
«Хэйль Гитлер!» — это ж не обед!
Нужда не в масле уж, а в хлебе.
Вожди фашистские давай
Про журавлей горланить в небе,
Про украинский каравай:
Они возьмут советский край,
Поработят в нем все народы, —
Тогда уж, немцы, не зевай,
Знай — рты пошире разевай,
Забыв былые все невзгоды!
Вон «журавли»-то каковы
В речах фашистского героя.
Да вот на деле-то, увы,
Все журавли-то у Москвы
Аэропланного покроя:
Задень их, боже сохрани,
В строю воздушно-журавлином
Не закурлыкали б они
Победоносно над Берлином!

Для сногшибательных затей
Пришлось искать иных путей,
Иных загаженных каналов.
Нашли — испанских генералов:

«Народный фронт?! Стреляй! Дави!
Уж мы поможем вам по-свойски!»
И вот — Испания в крови,
Но бьется в ней народ героически,
Но грудью стал он за Мадрид!
В Берлине бешенство царит,
В Берлине яростные клики,
Антисоветские улики:
«Мадрид бы пал уж в сентябре!»
Москва мешает их игре!
Да, затянулося с игрою.
Зима меж тем уж на носу.
А бутерброд ушел из строю,
Куда-то смыло колбасу.
Народ — опричь фашистов тучных —
Стал приневоленным чтецом
Агиток длинных, нудно-скучных,
Бессовестных, псевдонаучных
С неутешительным концом:
«Не ешь ни мяса, ни жиров.
Хейль Гитлер!» То-бишь, будь здоров!

Ума фашистского пучины
Полны отчаянных идей
Насчет мороченья людей.
Не для иной какой причины
В Берлин был вызван чудодей,
Американский доктор, Хэй,
Иль «доктор голода» по кличке.
Труд у него ученый есть,
В котором бой он дал привычке,
Дурной привычке, «сытно есть»:
«Еда! Какие предрассудки!
Еда страшнее всех зараз!
Есть можно раз, не больше, в сутки,
А лучше — в двое суток раз,—
Во избежанье несваренья
И растяжения кишок
Есть исключительно коренья
И подзаборный лопушок».

Что я пишу вам правду-матку,
Даю вам точную цитатку:

Сущность режима, предписываемого Хэем, весьма проста: надо питаться только один раз в день, и притом не каждый день. Надо есть лишь вечером очень легкий обед и лишь в том случае, если чувствуешь сильный голод.

В Лондоне, по пути в Берлин, Хэй заявил журналистам: — Я еду по личному приглашению фюрера. Гитлер хочет, чтобы я изучил внимательно здоровый *питательный режим для средних и низших слоев населения применительно к германским условиям*. Цель, преследуемая мной, формулируется в следующих словах: *«Рациональное питание путем недостаточного питания»*. Применяйте этот режим к бедным, плохо питаемым детям, и вы увидите, какие они вырастут здоровые и счастливые.

«Последние новости» 1 ноября с. г.

Вот где «режимчик»! Благодать?
Кто мог режим такой создать?
Головорезы? Юмористы?
Доуправлялися фашисты:
Сидят, как раки на мели.
Вот до чего авантюристы
Народ немецкий довели.
Народ культурности великой,
Народ упорного труда,
Бездарною фашистской кликой
Куда приведен он? Куда?
С антикультурною основой
Он — под фашистским сапогом,
Под гнетом власти безголовой,
Его судьбой играть готовой —
Стал человечеству врагом,
Стал надвигающейся, новой
Всемирной бойни очагом,—
Он, в чьих руках и плуг и молот
Обогатить могли страну,
Он обрекается на голод
И на кровавую войну:
Он будет брошен в гул походный,
Как зверь свирепый и голодный,
Коль сам мозолистой рукой
Врагов не бросит в ящик сорный!

Хэй! «Доктор голода»! Какой
Символ насмешливо-позорный!
Как он составился хитро!
«Хэйль Гитлер!» — Это уж старо.
Теперь фашизм в другом привете
Себя покажет в полном свете.
Фашизма сущность в нем дана:
«Хей! — Гитлер!»

Голод и война!

А ТАКИЕ ТИПЫ ЕСТЬ!

На редактора-тетерю
Взглянешь — как его забыть!
Вот гляжу и сам не верю,
Что такие могут быть.

Он, как муха из опары,
Лезет, вырезки гребя.
Ничего, напялив фары
Из очков (четыре пары!),
Он не видит вокруг себя.

Вкруг него живая сказка,
Жизнь кипит, бурлит, гудит,
Но очкастая двуглазка
Только в вырезки глядит.

Что там жизненная сказка,
Гул заводов и полей!
У него своя закваска:
Лишь газет была бы связка,
Были б ножницы да клей!

Прет он текст неутомимо
Из газет, календарей.
Жизнь проходит мимо, мимо
Запертых его дверей.

Попрошайкою безвестной
Постучаться в дверь боясь,
Умирает с жизнью местной
Органическая связь.

О работе ли похвальной,
О работе ли провальной,
Что́ цветет и что́ гниет
Рядом — в близости квартальной,—
Из газеты из центральной
Лжередактор узнает.

Больше вырезкой одною,
Вот и все. И ту — в петит!
К местной жизни став спиною,
Под газетной пеленою
Он воды не замутит.

Что! *Отчет о местной...* «Херю!
В наши дебри неча лезть».
Вот пишу и сам не верю...
А такие типы есть!

СТАЛЬНАЯ КРЕПОСТЬ

*К процессу «параллельного» антисоветского
троцкистского центра*

Звенит трамвай. Гудят автомобили.
Москва — в рабочем подвиге своем,
Он радостен, его мы полюбили,
В нем наша жизнь, в нем наших сил подъем,
В нем героизм, на свете небывалый,
Взметнувший к небу флаг кремлевский алый.

Рать дворников — у каждого двора —
Сгребает снег, заткнув за пояс полы.
Снует народ по улицам с утра,
Отцы к делам спешат, а детвора
Всех возрастов стремится в школы.
Еще зима, мороз. Деревья голы.
Но дни длинней. Весенняя пора
Не за горой — для нас, для миллионов
Живых людей, сынов и дочерей
Великой родины своей,
Но не для тех предателей, шпионов,
Уж не людей, а бешеных зверей,
О чьих делах взволнованно и гневно
Читаем мы в газетах ежедневно.

Народный суд своим лучом
Нам осветил такие злодеянья,
Такие вскрыл преступные дела,
Что смерть сама, как мера воздаянья,
На этот рёз уж кажется мала!

Но кара есть страшней: перед потомством
Всплывать среди презреннейших имен
Изменников, чей облик заклеямен
Чудовищным, подлейшим вероломством!

Троцкистским ядом брызжущие псы,
Не веря в мощь рабочей диктатуры,
Не видя героической красоты
Ее могуче-творческой культуры,
Пытались, презренные гнусы,
При помощи японской и немецкой
Определить последние часы
Страны советской!

Последние часы пришли — для них:
Они в лихом угаре просчитались
Как в силах собственных своих,
Так в силах тех, с кем сообща пытались
Поджечь, взорвать наш всесоветский дом.
Они теперь стоят перед судом.
Наш приговор услышат эти звери.
По их делам им судьи воздадут.
В последний раз за ними хлопнут двери.
Их уведут.

Мы ж на постах своих, больших и малых,
Крепя стальную мощь родной страны,
Для подвигов, на свете небывалых,
Все силы отдадим, что нам даны.
А силы наши — нет им точной меры!
Герои шахт, герои — стратосферы,
Герои красных воинских рядов,
Готовые с оружием всех родов,
Не дрогнувши ни пред какою кликой,
Встать на защиту родины великой.
Родимых сел и городов,—
Герои все искусства и науки,
Герои фабрик и полей.
Все, головы чьи заняты и руки
Работой не для вражьих прибылей
Какого-то фон Дрэкка иль За-дсу-ки,

Различных лишь рисунком вензелей,
Мы знаем, ставя творческие вежи:
Из темных нор, из потайных щелей
Ползут враги, чтоб ставить нам помехи,—
Их вылазки тем злей и тем подлей,
Чем явственней у нас растут успехи!
Успехи ж наши таковы,

Что только для фашистской головы
— По тупости ее, по узколобью —
Не ясно то, что умным не в секрет:
Сколь ни велик был вражий тайный вред
В Донбассе ли, в Сибири ли за Обью,
Но этот вред в гигантский разворот
Всего того, что создал наш народ,
Вошел вредительскою дробью,
Чувствительным, но исправимым злом,
А не решающим числом.

Рубцы вреда какие б ни остались,
Враги жестоко просчитались:
Изменники их подвели
Значением троцкистского подспоря,
Продажею украинской земли,
И Приамурья, и Приморья.
Сорвали мы предателям их торг,
Готовность их к условиям кабальным:
Перед судом предательский восторг
Звучит распевом погребальным.
Пощады нет. Она исключена
Для этого клубка змеино-злого,—
В сближенье с ним не только это слово,
Кошунственна уж мысль о нем одна!

Пред всей страной, пред родиною милой,
Сыновнею любовью прозвучав,
Как родина, пронизан гневной силой,
Как родина, спокойно-величав,
О сказочной красе ее расцвета,
Разя гадюк, проникших к нам во двор,
Вот петь о чем он призван, стих поэта,
В ответ на вражий заговор.

Пусть он звучит, как песня боевая,
И пусть прислушается к ней
Тот враг, что, нас фашистски отпевая,
Забыл, что нас вывозит не «кривая»,
А мощь народная, живая,
Та мощь, которой нет сильней!

В какой башке — немецкой иль японской —
Созрела мысль — нас сокрушить войной,
Нас, пятилеткою двойной
Ковавших бронь не башни вавилонской,
А грозной крепости стальной?!

Страна, где радостной культурой,
Куда ни глянь, все расцвело кругом,
Она ль не справится с врагом,
Как справилась с враждебной агентурой,
С бандитами, что шайкою понурой
Теперь стоят перед судом?

Исход борьбы — он нам заране вѣдом.
Разведчики предсмертным бредом
Кончают подлую борьбу.
*Их господа пойдут за ними следом.
Они пожнут такую же судьбу!*

**ТВОЕ БЕССМЕРТИЕ В БЕССМЕРТЬЕ
НАШИХ ДЕЛ!**

Памяти т. Серго Орджоникидзе

Вокруг сраженного внезапной смертью друга
Соратники-бойцы тесней сомкнули строй.
Смертельным приступом сердечного недуга
Из строя выведен герой.
Спадает прядь волос на мрамор лба холодный.
Ты ль это, наш Серго, кипуче-огневой?!
Нет, нет, не умер, ты, наш рыцарь благородный:
Ты нашей гордостью останешься живой.
Он будет с нами — образ твой,
Когда грозóвые всполохи
Определят врагам их роковой удел.
*Твое бессмертие в бессмертье наших дел,
В величье ленинской и сталинской эпохи!*

НОВИКОВУ-ПРИБОЮ

Он навсегда войдет в потомство,
Наш славный Новиков-Прибой.
Как поучительно знакомство
С его причудливой судьбой!

Самодержавья воздух спертый
Еще нам легкие травил,
Когда себя «Матрос Затертый»¹
В литературе объявил.

Но духоте невыносимой
Мы дали бой, Октябрьский бой.
И вот — на мир на весь «Цусимой»
Взгремел наш Новиков-Прибой.

Наш Силыч — силой крепкой налит.
Рабоче-творческий аврал
С высокой мачты он сигналит,
Литературный адмирал.

Он смотрит с зорким напряженьем,
Чтоб враг не мог нас обойти.
— *Вперед, к великим достижениям
На нашем творческом пути!*

¹ Первоначальный псевдоним Новикова-Прибоя в 1906 году.

«П Р А В Д А»

Героическая поэма

В столице царской, знаменитой,
Вдыхая утреннюю мглу,
С сумой, газетами набитой,
Стоял газетчик на углу.
Он изучал прохожих взглядом,
Привыкши быстро узнавать,
Кому с какой начинкой-ядом
Газету свежую совать.

О «Новом времени», газете,
Все знали: орган в «сферах» — свой,
Сам царь читал его в клозете,
День начиная деловой.
«Нововременские герои»
Для «сфер» готовили «меню».
Щедрин, однако, в веки кои
Не зря перекрестил в «Помои»
Нововременскую стряпню.
В ней, кроме всякой дряни прочей,
Была излюбленная ось:
Она была антирабочей
И провокаторской насквозь.
Блестя на вид иным нарядом,
В суме — с «Помоями» рядком —
«Речь» изъяснялась тонким ладом,
Иным, культурным языком.
Она сочилась тоже ядом,

Но яд приправлен был медком,
Медком кадетской изготовки.
Она юлила с первых строк:
«Мы понимаем... забастовки,
Когда они... кадетам впрок,
Чтоб напугать рабочим «зверством»
Всех тех, кому «пора понять»,
Что лишь кадетским министерством,
Его искусным лицемерством
Рабочих можем мы унять.
Мы капиталу грунт распашем,
Мы для него расчистим путь!
Да не угодно ли взглянуть,
Как в «Современном слове» нашем
Мы «красной тряпкой» ловко машем,
Дабы рабочих обмануть!»

Газет указанных семейка
В переднем чванилась ряду,
За ними — шустрая «Копейка»
Рвалась в рабочую среду,
Рядилась пряником сусальным,
Соединяла с тоном сальным
«Демократический бутон»
И приложением премиальным,
То новогодним, то пасхальным,
Манила в желтый свой притон.
С ее блудливою «программой»
И вороватую рукой
Мерзавку эту эпиграммой
Нам отбивать пришлось такой:

Билет
Варшавской лотереи,
Жилет,
Лакейских две ливреи,
Чулки,
Бумажные ботинки,
Брелки,

Секретные картинки,
«Эффект!» —
Мазь для особых целей,
Комплект
Резиновых изделий,
Одна
Продажная идеяка.
Цена
За весь товар — копейка!

«Да ведь рабочие пусты же!
Да с революцией — провал!»
«Луч» ликвидаторский бесстыже
Всей этой швали подпевал:
«Мы ликвидируем подполье!
Легальность! Лозунг наш таков.
Лишь крепче надо взять в дреколье
Вот этих вот — большевиков!
Они культурным нашим классам
Прямые вестники грозы.
Они нашли дорогу к массам,
Бунтуют темные низы!»
Тяв! Тяв! И шмыг скорей под лавку.
Поставим ли себе в упрек:
Мы ликвидаторскую шавку
Стегали вдоль и поперек!

В столице царской, знаменитой,
Вдыхая утреннюю мглу,
С сумой, газетами набитой,
Стоял газетчик на углу.
Вот покупатель. Кости крепкой.
Взял «Речь». (Глаза врагам отвесь.)
Сверкает взор под жухлой кепкой.
«Как с «Правдой»? Вышла?» — «Вышла. Есть.
Да пристав тут порол горячку:
За «Правду» дал мне по горбу». —
«Но ты успел припрятать?..»
«Пачку!»
«Куда?»
«Часть — в мусорную тачку,

Часть — в водосточную трубу». —
«Я заберу всю пачку!»
«Ладно». —
«Сочтемся вечером с тобой!»

Так вышла «Правда». Не парадно.
Не на парад ведь шла, а в бой,
В бой беспощадный, в бой кровавый
С ордой народных палачей,
С царем, с помещицьею оравой,
Со сворой хищных богачей,
С «нововременскою» отравой
И ложью подлой и лукавой
«Речей», «Копеек» и «Лучей». —
Пред большевистскою бойницей
Трепались вражьи языки,
Мотались длинной вереницей
Жандармы, темные шпики, —
Иуда Троцкий за границей
Грозился взять ее в штыки.
Но «Правда» била гневом, смехом
Царя и всех его псарей,
Кадетов, крытых лисьим мехом,
И ликвидаторских угрей.
Путь расчищая к новым вехам,
Гремел враскат рабочим эхом
Гром большевистских батарей!

В огнях всемирного всполоха
Шла поступью громовых лет
Несокрушимая эпоха
Несокрушимейших побед.
Путь «Правды» стал светлей и шире,
Ее слова гремят в эфире,
Свивая славу наших дней,
И места нет такого в мире,
Где б не прислушивались к ней.
Гордятся любовно именами
Своих испытанных вождей,

Сквозь гул борьбы, сквозь дым и пламя,
Сквозь клевету, которой с нами
Боролся Троцкий, черный змей,
Фашист природный и злодей,
*Мы пронесли ее как знамя,
Как рупор ленинских идей!*
Ее страницы — диадемы
Из строк, в алмазной чьей игре
Бессмертные сверкают темы
*Для героической поэмы
О героической поре!*

БОЕВОМУ КОМСОМОЛУ

Да, четверть века — это школа!
Пусть будет эхом славных лет
Для боевого комсомола
«Правдиста старого» привет!
Я тоже молод был, как все вы.
Взрывая вражеский редут,
Я знал, творя свои напевы,
Что большевистские посева
Взойдут и дивно зацветут.
Враг ликовал: «Марксизм? Он помер!»
А в этот час, вступая в бой,
Рабочей «Правды» первый номер
Звенел призывною трубой.
Ах, молодые братцы-друзи,
Я в великаны не ряжусь,
Просты, скромны мои заслуги,
Но ими честно я горжусь;
И тем горжусь я особливо,
Что, начинив слова свинцом,
Я — с песней, спетой торопливо,—
Стал перво-правдинским певцом,
Что для потомства сохранится,
Тем обессмертив и меня,
Та «Правды» первая страница,
Где стих мой радостью струится,
Призывной клятвою звеня:

*

*Полна страданий наша чаша¹,
Слились в одно и кровь и пот,
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!
Кошмарный сон — былые беды.
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отзагой молодой.
Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг,
Друзья, мы станем все до гроба
За «ПРАВДУ», наш победный стяг!*

¹ Стихотворение, напечатанное на первой странице первого номера «Правды» 5 мая 1912 года.

РОЖДЕННЫЕ ЛЕТАТЬ

Т. т. Чкалову, Байдукову и Белякову.

*Рожденный ползать
Летать не может.*

М. Горький.

Орлиную ли честь я вам воздам?!
Орлам по вашим не летать следам,
Орлам не одолеть полярной дали.
Отважные, вы пролетели там,
Куда орлы вовек не долетали!

Три головы, шесть рук, шесть острых глаз...
Вы кость от кости нашей, плоть — от плоти!
Ваш — в героической работе —
Единый волевой экстаз был наш экстаз:
Мы все, вся родина, сопровождали вас,
Мы были с вами все — в полете!

На полюсе, на точке на любой,
Нас всех роднит всем общее нам свойство.
Гордяся вами, мы горды собой,
Всей нашей родиной, чьей сказочной судьбой
Всесветно явлено народное геройство!
В тот день, когда ордой фашистских палачей
Столицы лишены отважнейшие баски,
Ваш подвиг огненным снопом своих лучей
Испепелил все вражеские маски!

Расистское зверье пред нами — без прикрас,
Явив себя насквозь антикультурной «расой».
Нет, дух культуры вел, герои наши, вас,
Когда летели вы всемирно-первый раз
Отныне историческою трассой.

Фашистам на усы полезно намотать,
Внушив себе самим и всем фашистским чадам,
Что ни одной змее нам крыл не оплетать,
 Что мы, рожденные летать,
Сумеем дать отпор любым ползучим гадам!

НАШИ КРЫЛЬЯ

Был полюс Северный загадкой
С коварно-грозною повадкой.
Сверкая льдистым серебром,
Он нынче нашей стал площадкой —
Полярный наш аэродром.
Досель немой, незримый миру,
Под гул советских мощных крыл
Советской речью по эфиру
На весь он мир заговорил.
Воздушная связала лента
Два величайших континента
И величайших две страны.
Два исторических момента
Геройской связью скреплены.
Весь мир узрел: в советском чуде
Культура с доблестью сплелись.
«Какие сказочные люди!»
«Какая ширь!» — «Какая высь!»
В работе творчески-культурной
Отважно — на любом посту —
В могучем взлете стройки бурной
Мы набираем высоту.
Напрасны вражьи все усилия
Подбить, принизить взлет орлов.
Змей, к нам вползающих под крылья,
Мы оставляем без голов.
На них шпионская полуда,
Их выдает фашистский зуд.
Мы знаем логова, откуда

К нам эти гадины ползут,
Где злофашистские шаманы
К безумью полному близки,
Где бредовые строят планы —
Взять нас в фашистские тиски.
Угроза эта нам знакома.
Угроза эта не нова.
Но — от шахтера до наркома —
Мы помним *Сталина* слова.
Мы их усвоили не худо,
Победный лозунг наш — они.
Враги напорются на чудо:
Мощь нашей силы и брони.
Увидит восхищенным взором
Вся в мире армия труда,
Каким кроваво-грязным сором
От нас откатится с позором
Фашистов дикая орда!

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

Все крепче темпы, сжатей сроки.
Маяк победы все видней.
В какие огненные строки
Вместить величье наших дней?

Пред миром всем под стягом алым
Стоит — культурна и сильна —
Вся героизмом небывалым
Преображенная страна.

На ней не сказочной ли метки,
Не скороходы ль сапоги?
Какие нашей пятилетки
Феноменальные шаги!

Дарит нас дивными дарами
Живого творчества роса.
В необозримой панораме
Необозримая краса:

Где были нищие кочевья,
Сухие травы и кусты,
Растут волшебные деревья,
Цветут волшебные цветы;

Где изнывал народ от муки,
Неся наследья тяжкий груз,
Там Храм Труда и Храм Науки
Вступили в творческий союз,—

Преграды все и все заторы
Народной силой сметены,
Необозримые просторы
Советской осью скреплены.

Творцы невиданной культуры,
Бойцы невиданных фронтов,
Мы сталь своей мускулатуры
Включили в лозунг: «Будь готов!».

Да, мы готовы — без нахвалки.
Пусть знает враг и верит друг:
Кто нам в колеса ставит палки,
Легко останется без рук!

На всю фашистскую свирепость
Ответим словом боевым:
Кто посягнет на нашу крепость,
Тот не останется живым!

Социализм в стране построив
И укрепив кольцо границ,
Мы знаем: мы — страна героев,
Но не героев-единиц,

Нет, мы десятки миллионов
Для боевых своих заслонов
Бойцов-героев создаем.
Враг подсылает к нам шпионов,
Мы им пощады не даем.

И не дадим врагам пощады,
Коль, обезумевши вконец,
Рискнут фашистские отряды
Нюхнуть наш порох и свинец.

Шумна фашистская галерка.
Но от Москвы и до Нью-Йорка,
Всем миром — подвиг чей воспет?
Наш Громов, Чкалов — вся шестерка! —
Не наш прямой залог побед?

Их славный подвиг гениален
В своей невиданной красе.
А кто их выпестовал? — *Сталин!*
А кто за *Сталиным*? — Мы — все!

Фашисты — в чаянье победы —
Вопят истошно в дикий глас:
У них-де «рыцарские деды».
Но были деды и у нас!

Фашистам русские уроки
Изрядно следует учесть.
Об Александре Невском строки
У самого у Маркса есть.

Как били немцев новгородцы!
Пусть, испытав грозный рок,
Фашисты, внуки-полководцы,
Припомнят дедовский урок.

Напомнить «внукам» не пора ли,
Сколь дух их «дедов» был геройск.
— «На-по-ле-он!!» — И «деды» драли,
Любую крепость отпирали,
Завидя взвод французских войск.

Не с немцев брали мы примеры,
Когда в «Двенадцатом году»,
— Какой грозе создав барьеры! —
С наполеоновской карьеры
Сорвали пышную звезду.

В войне последней — кто порочил
Наш всенародный героизм?
Втянул нас в бойню, нас морочил
Наш распроклятый враг — царизм.

И все ж не сбились мы со следу.
Найдя врага в его норе,
Не величайшую ль победу
Мы одержали в Октябре?

Иль не рабочий класс немецкий,
Грозя фашистский сбить ярём,
Считает наш Октябрь Советский
Всепролетарским Октябрем?!

Не на шестой ли части света
Нет больше рабского клейма?
Вот почему победа эта
Фашистов сводит так с ума!!

И коль они в безумье яром
Нам заявить рискнут: «Война!»,
Мы им покажем контрударом,
Как наша родина сильна,

На героизм какого рода
Она способна в дни похода —
Всего советского народа
Несокрушимая стена!!

«СИРОТСКАЯ ДОЛЯ»

В те дни, когда в стране голодной
Царили мрак и нищета,
В оправе песенно-народной
Какой печалью безысходной
Звучало слово — «сирота»!

На ножках рваные обмотки,
Рвань на плечах и в летний зной
И в зимний холод ледяной.
Ах, образ девочки-сиротки
Стоит досель передо мной!

Идет сиротка деревушкой,
Влача дырявую суму,
Идет несчастной побирушкой,
Чужой, ненужной никому,—

Ей в радость хлеб — сухая корка,
Да не везде дадут и ту,
У всех на бога отговорка:
«Бог пропитает сироту!»

Судьба ль расщедритя подачкой,
Подачка эта не сладка:
Быть вековечною батрачкой
У кровососа-кулака,

Весь день работать до упаду,
Так, чтоб трещали позвонки,
И получать за все в награду
Хозяйский окрик и пинки.

Но не напрасно прогремела
Гроза живая *Октября*:
С ней для сиротского удела
Пришла счастливая заря,

Заря сменилась днем веселым,
Поет о радости народ,
И по колхозным нашим селам
Уже не слышен плач сирот.

Не та пора — не та основа.
Жизнь новый облик обрела.
Былое не вернется снова.
Сиротка, Мотя Иванова,
В колхоз ребенком прибрела.

Колхоз ей стал семьей родною.
Не сиротой — родной сестрой
Она под кровлею одною
Жила с колхозной детворой,

Росла, цвела не в доле слезной.
Девницей сделавшись серьезной,
Приветливой, не дикарем,
На птицеферме на колхозной
Искусным стала главарем.

Она работает упорно,
Влагая знания в честный труд,
И восемьсот ее «леггорнов»
Призы на выставках берут.

Она за книгой, отдыхая,
И разбирается вполне,
Газеты свежие читая,
Что значат вести из Китая
И почему Мадрид в огне.

Она наездницею ловкой
Летит, в езде не новичок,
И управляется с винтовкой
На ворошиловский значок.

В тот день, когда счастливой Моте
Был комсомольский дан билет,
На ней, на маленьком пилоте,
Костюм пилотский был надет.

Планер взлетел, как голубь белый.
У Моти руль в руке умелой.
Сияя — как ей не сиять! —
Она, полет проделав смелый,

Посадку сделала на ять.
«Ура» колхозники кричали
(Ей весь колхоз за мать-отца!)
И поздравляли, и качали,
И целовали без конца.

У Моти щеки — два цветочка,
Вся разругивалась она.
«Ай Мотя!» — «Ловко!» — «Ай да дочка!»
«Гляжу, а Мотя — в небе точка!»
«Да, ежели, скажем так, война...»

«Былые сироты мы, что ли?
Врагам дадим такой ответ!»

*Насчет «сиротской горькой доли»
В Стране Советов песен нет!*

РАБОЧИЙ ОТДЫХ В СТАРИНУ И ТЕПЕРЬ

Всем миром правил — царь небесный,
Россией правил — царь земной.
Рабочий «отдых» в день воскресный,
Недуг душевный и телесный
Лечил сивухою двойной.

Молчал тяжелый грохот будня,
И лязг железа, и гудки.
Гудели церкви до полудня,
С полудня выли кабаки.

Воскресный «отдых» в оны годы,
Его припомнить — жуть берет.
«Тряхнем-ка, что ль, на все «доходы!»
«Эх, что заглядывать вперед!»

«Судьба — злодейка, жизнь — копейка!»
«Пойдем, утопим грусть-тоску!»
«Где наше счастье?.. Друг, налей-ка...
Оно в бессрочном отпуску».

Для скорби черной, неотвязной,
Утехой был однообразной
Трактир, дешевый ресторан
Или на площади на грязной
«Простонародный» балаган.

Из потрохов протухших студни...
Участок иль ночлежный дом...
«Как отдохнул?» — «Нельзя паскудней!»
И снова — тягостные будни
С проклятым, каторжным трудом.

Шесть дней, прикованных к машине.
Воскресный «отдых» — снова то ж.

Как наш рабочий отдых ныне
На прежний «отдых» не похож!

Кто мог представить в годы оны
Рабочий отдых наших лет:
Музеи, парки, стадионы,
Театры, музыку, балет.

Все виды радостного спорта,
Парадов мощную красу,
Уют приморского курорта,
Дома для отдыха в лесу!

Рабочий отдых стал культурным
И оздоровленным насквозь.
Вот почему потоком бурным
В стране веселье разлилось;

Вот почему теперь в газете
Мы пишем и в стихах поем,
Что мы — счастливей всех на свете
В труде и в отдыхе своем!

СТОЛИЦА — НАРОД

Москва! Где слово есть напевней?
Где место есть для нас родней?
Гордясь своею славой древней,
Москва слыла «большой деревней»
До самых большевистских дней.

Не видя в этом святотатства,
Она блюла «святой устой»
В контрасте дикого богатства
С невероятной нищетой.

Ушли купецкие попойки
И хитрованцев нищий сброд,
И лихо мчавшиеся тройки,
И к стенкам жавшийся народ;

Ушла Москва с ее церквами,
Со свалками, гнилыми рвами
И грязью липкой, как кисель,
Ушла с былыми именами
Московской жизни карусель.
Москва украсилась домами,
Каких не видела досель.

То, что звалось Охотным рядом,
Двойным сверкающим фасадом
Домов-гигантов вознеслось.
Москва обличьем и нарядом,
Всем бытовым своим обрядом
Преобразилась насквозь.

Еще былое отмечаешь
Во внешней той-иной черте.
Но люди! Где их ни встречаешь,
Они не прежние, не те.

Вслед всех сановных инвалидов,
Вслед нами сброшенных властей,
Купцов, московских «эвпатридов»,
Ушли насильники всех видов
И паразиты всех мастей.

Враги грозят Москве возмездьем,
Забыв, что их гроза — мертва,
Что под кремлевским пятизвездьем
Цветет Советская Москва;

Что, счет сведя со строем старым,
Сознанием сил своих полна,
По всей Москве, по тротуарам,
По улицам и по бульварам
Шумит народная волна,—

Живые, радостные лица,
Людской веселый разворот.
Глядит народ: «Моя столица!»
Столица смотрит: «Мой народ!»

Дух этой гордости взаимной —
Гроза для всяких подлецов,
Для швали всей старорежимной
И для фашистских наглецов.

Мы поработали не втуне.
В двадцатилетье Октября
Москва ликует — накануне
«Двенадцатого декабря».

Мы перед днем великим этим
Стоим под стягом трудовым.
Мы в этот день врагам ответим
Своим ответом громовым.

Мы изберем *Совет Верховный*
И, кровно спаянные с ним,
Порыв восторженно-любовный
В единый клич соединим.

Он скажет миру, чем мы стали,
За что стеной народной встали,
Наш клич по всем по округам,
И будет в этом кличе — «*Сталин!*» —
Привет — друзьям, ответ — врагам!

Москва сегодня веселится.
Повсюду праздничные лица,
Людской веселый разворот.
Привет тебе, моя столица!
Привет тебе, родной народ!

НАРОДНЫЕ ДВОРЦЫ

Облегли ночное небо тучи.
Ветер выл, неукротим и лют.
Намело повсюду снега кучи.
Новый год встречал столичный люд.

Еле-еле трепыхалась конка
На горбатом Троицком мосту.
Шла на Невский бледная девчонка
Продавать прохожим красоту.

Вдоль Невы рабочий шел угрюмый.
Он грозил кому-то, сжав кулак:
«Обмануть хотите царской Думой?
Перевешать надо вас, собак!»

Гнил в сырых ночлежках люд голодный,
Жизнь губила чью нужда-палач.
Пьяным хрипом пел канал Обводный,
Заглушая тихий женский плач.

«Фараоны» шли с ночным обходом.
В темноте (Не видно. Не поймать!)
Кто-то крикнул: «Гады! С Новым годом!»
Получив в ответ «такую мать».

Вкруг дворца шла суетня шпионов,
У жандармов пыжились усы.
Над тоской гранитных бастионов
Крепостные плакали часы.

Над дворцом коричнево-кровавым,
Над могилой всенародных благ,
Раскорячившись орлом двуглавым,
На ветру трепался царский флаг.

Во дворце торжественно, парадно,
Царь свершал свой новогодний бал.
Не плясал он сам, хлебнув изрядно:
Хмель ему колени подгибал.

Он смотрел на пляшущие пары
И мычал, входя в запойный раж:
«Хар-рашо танцуют лейб-гусары
И морской гвардейский экипаж!»

Он глядел на дам полураздетых,
На княгинь, графинь и баронесс.
Генералы в пышных эполетах
Перед ним плясали полонез.

Царь смотрел, как, шаркая ногами,
Лебезил сановный высший класс
Пред царицей с синими кругами
Под белками злых, холодных глаз.

Перед ним, царем самодержавным,
Ликовал тот самый «высший свет»,
Что устоем был дворянским, главным,
Тех основ, которых больше нет.

Дураку в башку не приходило,
Как и всем, плясавшим на балу,
Что в народных недрах забродило
То, что весь народ звало, будило
Вековую сбросить кабалу.

Кабалу мы свергнули победно
В пролетарском славном *Октябре*.
Провалились, сгнули бесследно
Все, кто жил на труд на наш безбедно,
На балах танцуя при дворе.

Нынче все дворцы — и царский тоже —
Наши всенародные дворцы.
Нынче любим мы — свое добро же —
Их красу, их лепку, изразцы.

Мы в своих дворцах не чужестранцы
И не челядь, скрытая в углах.
Жизнью бодрой брызжут наши танцы
На советских праздничных балах.

Сколько пар, скользящих по паркету!
Звонкий смех, веселый разговор.
Сделать всем танцующим анкету:
Все анкеты, словно на подбор.

Посмотри хотя б на пару эту.
Муж с женой. Одна из лучших пар.
Если ты вчера читал газету,
Ты его узнаешь по портрету:
Это наш знатнейший сталевар.

Вот девица пляшет, как артистка.
У нее орлиные зрачки.
Мастерица в цехе. Активистка.
Отличилась как парашютистка
И взяла по спорту все значки.

Вот плывет герой из краснофлота.
В паре с ним колхозница. Гляди,
Как юна! Меж тем ее работа...
За ее работу «Знак почета»
У нее сверкает на груди!

Обо всех всего не скажешь вкратце.
Во дворцах — чем наша власть горда —
Вместо прежних подлых тунеядцев
Веселятся *рыцари труда!*

1938—1940

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Это — сумрачный лес, а не розовый сад:
Все живет в нем таинственно и суеверно.
Дед — всем видом колдун, сед как лунь, волосат—
Эти сказы рассказывал этак примерно
Лет полсотни назад.
Есть про это такая погудка:
На горе было Думной — стояла там будка,—
Дед Василий ночной караул в ней держал,
Он себя в караул свой детьми окружал,
Быстроногими да остроглазыми
Шалунами-пролазами.
Привлекал он их тайными сказами
Про хозяйку ли Медной горы,
Иль про Полоза, иль про Змеевку,
Иль про девку-Азовку...
Если кто из прильнувшей к нему детворы
Станет деда просить: «Расскажи-ка нам сказку!»—
Дед гневился — для виду (он знал одну ласку).
И того, кто про сказку ему говорил,
За его непонятливость мягко журил:
«Сказку, ты говоришь? Сказка, так я толкую,
Это ежели там про попа, попадью,
Так раненько тебе нюхать эту кутью,
Слушать сказку такую,—
Ну, а сказку совсем на иное лицо —
Там про дедушку-бабушку

Да про курочку-рябушку,
Что снесла старикам золотое яйцо,
Иль про то, как свое золотое кольцо
Уронила царевна, купаясь в речке,
А его золотые рыбешки хранят,—
Эти сказки старухи бубнят
Перед сном малым детям на печке.
Эти сказки ты слушать уже запоздал,
Да и сказывать их я совсем не умею,
Позабыл я все сказки, которые знал.
Вот про старую жизнь — тут я память имею.
Много слыхивал я от своих стариков,
Да и после слыхал от других знатоков,
Тоже на людях жил я, поди-ко:
Поносил на себе синяков,
И в канавах топтали, и дули не мало.
Всяко, друг мой, бывало.
Все бывало — и солнце и слякоть.
Вон тебе еще сколько пожить до усов,
Я ж восьмой уж десяток беру на засов,—
Это, братец, не восемь часов
В этот колокол наш караульный отбрякать.
Надо знать, чем порядок на свете не гождь,
Почему у господ все из бархату-шелку,
А вот мы — жилы рвем, а без толку,
Не вылазим всю жизнь из рогождь,—
Почему столько всюду корыстной заразы,
Почему правда-матка кладется под нож?
Только это, мой голубь, не сказки, а — сказы,
Побывальщины тождь.
Их не всякому скажешь. Тут надо с опаской.
Нет, не смешивай сказа со сказкой.
Сказ про тайные силы с умом надо весть».
«Разве тайные силы-то, дедушка, есть?»
«А то как же?..»
«А вот объясняли нам в школе...»
«Ты учись да ума набирайся поболее,
Дураком не стоять чтоб у всех позади.
Стариков же, иначе, того... не суди.
Как жилось им, постыло,
Приходилось всю жизнь как страдать!

Может, им всеелее-то было
Все за правду считать.
Ты и слушай, что в сказах и как говорится.
Подрастешь — сам поставишь значок.
Кое в сказах-то быль, кое в них — небылица.
Так-то вот, милачок!
Клад сыскав, ты останешься снова без клада,
Коль его ты в дырявую сунешь суму,
Понимать это надо:
Что к чему».

М А С Т Е Р С Т В О

Мастеров знали мраморских все:
Мастера занимались каменным делом,
А работа у них по красе —
Где еще поискать-то на свете на белом?
Только все ж в Полевой
Были тож мастера с головой,
Шла молва и об их мастерстве знаменитом —
Вся различка от мраморских та, что они
Обращались не с мрамором, а с малахитом.
А Фомич между ними — ни с кем не сравни:
Если речь шла о новом о чем, не избитом,
Знали все, что работа, мол, та по плечу
Одному Фомичу.
Пожилой уж он был: шесть десятков да лишек.
Барин тут и надумал средь прочих делишек:
Надо, дескать, запретить в фомичевский хомут,
Сдать на выучку, то-бишь, способных парнишек,
Пусть до тонкости все у него переймут.

«На кой,—мастер ворчал,—мне дрянных шалунишек!»
Было ль жаль расставаться ему с мастерством,
То ль таков уж Фомич был своим естеством,
Шибко худо учил он Микишек да Тишек,
Все с рывка
Да с тычка:
«Вот какого приладили мне дурачка!»
Понаставит по всей голове ему шишек
И объявит приказчику: «Малый не гош,

И рука не несет, да и глаз неспособный,—
Ни к чему ученик мне подобный.
Отвечает приказчик: «Ну что ж,
Наряжу тебе завтра другого какого».
И другого Фомич учит столь же сурово:
То ухватит за чуб,
То к загорбку приложит тяжелую руку.
Ребятишки, прослыша про эту науку,
Спозаранку ревут: «Не попасть к Фомичу б!»
У отцов-матерей слезы тож не от луку:
Им не сладко — на срок и не долгий хотя —
Отпускать поневоле родное дитя
На такую-то муку,
До того был Фомич с ребятишками строг.
Выгораживать стали своих, кто как мог.
Не одно обращенье пугало суровое:
Мастерство то само по себе нездоровое —
Малахит
Ядовит,
Кашлем злым потрясает он плоские груди,
Потому от него уклоняются люди.

Все бракует Фомич да бракует мальцов,
Так в конце-то концов.
И приказчику тож это дело
До чертей надоело:
«Все не гожд да не гожд. А когда ж будет гожд?
Наряжать мне кого ж?
Принимай и учи мне вот этого!»
А Фомич, знай, свое: «Мне-то что ж!
Наряжай мне любого отпетого,
С ним возиться готов
Хоть десяток годов.
Ты кого мне даешь? Лопухова Николку?
Никакого с него не получится толку».
«Хоть какого-нибудь у себя ты оставь.
Я который уж раз малышей назначаю».
«А по мне, хоть и вовсе не ставь,
Я о том не скупаю».
Уж приказчик не знает, кого наряжать,
Перебрал он едва ли не всех ребятишек,—

Толк один: на головушке — дюжина шишек,
А в головушке — как бы сбежать.
Попадался который малец похитрее,
Тут попортил, а там и совсем доконал —
Для того чтоб Фомич осерчал и прогнал
От себя поскорее.
Так дошел до Данилки-сиротки черед.
Но Фомич и совсем уж его не берет.

Был сиротка годков под тринадцать, не боле,
Сам высоконький, только худой-расхудой,
В чем душа только держится. Вырос не в холе,
С детства горько приласкан сиротской бедой.
Как имел он кудрявенькие волосенки
Да совсем голубые глазенки,
Так сперва в барский дом был он взят в казачки.
Работенка на вид — пустячки,
Для проворного, скажем мы так, ребятенка —
За игру работенка:
Табакерку, платочек подать,
Прихоть барскую нюхом вперед угадать.
На таком-то местечке проныра-мальчонка
Извивается этаким склизким выюном, —
Позовут — «Что прикажете?» — Тянется в струнку,
По господскому жить привыкает рисунку,
Сладко есть, угощаться господским вином, —
Пребольшущий подлец вырастает в ином.
А Данилка тихонечко в угол забьется,
В украшенье какое вопьется,
На картину какую оставит глаза
И стоит, весь замрет; еле дышит.
Барский крик: «Эй, Данилка! Слетай-ка мне за...»
А тому хоть бы что, разразися гроза —
Не услышит,
Он очнется от крепкого только тычка.
Били, знамо, его поначалу за это
(Быют всегда новичка),
Под конец отослали назад казачка:
«Не понять, что в его голове-то,
Не мозги (все мозги у господ!),
А какое-то крошево.

Он блаженный какой-то совсем. Тихоход.
И слуги из него не дождаться хорошего».

Не послали его на завод,
Не отправили в гору,
Ни к чему посылать на короткую пору:
На неделю не хватит такого бойца.
Так приказчик надумал поставить мальчика,
Раз нельзя его сбить никуда без опаски,
К пастуху, деду Власу, в подпаски.
Но Данилка и тут оказался не гош,
Все чудит, на ребят на других не похож,
Голубые глазенки устави́т в травинку
И забудет совсем про скотинку,
А скотинка-то эвона где!
Долго ль так очутиться в беде?
И старик, хоть он ласковый очень попался
И жалел сироту, временами ругался:
«Эх, Данилка, что будет с тобой?
Сам погубишь себя, растерявши скотину,
И мою без того уж избитую спину
Подведешь ты под бой.
Ну, куда это, парень, годится?
И о чем твои думки,— ворчал старый Влас.—
Что с травинки не сводишь ты глаз?»
«Сам я, дедко, не знаю... Смотрел на травинку...
Думка так... ни о чем...
Загляделся маленечко я на росинку,
Как играет в ней солнышко ярким лучом...
К той росинке ползет по листочку букашечка,
Вся-то сизая эта букашка сама,
Из-под крылышек словно желтеет рубашечка,
По рубашечке той — голубая кайма,
И листочек широконыйкий, прям без подпорочки,
По краям его — зубчики, вроде оборочки,
И края потемней,
А середка зеленая вся, презеленая,
И по-своему, видно, букашка смышленная —
Так ползет осторожно по ней...»
«Ой, Данилка! Дурак ты, дурашек!
Да к чему же тебе разбирать всех букашек?»

Ну, ползет и ползи, коль не хочешь сидеть.
А тебе за коровами надо глядеть.
Выбрось всю эту дурь да подумай-ко здраво...
А не то... заявлю я приказчику. Право...
Я ведь строгий». Старик сдвинул брови смешно.

Лишь далось Данилке одно.
Не понять, как он так изловчился,
Мастерство кто такое внушил пареньку:
На рожке он играть научился,
Ну, куда старику!
Днем ли гонят коров к водою,
Стадо ль вечером гонят домой,
Нет от баб да от девок Данилке отбою:
«Поиграй-ко нам песню, Данилка, родной!»
У Данилки все песни такие приятные,
Незнакомые все, только сердцу понятные:
То в них лес прошумит,
То ручей прожурчит,
То как будто кто горько проплачет сторонкой,
Пташки вдруг зазвелят перекличкою звонкой.
И так сладостно слушать, и сердце стучит...
Ах, закроешь ли сердце какою заслонкой!
Стали женщины лаской Данилку встречать
И дареньем на песни его отвечать:
Кто холста на онучи отрежет в избыток,
Кто ему починит его рваный пониток
Иль рубашку сошьет,—
Про кусок нет и речи, играй лишь почаще!
Ему каждая в сумочку что-то сует,
Да побольше дает,
Да послаще!

Деду Власу,— ну, мед ровно свежий в ковше! —
Тоже песни Данилки пришлись по душе.
Да нескладица также и тут выходила:
Заиграется этак Данила,
Все забудет, коровы ж какая куда.
На игре и пристигла Данилу беда:
Заигрался он так, а старик грешным делом
Задремал, поразмякнув и духом и телом.

Коровенок тут несколько в лес — погулять.
(Коровенка иная — все в лес бы смотреть ей!)
Стали стадо собирать, глядь-поглядь,
Нет коровы одной, нет другой, нету третьей...
Дед с Данилкой метнулись искать на авось,
Да какое!
Возле Ельничной стадо паслось,
Место самое волчье, глухое.
Лишь сыскали одну. Вот со стадом — домой.
Что тут сделалось, боже ты мой!
Сколько ругани было и бабьего вою!
Понапрасну на розыски бегал народ.
Крыли деда: «Все спать тебе, старый урод!»
И Данилку: «Все песни играть, сумасброд!»
Приуныл старина: «Не уйти нам от бою».

Да и можно ли было от бою уйти?
За провинность любую спиною плати,
За большие и малые вины
Отвечали крестьянские спины.
От приказчика ждать ли какого добра?
Как на грех, из его-то двора
Оказалась пропавшей одна коровенка.
Потащили под бой старика и ребенка.
Был растянут старик наперед,
А за ним и Данилкин черед.
Уж такой-то он тоненький, вроде бы тросточки,
Поглядеть — одни косточки.
«Это что же, один только плач!»
Даже лютый господский палач
Перед этою поркой
Выдал жалость свою оговоркой:
«Тут, по совести, бить-то чего?
От удара мово
Одного
Он сомлеет,
А то вовсе, гляди, околеет,—
Растянувшись, как пласт,
Богу душу отдаст».
Но, иначе, ударил по малости.
А Данилка молчит.

Он вдругоряд, покрепче,— какие тут шалости,—
А Данилка молчит.
В третий раз он ударил. Данилка молчит...
Тут палач стал Данилку тиранить без жалости,
Сам он порет и сам же кричит:
«Вот какой оказался молчальник!
Что же скажет теперь про меня-то начальник?
(У приказчика делалось все на виду.)
Шкуру всю искромсаю тебе я, котенку!
Ты мне голос подашь! Я тебя доведу!
Доведу!
Доведу!..»
А Данилка молчит, закусивши губенку.
Слезы каплют у малого, весь он дрожит,
Но молчит,
Укрепился.
Наконец, он сомлел, помертвевши с лица,
Но никто не слышал от него ни словца.
Видя это, приказчик весьма подивился:
«Эк, сыскался какой терпеливый, гляди.
Так-так-так. Погоди.
Уж теперь-то я знаю, кому ты достанешься,
Коли жив ты останешься!»

Отлежался Данилка. Душа
Его тельца разбитого все ж не оставила.
Его на ноги бабка Фетинья поставила.
Шибко бабка была хороша.
По заводам была и за лекаря
И заместо аптекаря.
Сила в травах раскрыта была для нее:
Для чего и какое питье —
От зубов, от надсады, ломоты,
От сердечной заботы...
Все-то бабке Фетинье в знатье.
Собирать она разные травы умела,
Когда силу какую трава заимела.
Из всех трав-корешков
Наготовит настоек различных
Да отваров наварит отличных —
И не счесть всех горшков,—

Мазь Фетиньей готовилась разная,
Видом вроде смола.
Словом, всем от Фетиньи помога была
Безотказная.

Как ни тяжело Данилке пришлось,
Хорошо у Фетиньи зато пожилось.
Шибко добрая бабка была да заботливая,
А к тому же еще — словоохотливая.
Всяких трав, корешков
Да цветков
У нее понасушено да понавешено.
Этим сердце Данилки куда как утешено:
«Как зовут эту травку? А этот цветок?
Где растет?» — так Данилка старуху допрашивает,
А она развернет свой словесный моток,
Уж чего не наскажет, — ну, бабий роток:
Может, что и прикрашивает, —
Горький корень, что мед у нее на устах.
«Все цветки знаешь, бабка, ты в наших местах?»
«Что ж хвалиться? Местечки тут все мной изрытые,
Все цветки мне известны, какие открытые».
«Разве есть неоткрытые?»

«Сколько, бог весть,

Только есть.
Ты про папорт слыхал? Говорят, загляденье.
У него под Иванов денечек цветенье...
Но оно — для отравы людской.
Тот цветок — колдовской.
Клады им открывают
И разрывом-травой
Потому называют.
На разрыве-траве, паренек,
Расцветает бегучий цветок-огонек.
Кто поймает цветок этот пламенный,
Для того ко всемкладам открытый мосток.
Воровской, одним словом, цветок.
А еще есть цветок, называется — каменный,
В малахитовой будто растет он горе.
Он в своей самой сильной поре
Расцветает на миг на единый

В страшный праздник змеиный.
Кто увидит его, тот навек
Разнесчастный уже человек».
«Почему же несчастный?»
Старуха вздыхала:
«Уж не знаю сама, только так я слыхала».

Отходила Фетинья Данилку. Привстал.
А ишейки приказчицы то углядели,
Донесли: вот уж больше недели,
Как парнишка похаживать стал.
Был к приказчику позван Данилка.
У приказчика злая ухмылка:
«Из тебя человека я сделать хочу,
Малахитному делу тебя обучу.
Терпеливый ты, знаю тебя я, чертенка.
Наряжаю в ученье тебя к Фомичу.
В самый раз по тебе работенка».

Вот Данилка к сердитому деду идет,
Самого еще ветром качает.
Старый мастер его привечает,
Он такого-де только парнишку и ждет:
Получал он заморышей всяких немало,
Браковать их ему не впервой,
Но такого еще не бывало,—
Даже крепких парнишек шатало
От учебы его боевой,
А с такого что взыщешь — он еле живой.
Объяснять стал приказчику мастер толково:
«Мне не надо мальчишки такого,
Ненароком убьешь, как приложишь печать,
А потом за него отвечать.
Дайте парня покрепче». Фомич так хлопочет,
А приказчик хохочет:
Отговорок и слушать не хочет.
«Ладно, ладно, старик, не дури,
Я какого даю, ты такого бери,
Мальчик вытерпит этот любую обиду,
Не гляди, что он слабенький с виду.
Сухарек. А они ведь крепки — сухари».

«Дело ваше. Возьмите-ко все ж на примету,
Мне-то что: поучу, мастерство покажу,
А вот что я скажу,
Коль меня за него да потянут к ответу?»
«Одинокий парнишка. Родителей нету,
Так что некому будет к ответу тянуть.
Как учить паренька, я тебе не указчик.
В три погибели можешь его ты согнуть,
Что с ним хочешь, то делай»,— ответил приказчик.
С тем Фомич и вернулсЯ домой.
«Ну-ко, где никудышник-то мой?»
А Данилка стоит, ни о чем не догадывается,
К малахитовой досточке зорко приглядывается.
Чтобы кромку отбить, на ней сделан зарез.
Что-то шибко парнишку, видать, озадачивает,
Он глядит, головенкой покачивает.
«Неужель он,— берет Фомича интерес,—
Недостаток в работе какой примечает?»
На парнишку, по правилу, мастер орет:
Для чего он поделку ту в руки берет?
Кто позволил? — Данилка ему отвечает:
«На мой глаз, вот узоры тут, дедко, видны.
Отбивать надо кромку с другой стороны.
Чтоб не срезать узоров».
«Что? — Фомич закричал, показал, значит, норov.—
Вишь ты мастер какой! На тебя — угодить.
Что ты тут понимаешь, чтоб этак судить?»
«Понимаю я то, что испорчена штука».
«Кто испортил-то? Ну-ка!
Вон ты как! Видно сразу, что черту земляк.
На заводе первейшего мастера учишь?
Покажу тебе порку, такое получишь...
Жив не будешь, сопляк!»
Пошумел-покричал, а потом пообмяк.
Сам про досточку думал не первую ночку,
Где сподручнее кромку срезать.
«Ведь парнишка попал, надо правду сказать,
Прямо в самую точку.
Много ль смыслит? Берет, не иначе, нутром».
Так Фомич рассуждал, в свое дело влюбленный.
И сказал он Данилке уж вовсе добром:

«Ну-ко, ты, чудо-мастер явленный,
Мастерство мне свое покажи,
Как по-твсему сделать, скажи».
Объясняет Данилушка речью негромкой:
«Вот какой тут узор мог бы все расцветить.
Лучше было бы досточку уже пустить
И пройтися по полю по чистому кромкой,
А под самый вершок —
Тут бы малый оставили мы плетешок, —
Если, дедко, ты тут не сломаешь,
Выйдет заводь, по ней — серебристая зыбь».
А Фомич, знай, ворчит: «Много ты понимаешь,
Накопил — не просыпь.
Ну-ко, ну!.. Что еще?» Про себя рассуждает:
— Из парнишки — все это меня убеждает —
Выйдет толк, — меткий, верный глазок.
Только хлябенький он. Поглядеть — сердце вянет.
Как учить его? Стукнешь разок,
Он и ноги протянет.
«Ну, довольно твоих мне речей, —
Молвил дед, — появился ученый.
Ты скажи-ко мне, друг нареченный,
Сам-то будешь ты чей?»
Был ответ: сирота, всей родни, что могилка,
Мать лежит в ней, не помнит ее, —
Кто отец, то Данилке совсем не в знатье, —
Дали кличку ему — Недокормыш Данилка, —
В дворне был, да прогнали; со стадом ходил —
Провинился, под бой угодил.

«Да, — Фомич пожалел тут парнишку, —
Позавидовать трудно такому житиышку.
Как еще ты совсем не пропал.
А сменил ты житиышко убогое
Не на лучшее тоже, ко мне вот попал:
Ведь у нас мастерство шибко строгое.
Не для всякого это надежный причал.
Я не сладким житьем в мастерстве утвердился».
Тут Фомич не на шутку как бы рассердился,
Заворчал:
«Ладно, хватит. Весь вечер мне лясы

Да балясы.
Эк ты мастер плескать языком!
Поплескать языком любят все пустоплясы.
Ты на деле себя покажи на каком.
Вот тогда мы увидим.
Тоже зря не обидим.
За учебу ставать тебе завтра с утра.
Вот садись-ко да ужинай. Спать уж пора».

Жил Фомич одиноко, без близкого роду.
Овдовел он давно, и в дому
Старушонка, соседка Петровна, с находу
По утрам помогала в хозяйстве ему:
Что-нибудь там постряпает, сварит,
Напечет аль нажарит,
Наготовит чего про запас наперед
Да в избе уберет.
Вечерами Фомич — не в родимой семейке —
Смотрит сам за собой, сиротлив, одинок.

Вот поели. Фомич говорит: «Ну, щенок,
Спать ложися вон там, на скамейке».
Сел малец на скамью,
Вмиг разулся, — устал он ведь за день с избытком, —
Да под голову сунул котомку свою
И накрылся понитком.
Время было осеннее, в лужах — ледок,
А в избе — холодок.
Под понитком Данилка маленько поежился,
Покорежился,
Весь комком, ножки так под себя подогнул,
Надышал под пониток и вскоре уснул.

Лег Фомич, только сердце его что-то гложет,
Все заснуть он не может,
Разговор о той досточке все в голове,
Как блоха в рукаве:
Нет ни сна, ни покою
От нее Фомичу.
Поворочался он, встал, пошарил рукою,
Зажигает свечу
И — к станку: разговор проверяет,

Эту досточку так он и сяк примеряет;
То он кромку закроет одну,
То другую — «ну-ну!» —
То прибавит он поля, то поля убавит,
То он досточку этак поставит,
То другой стороной повернет,
Поглядит и рукою махнет:
«Ну, чего же, выходит, я стою,
Это ж прямо позор,
Ведь парнишечка сметкой простою
Лучше понял узор.
Нет, не сметка одна в этом всем выявляется.
Вот тебе Недокормыш! Войдет ежли в сок...»
На Данилушку смотрит старик, умиляется,
Умиляется и удивляется:
«Ну, глазок!.. Ну, глазок!..»
Потихоньку пошел в кладовушку,—
Туп, туп, туп!
Притащил для Данилки оттуда подушку
И овчинный тулуп,
Осторожно парнишки коснулся,—
До чего ж оказался Фомич легкокрыл!—
Пододвинул подушку, тулупом накрыл.
«Спи, глазастенький!» Тот не проснулся,
На другой лишь бочок повернулся,—
Под тулупом тепло! — растянулся
И давай полегонечку носом свистать.
Фомича бы кому в это время застать!

Ребятишек своих у него не бывало,
А вот тут ему в сердце запало:
Сирота и умом на особую стать.
Свою память, что книжечку, он перелистывает,
Вспоминая, как в детстве таким же был вот.
На Данилку любитесь старый. А тот,
Знай, спокойненько спит да посвистывает.
Вот что значит тепло и покой!
После горестей, вишь, добрался до причала.
«Эх ты,— думал Фомич,— кабы вид был другой!
Надо на ноги крепче поставить сначала,
Чтобы не был он слабый да тощий такой.

Провинится — какая с таким-то расправа?
Мастерство ж наше трудное — пыль да отравы
Повреднее, чем в кузнице дым.
Не с его здоровьишком худым
Труд такой одолеть, мастерству научиться.
Сразу чахнуть начнет. Может все приключиться.
Сникнет, точно под ранним морозом трава.
Отдохнуть бы парнишке сперва.
Укрепить его надо, а там и за холку:
От него можно ждать преизрядного толку».

Вот как минула ночь,
Старый мастер ворчит: «Ну-ко, ты! Недоглядок!
Навязали. Мозги тут с тобою морочь.
Ты сперва по хозяйству сумей мне помочь.
У меня, брат, такой уж порядок.
Понял? То-то. Я — строг.
Для начала слетай-ко ты в лес за калиной.
Обмотал ее иней седой паутиной.
В самый раз она будет теперь на пирог.
Далеко не ходи. Собирай, да не жадно.
Сколько там наберешь, то и ладно.
Хлеба больше возьми. То имей ты в виду:
Шибко тянет в лесу на еду,
Особливо когда, как сегодня, прохладно.
Да к Петровне еще не забудь-ко зайти.
Я уж ей говорил поутру-то,
Чтоб яичек тебе испекла она круто,
Молочка в туесок налила б. Ну, лети,
Да не так, чтобы пот тебя пронял.
Враз простудишься. Понял?»

Через день вновь заводит Фомич разговор:
«Вот сходи-ко ты в бор,
Подлови-ко мне птичек.
Как щебечет щегол, а собою невеличек!
В нашем, слышь-ко, бору все щеглы на подбор.
Да к чечетке, которая там побойчее,
Подберися ловчее.
Чтобы к вечеру были, гляди.
Понял? То-то. Иди».

А как с птичками резво Данилка вернулся,
Дед Фомич усмехнулся:
«Ладно, брат, да не вовсе. Себя прояви,
Голосистеньких пташек еще налови.
Вот как будет в избушечке нашей напевно!»
Так-то все и пошло, и пошло каждодневно.
Все Данилке уроки Фомич задает,
Все работу дает,
А работа — одна только слава:
Не работа — забава,
В лес на воздух, на вольный пробег.

Выпал снег.

Дед к Данилке опять со словами:
«Поезжай-ко с соседом ты в лес за дровами.
Уж готовы дрова — не рубить.
Чем другим подсобить?
А какая подмога:
В лес — прогулка дорога,
На санях посидеть, помахать ремешком,
А обратно — за возом вприпрыжку пешком».
Вот промнется Данилушка так, намотается,
Дома сытно поест и всю отсыпается.
Хорошо его дед обрядил для зимы —
Ведь в понитке была теплота ли?—
Шуба, шапка на нем, рукавицы,— пимы
На заказ для Данилки скатали.
Был Фомич при достатке, работал, не пил,
По оброку ходил,
Кое-что прикопил.
А к Данилке прирос. Полюбил он парнишку,
Стал держать его, прямо сказать, за сынишку.
На него он глядел
И от нежности млея.
Ничего для него не жалел.
Не кладя на него непосильного бремени,
Обучать мастерству не пытался до времени.
Так Данилка в хорошем житье и окреп.
Оказалось, Фомич-то совсем не свиреп,
И Данилка всем сердцем прильнул к нему тоже:
Никого для него нет на свете дороже.

Вот вошла и весна в свою силу-красу.
Стало вовсе Данилке вольготно:
То на пруд он бежит, то шныряет в лесу.
К мастерству между тем тож стремится охотно.
Как домой прибежит, с Фомичом разговор:
Что да как? Забирает Данилку задор.
А Фомич ему все досконально расскажет,
То-другое на деле покажет.
Примечает Данила. Не стерпит порой:
«Ну-ко, я!» Мастерство накапливает игрой.
Дед ошибку поправит: «Пригонка есть лучшая.
Не спеш. Тут вниманье утрой».
И так ласково. Речь не скрипучая.
А чтоб ругань, затрещина — не было случая.

Шел однажды приказчик — такая беда! —
И заметил Данилушку он у пруда.
«Это чей же такой рыболов разудаленький?
Все тут с удочкой вижу, который денек.
В будни, вишь, баловство. А меж тем паренек
Не такой-то уж маленький.
От работы его кто-то прячет, видать!»
И приказчик-собака, клыки уже щерит.
Ему нюхалки: так, мол, и так. Он не верит:
«Сам дознаюсь. Сейчас мне парнишку подать!»
Привели. Его грозно приказчик встречает:
«Чей?»

Данилка ему отвечает:
«У такого-то мастера, дескать, верчусь,
Малахитному делу учусь».
«То-то, вижу, ты учишься: рыбочку удишь!»
Хвать Данилушку за ухо: «Врать ты мне будешь?
Я тебя от вранья отучу!»
И Данилку повел к Фомичу.
Тот увидел — неладное дело,
Но Данилку, однакоже, смело
Выгораживать стал:
«Стар уж я. От работы устал.
Нездоров, скорой смерти себе уж я чаю.
Есть опричь окуньков ничего не могу
И по ним, окунькам, я скучаю.»

Вот парнишечку я, чтоб себе сноровить,
И послал окуньков наловить».
А приказчик ярится, не верит ни слову,—
Приглядеться успел к рыболову:
Парень — кровь с молоком,
И в наряде каком —
Хороши сапоги на ногах у парнишки,
Рубашонка добра, не похуже — штанишки.
Чтобы значило это? Фомич
Для ребят был для всех божий бич,
А теперь у него вдруг парнишка в заботе.
«Ладно, старый. Проверим его на работе».

Вот былой пастушок
Свой надел фартушок,
Вовсе новый — из кожи — запончик,
И подходит к станку. Страху — капельки нет.
Что ни спросит приказчик, чеканный ответ:
Как у камня отрезать уродливый кончик,
Камень как околтать, распилить,
Фаску снять и когда чем склеить,
Как на камне — для этого дела готовом —
Политуру и быстро и чисто навесть,
Как на медь присадить, как — на дерево,— словом,
Все, что есть.
Так приказчику сделалось вроде обидно.
Все пытал он, пытал,
Под конец сам устал.
«Ладно!» — молвил Данилке. Потом злоехидно
Говорит Фомичу:
«Этот гож тебе, видно?»
«Не пожалуюсь. Доброго парня учу».
«То-то вот: не пожалуюсь. Этой погудочкой
Приучаешь его к баловству.
Обучаться он должен чему? Мастерству.
Он же, вишь, у пруда развлекается с удочкой.
Я за это, чтоб знал, как держать пареньков,
Отпущу тебе свежих таких окуньков,
Не забудешь до грома, ведерко сколь весило.
И парнишке, поди-ко-ся, станет не весело!»
Погрзился приказчик вот так и ушел.

А Фомич все дивуется,
На Данилку любится:
«Ты когда же все понял? Где знанье нашел?
Я ведь вовсе тебя не учил еще ровно».
А Данилка любовно
Старику отвечал:
«Да ведь сам же ты мне обо всем-то рассказывал,
Мастерство мне на деле показывал.
Ты работал, а я примечал.
Понял?»

Мастеру было понятно,
И понятно и шибко приятно.
Прослезился старик:
«Я-то думал, сынок, был ты занят игрою,
Ты же эвон как в дело, играючи, вник!
Все мое мастерство пред тобою
Открою.
Пусть узнают, какой у меня ученик!»

С той поры у Данилки не стало вольготной
Прежней жизни его беззаботной.
Плут-приказчик, сжимая по-всякому срок,
Стал Данилке работу давать на урок,—
Поначалу, что проще, все женское — пряжки,
Да шкатулки, да разные бляшки,
А потом — с ним стесняться какого рожна?—
Стал давать и такое, где точка нужна,—
Ну, подсвечники, всякие там украшения:
Украшать господам надо их помещения,
Тем отличны они от мужицкой избы.
Жмет приказчик да жмет. После точки
Дело вскоре дошло до резьбы.
Вырезать стал Данилка листочки,
Всяких видов цветочки,
Да узорчики, да лепесточки;
Подвернется еще вкруг узора — тесьма,
Малахитчику много возни, проволочки,
Дело мешкотно это весьма,
А порой — настоящая мука,
С виду вещь — пустяковая вроде бы штука,
На нее же ухлопана, смотришь, зима.

Так Данилка и вырос за этой работой.
Как работу любил, то работал с охотой,
На отделку вещей не жалея труда:
У станка назеркалил штанами скамейку.
А из цельного камня когда
Зарукавье искусно он выточил, змейку,—
«Э, прибыточком пахнет тут мне не в копейку!»—
Так приказчик решил, карандаш обсосал
И хозяину-барину так отписал:
«Честь имею поставить в известность:
Малахитное дело у нас на всю местность!
Новый мастер мной выхожен. Думать хочу,
В мастерстве не уступит потом Фомичу.
Видно сразу: природная жилка.
Прозывается он — Недокормыш Данилка.
Шибко молод еще, потому не в укор,
Что в работе не скор.
Торопливее будет. Сумеем заставить.
Будет все выпускать он в указанный срок.
Как мне с ним поступить: на уроках оставить,
Отпустить ли его на оброк?»

Скор Данилка в работе на диво,
Но научен был так Фомичом:
«Не работай, Данилушка, слишком ретиво,
Не оказывай силы своей нипочем».
Даст приказчик Данилке урок пятидневный,
А Фомич начинает на голос плачевный
Петь приказчику, пряча ухмылку в усы:
«Вещь такую, такой-то красоты,
Самому мне сработать в пять дней невозможно.
Парень учится ведь. Надо с ним осторожно.
Только камень он зря изведет,
Коль работу ускорит.
Тут полмесяца, прямо скажу я, уйдет».
Ну, приказчик поспорит-поспорит:
«Врешь ты! Зубы изгрыз на вранье до пеньков.
Мало били вас. Гнуть из вас надобно дуги».
Ан, глядишь, и прибавит деньков,
Так Данилка работал без лишней натуги.

От приказчика втайне — чтоб время спасать —
Поучился Данилка читать да писать
Малость самую, знал-таки грамоту все же.
В этом деле Фомич сноровлял ему тоже:
«Почитай, попиши!» Той порою не раз
За Данилку пытался доделать заказ.
Но Данилушка был против этой работы:
«Что ты, родненький! Что ты!
Своего ль тебе мало труда?
У тебя, погляди-ко, — глотнул малахита! —
Уж зеленою стала совсем борода.
И работа сама по себе ядовита,
И под старость здоровье твое уж не то.
Ну, а мне — хоть бы что!»

Впрямь, Данила в ту пору
Здоровенным стал парнем, без спору.
Где заморыш былой?
Нет его и в поминке.
Хоть звался Недокормышем он по старинке,
Был Данила красавец прямой:
Уж такой-то дебелий,
Остальные парнишки пред ним — мелкота,
Рослый парень, румяный, кудрявый, веселый,
Словом, девичья, как говорят, сухота.
Стал Фомич напевать: та девица иль та
На невесту хорошую смахивает.
А Данилушка, знай, головою потряхивает,
Разговор на другое сведет:
«Ладно! Наше от нас не уйдет.
Нету девки такой, чтоб по ком не скучала...
Мне бы мастером стать настоящим сначала».

Барин, зная, не ногой себе брюхо чесал,
Он приказчику так отписал:
«Пусть тот парень, хваленый Данилка,
Мне докажет, какая в нем жилка,
По любому пускай чертежу
Мне точеную сделает чашу на ножке, —
Я тогда погляжу,

По какой его можно направить дорожке:
На оброк отпустить аль зажать —
На уроках держать.
Да смотри — за твоим за строжайшим ответом! —
Чтоб Фомич не посмел помогать ему в этом». —
Не промедлил приказчик единого дня,
Сразу вызвал Данилку: «Работа имеется.
Для тебя здесь наладят станок у меня.
Камень тож привезут — первый сорт, разумеется».
Грусть взяла Фомича.
Он к приказчику: «Парня берешь ты для ча?
Кабы пользу какую все это имело.
Его вытолкал в спину приказчик, рыча:
«Не твое это дело!»

«Ну, что будет. На новое место пойду».
Стал прощаться Данилка, свой узел завязывать.
А Фомич на прощанье стал парню наказывать:
«Не спеши лишь в работе, имей ты в виду:
Полной силы своей ты не должен оказывать».
Так сперва-то Данилка себя и держал,
Не ахти как у чаши ходил торопливо,
Да потом показалось все это тоскливо,
Он сорвался, на полную силу нажал.
Вышла чаша из дела в короткое время.
Вот приказчик очки на сопатку надел,
Долго скреб себе темя
Да на чашу глядел,
Все глядит, не сопит, не ругается,
Сделал вид, будто так тому быть полагается,
И сказал, уходя: «Ты другую готовь».
И другая готова. И третья.
Тут приказчику в рожу ударила кровь:
«А! Теперь все сумел подсмотреть я,
Вас накрыл-таки я с Фомичом,
Понял хитрость я вашу.
Написал-то мне барин о чем:
В срок такой-то одну изготовить мне чашу.
Ты же выточил три.
Уж теперь ты со мной не хитри.
Не поможет тебе никакое притворство:

Знаю силу твою и в работе проворство.
А уж этому старому псу
Угощеньице я поднесу
За такое потворство!»

Карандашик приказчик опять пососал
И хозяину-барину все написал,
Что Фомич заслужил-де березовой каши,
А Данилка всю силу свою показал.
Отослал он письмо и с письмом все три чаши.
Только умный ли стих на него накатил,
То ль приказчиком был он за что недоволен,
Барин все на свой лад обратил:
«Без парнишки,— писал он,— Фомич обездолен?
Так назначить Даниле пустяшный оброк
И вернуть к Фомичу. Мастерство их готовенькое,
Сообща-то что-либо придумают новенькое.
Им то лучше, и нам будет впрок.
А пока пусть Данила берет себе срок
Хоть пять лет, дело вовсе не в срочности,
Но чтоб чаша по этому вот чертежу
Мне Данилой была б изготовлена в точности».
А на том чертеже не простые дела,
Не пустая колодина с дыркою:
Нарисована чаша была,
А все штуки на ней — с заковыркою:
Ободок обведен весь каймою резной,
Пояс каменной лентой обвит троекратно,
А по ленте — узор очень трудный, сквозной,
На подножке листочки торчат аккуратно,
И цветочки и почки — набор мелюзги.
Одним словом, придумали чьи-то мозги!

У приказчика инда в глазах стало зелено.
Зря грозился: мол, я Фомича проучу.
Объявил он Даниле, что барином велено,
И, отдавши чертеж, отпустил к Фомичу.
Те-то рады!
Лучше всякой награды.
Жизнь у них потекла, как зеркальный ручей,
И работа пошла побойчей.

С чашей возится парень. Сплошать неохота.
Есть капризы у камня, их все разузнай.
Чуть неладно ударил, пропала работа.
Вновь ее начинай.
Но и глаз его верен, и хватка умелая,
И уверенно-смелая
У Данилы рука.
Сил хватает. Работа спорится пока.
Только часто он охает: «Эко художество!
Наворочено хитростей многое множество,
А меж тем ровно нет никакой красоты.
Пустяка не хватает совсем: простоты.
Что надумали, а?» Паренек удивляется.
А Фомич ухмыляется:
«Да тебе что до этого? Право, чудак.
Так придумали, надобно, значит, им так.
Мало ль всяких я штук вырезал да вытачивал,
Так и сяк пред собой поворачивал,
Не поймешь даже толком, где — зад, где — перед,
И на кой они ляд, шут их там разберет!»

Обратился Данила к приказчику даже:
«Ох, и чаша рисунком худа же!»
Тот ногами затопал, рукой замахал:
«За рисунок заплачено сколько, слышал?
Да художник первейший в столице, пожалуй,
Делал этот чертеж. А ты что? Очумел?
Пересуживать вздумал башкой своей шалой?
Как ты смел?
Чтоб мужик господам хамский вкус свой навязывал!»
А потом, видно, вспомнил, что барин наказывал:
Мол, Фомич и Данила вдвоем
Могут в новеньком в чем отличиться, в своем.
Так сказал он Даниле: «Об этой-то чаше
Рассуждать — дело вовсе не наше.
Но коль чашу сумеешь ты сделать свою
Рядом с этой совсем на иную статью,
По другому какому-то, лучшему плану,
Мне-то что, бьет меня по карману?
Я на чашу вторую согласие даю
И мешать тебе в этом не стану.

Камня хватит, поди-ко. Гляди, отличай,
Какой надо, такой получиай».

Вот какое Даниле вниманье оказано.
Да и то ведь подумать,— не помню, кем сказано:
Уж не так это дело хитро,
Чтоб охаять чужое добро,
А свое вот придумать — да в самую точку,
Чтобы стать по заслуге у всех впереди,—
С боку на бок, поди,
Не одну тут повертишься ночку.

После этого думка одна
Завладела Данилой сполна.
Он над чашей сидит над чертежной,
Малахит покоряет рукою надежной.
Подгоняя на нем к завитку завиток,
В голове ж на другое совсем переводит:
К малахиту какой лепесток
Да цветок
Лучше прочих подходит?
Стал задумчив Данилка, невесел на вид.
Поразвлечь его как-то Фомич норовит:
«Ты здоров ли, дружок? Гнал бы мысли ты взашей!
Да полегче бы, право, ты с этою чашей.
Торопиться какая нужда?
Без того ты на чашу свою нагляделся.
Ты вот лучше в разгулку сходил бы куда.
Дома сиднем сидишь. Засиделся».
«Верно,— парень ответил,— и то рассудить:
Торопливости нету. Досужно.
В лес, пожалуй, не прочь я сходить,
Не увижу ль того, что мне нужно».

Лето в самую только вошло красоту.
Время было покосное.
Зреют ягоды. Травы в цвету.
Чуть не каждое утречко росное
Стал побегивать в лес паренек.
У полянки торчал обомшелый пенек.
Тут Данилка сидит спозаранку

Да глядит на полянку,
А не то по покосам пойдет,
Да не просто бредет,
А идет по траве деловую походкой,
Смотрит вниз, будто занят какую находкой:
Вот! Нашлась! И опять затерялась в траве!
А людей на покосе-то много,
Знать хотят, что у парня сидит в голове.
«Потерял,— спросят,— что?» Но посмотрит он строго,
Будто гнет его горе какое в дугу,
А потом всех улыбкой осветит
И печально ответит:
«Нет, терять — не терял, а найти не могу».
Ну, пошел разговор средь людей, разумеется:
«С парнем что-то неладное дается!»

Он вернется домой и — к станку. И сидит.
В голове его гудом гудит,
Мысли мечутся как раздраженные осы,
Эта той впереиз.
Он сидит до рассвета, а с солнышком — в лес
Иль опять на покосы.
Стал домой приносить он листки
Да цветки,
Собирая их в поле,
Все из объеда боле —
Черемицу, багульник, омег да дурман,
Резунами набьет себе полный карман.
Спал с лица он, в глазах — беспокойство,
И в руках уже смелость не та.
Стал тревожен Фомич, видя это расстройство:
«Что с тобой, сирота?»
«Не дает мне все чаша покою.
(Не чертежную чашу он тут разумел.)
Брежу, дедушка, чашей такую,
Чтобы камень в ней полную силу имел.»

Начинает Данилу Фомич отговаривать:
«Ни к чему тебе кашу такую заваривать.
Ну, на что тебе чаша такая далась?
И затея такая отколь родилась?»

Препустая затея, скажу тебе грубо.
Пусть там тешатся баре, как это им любо.
Мы ведь сыты с тобой, нам чего горевать.
Нас бы меньше лишь стали они задевать.
Мне подсунут узор хоть какой, не перечу.
Самому-то мне лезть для чего им навстречу?
Только лишний хомут на себя надевать».
А Данила свое: «Я худым не мараюсь,
Не для барина вовсе стараюсь.
Не уходит из глаз, все стоит предо мной
Чудо-чаша совсем в обработке иной.
Посуди: первый камень у нас, между прочим,
Ну, а мы — нас с тобой для примера возьму —
Что мы делаем с ним? Лишь себя мы порочим:
Дивный камень мы режем да точим,
Политуру наводим,— и все ни к чему.
Не хвалюсь — может быть, не рука мне,
Но желанье припало — себя растерзать,
Только полную силу, живущую в камне,
Самому поглядеть и другим показать!»

Время шло. Приказание барское в силе.
Хоть бедняге Даниле
Это было острее ножа,
Сел за барскую чашу, держась чертежа,—
За работою грусть понемногу рассеивается,
Парень смотрит на чашу, посмеивается,
Прикасается к ней, точно гладит ежа:
В ленте каменной дырки,
Да листки-растопырки,
Да резная кайма...
Можно спятить с ума!
Бросил эту работу, взялся за другую,
Не отходит почти от станка.
«Знаешь, дедко, я сделаю чашу какую?
Красоту всю возьму у дурмана-цветка».
«Эко выискал диво! Бурьян у окошка!»
Парень слушать не хочет. В запале. Горит.
А денька через три Фомичу говорит,
Как в работе какая-то вышла оплошка:
«Ладно! Дело одно надо делать — не два.

Кончу барскую чашу сперва.
А потом — за свою. Ни твои отговоры
Уж тогда не удержат меня, ни укоры.
Вижу чашу... дурманный цветок... без листвы...
Не выходит она из моей головы!»
«Эк ты как пристрастился к дурману.
Делай, делай. Мешать я не стану.
Так Фомич отвечал,
В мыслях то намечал:
Время выветрит дурь всю у парня, как водится,—
Про дурман позабудет Данилка, уйдет, —
Можно к лучшему все изменить,
Если б только парнишку женить,—
Ребятишки пойдут да заботы семейные,
Сразу сникнут все эти дурманы затейные.
Барской чашей Данила опять занялся.
В год не кончить. Резьба шибко тонкая вся.
Малахит обрабатывать надо, не глину,
Ничего тут не сделать в присест.
Вот уж чаша готова почти вполовину.
Про дурманый цветок нет у парня помину.
Стал талдычить Фомич: «Среди наших-то мест
Сколько славных невест! Но среди всех невест
Нет милее Демехиной Кати.
Ты, Данилушка, к ней пригляделся бы кстати.
Девка, прямо сказать, красота!»
Так Фомич говорил неспроста,
Твердо знал он, не только угадывал,
Что Данилка на девушку сильно поглядывал.
Стал Данила красней кумачу.
«Погоди,— отвечал Фомич,—
С чашей кончить мне дай,— до чего надоела!
Вот того и гляди, что хвачу молотком.
Ты же мне про женитьбу. Пристал с пустяком.
Подождет меня Катя. Ей думать о ком?
Есть у нас уговор насчет этого дела».

Чашу вскоре Данила довел до конца.
Но про это приказчику он ни словца.
Дома все же надумал он — пьянку не пьянку,
Просто так — небольшую устроить гулянку.

Катю, знамо, позвал и ее мать-отца.
Мастера тож пришли — малахитные боле.
Катя чаши его не видала дотоле,
Удивилась: «Узор очень мил,—
Вот гляжу, сколько хитрости тут наворочено,
В камне крошку меж тем ты хотя обломил,
До чего же все чисто да гладко обточено!»
Мастера хвалят тоже: «Ну, ловко ж ты, брат!»
«Молодец!»
 «Подогнал к чертежу в аккурат!»
«Не придраться!»
 «Сработано чисто!»
«Сделал скоро и спору».
 «Блеснул ты резьбой.
Этак трудно нам будет тягаться с тобой!»
По-хорошему хвалят, хотя не речисто.
Слушал-слушал Данила и молвил: «Да, да!
В том-то вся и беда,
Что похаять тут нечем, все гладко да ровно,
Чист узор и чертеж соблюден безусловно,
А меж тем никакой красоты.
То ли дело — живые цветы:
Самый плохонький чем-то пленяет,
Сердце радостью нам наполняет.
Чем же чаша вот эта порадует взгляд?
И на кой она ляд?
Вот Катюшу она подивила
Тем, что мастера руку и глаз проявила:
Хоть бы крошечку камешка где обломил!»
«Эк беда! — Мастера засмеялись.—
Обломил — заклеил,
Политурой покрыл,
Вот и все. Кабы этого все мы боялись!»
«Вот, вот, вот! Политура — и ты не в беде.
Ну, а где ж красота его, камня-то? Где?
Где прожилка прошла — место метим для точки,
Или дырки сверлим, или режем цветочки.
Что к прожилке грешно прикоснуться рукой,
То у нас не в примете.
А ведь камень какой!..
Ух ты, камень какой!..»

Первый камень на свете!»
Вот какие Данила слова закатил.
«С непривычки: маленько хватил». Мастер
все на это:
«Что творится, Данила, в твоей голове-то?
Намолол ты чего нам, бог весть.
Камень — камень и есть.
Что с ним делать? Порядком рабочим
Мы сверлим его, режем да точим».

Только был тут один старичок,
Фомича и других он учил в свою пору,
Он Даниле сказал: «Твоему разговору
Грош цена, милачок.
Я покрепче сказал бы, да вот при девице...
Не ходи-ко по этой ты, друг, половице.
Аль ты в горные хочешь попасть мастера?»
«Есть такие?»

«Не маленький. Знать бы пора,
Что хозяйкою Медной горы-то
Под землей мастеров этих много укрыто.
Их работа в горе на хозяйкин заказ.
Вот у них мастерство! Мне случилось раз
Видеть ихней работы вещичку.
От работы от нашей совсем на отличку.
Кто такую добудет, в руках — капитал,
На всю жизнь обеспечит себя и семейку».
Все пристали: «Какую поделку видал?»
Старичок отвечал:
«Малахитную змейку.
Зарукавья у нас вроде змеечки той,
Нынче делать их змейкою стало в привычку».
«Что ж она? Чем взяла-то?»

«Какой красотой?»
«Говорю, что от нашей совсем на отличку.
Сразу может признать ее мастер любой.
Наша змейка иная,
Распрекрасна, допустим, собой,
Щеголяет отточкой своей и резьбой,
Мертвым, каменным блеском своим отливая.
А вот змеечка горной работы — живая:

Хребтик черненький, глазки в зеленой меди
Искры мечут. Ну, клонет, того и гляди!..
Мастера! Им ведь что. Вся работа резная.
В красоте из них каждый — первейший знаток,
Потому что он каменный видел цветок».

Старичка про цветок стал Данила выпрашивать.
Тот сказал: «Сам цветка я не видел, сынок,
А не видевши, что же враньем-то раскрашивать?
Расцветает он, людям бедою грозя:
Повидать его нашему брату нельзя,
Сколько б ни было к этому жажды,—
Кто случайно хотя бы однажды
На цветок этот глаз устремил,
Белый свет ему больше не мил.
«Я,— Данила сказал,— ничего б не страшился,
На цветок поглядеть бы решился».
Он не думал о счастье тогда ни о чьем,
Позабыл, что сидит он с невестой-девицей.
Трепыхнулась Катя подстреленной птицей,
У бедняжечки хлынули слезы ручьем:
«Ах, Данилушка, этим себя ль ты измучил?
Белый свет тебе ровно наскучил?»

Тут другие смекнули: с такой болтовни
Получилась неважная вовсе беседашка.
Старика поднимать стали на смех они:
«Из ума выживаешь ты явственно, дедушка.
Лучшей сказки не мог ты найти.
Парня зря только этим сбиваешь с пути».
«Что?! — Старик по столу кулаком даже стукнул.—
В камне, правда, не смыслим мы все ни черта!
А в цветке том показана вся красота».
Мастера снова смехом: «Ты, дедушка, клюкнул.
Нет такого цветка да в такой-то красе».
«Есть такой, провалитесь вы все!»

Вот не стало гостей. Но Даниле не спится.
А вздремнет — разговор недоконченный снится.
Паренек загрузил,
Снова в лес зачастил,

С дурман-чашею возится снова,
А про свадьбу ни слова.
Стал Фомич уж его понуждать:
«Что ты девушку зря покрываешь позором?
Сколь лет ей в невестах томиться да ждать?
Смотриц мало ль? Начнут пересмеивать хором».
У Данилы на это все те же слова:
«Мне придумать... да камень найти бы сперва».

Ни себя не жалея, ни доброй одежды,
Он повадился бегать на медный рудник
На Гумёшки,
Все там камня искал — сам себе проводник,
Он в забои забытые всеми проник,
Иль искал наверху, камень трогая каждый.
Оглядев очень пристально камень однажды
И увидя, что камень не стоит хлопот,
Он сказал: «Нет, не тот!»
Вдруг он слышит в ответ, хоть души ни единой
Не виднелось кругом:
«Поищи-ко ты в месте другом...
Возле горки Змеиной».
Огляделся Данилушка. Нет никого.
Ладно. Верно, морочит кто-либо его,
Шутит. Где он запрятался, шут-то?
Место голое, спрятаться некуда будто.
Зашагал он домой. Дома ждут его ши
Да Фомич будет охать, о Кате горюя.
Вдруг опять слышит голос: «Ты камня ищи
Возле горки Змеиной, тебе говорю я».
Оглянулся Данила: «Ну, что за обман?»
Только голос приятненький, женский, не грубенький.
Верно! Женщина... вон... чуть видна, как туман
Над рекою вечерний, голубенький,
Был туман и — не стало. «Эх-ма!..
Да неуж — то *сама*?
Ладно ль будет на это давать отговорку?»
И Данила пошел на Змеиную горку.

Еще засветло к ней он дойти норовит.
Недалечко она, Небольшая на вид,

А крута, и с одной стороны, как нарочно,
Кем-то срезана точно.
Получилось глядельце — не надо гадать
О богатстве подземном владельцу:
Все пласты — лучше некуда — сразу видать.
Вот подходит Данила к глядельцу,
Камень сразу приметил — с собой не унести,
Малахитина в точку, как есть,
То, что надо как раз для Данилки:
Вроде кустика сделан природой самой,
Снизу цветом погуще, где надо — прожилки.
За лошадкой Данилка дорожкой прямой.
Камень этот быстренько привез он домой,
Показал Фомичу: «Не находочка, ну-ка?
Для меня ровно кем-то подброшена штука!
Живо сделаю. Знаешь ведь сам — не ленюсь.
А как сделаю, тут и женюсь.
Заждалась меня Катенька. Мне-то легко ли?
Не давала работа, вишь, эта мне воли.
Попытаюсь управиться с ней
Поскорей».
Свадьба, стало, совсем у дверей.

Заработал он впрямь что есть силушки-мочи.
Возле камня проводит и дни он и ночи.
А Фомич, знай, молчит,
Про себя лишь ворчит:
«Камень, правда... Редчайшую сделал находку.
Успокоится, может, как стешит охотку».
А работа Данилкина ходко идет.
Низ отделан: как есть, куст дурмана цветет,
Листья кучкой, широкие листья, дурманные,
И прожилки, и зубчики, словно чеканные.
«М-да! — Фомич говорит. — А цветочек-то твой
И взаправду — рукой хоть пощупать — живой».
Но до верху дошло — заколодило сразу.
Стебелечек был выточен — всем для показу,
Боковые листочки — на чудо взгляни! —
И на чем только держатся, право, они?
По дурману-цветку отработана чашка.
Все, иначе, не то!.. Получилась затяжка.

Не дается работа. Данилка застрял:
«Не живой стал цветок и красу потерял.
Как его оживить?!» Сна Данилка лишился.
«И с чего паренек закрушился? —
Мастера этак все про него говорят.—
Чашу может кто сделать такую? Наверяд.
Чаша прямо на диво, смотреть-то отрадно,
А Данила мудрит, а ему все не ладно.
С небывалым бывалое хочет сличить.
Парня надо лечить».
Катя слушала речи, им мысленно вторя,—
Истомилась, поплакивать стала от горя.

Образумило это Данилку: «Конец!
Не подняться мне выше. Не те, видно, крылья.
Не поймать силу камня. Напрасны усилья».
Торопить стал Катюшу: «Идем под венец!»
А чего торопить? Молвил только бы слово.
Все давным уж давно у невесты готово.
Весел парень. Колечки уже заказал,
Ну, и всякую новую справу одежную.
Он про чашу — чертежную —
Ведь приказчику-то не сказал,
А тот сам набежал: «Ух, вещица какая!
Надо барину чашу немедля отвезть».
Но Данила ему: «Не довел пустяка я.
Погоди-ко маленько. Доделочка есть».
Время было осеннее. День уж не длинный.
Кто-то к слову сказал: «Скоро праздник Змеиный.
Соберутся все змеи на праздник на свой».
Услыхал то Данила, поник головой.
Про цветок он про каменный снова
Вспомнил все разговоры от слова до слова.
Если к пороху кто-то подносит фитиль,
Порох вспыхнет. Данила забился в каморку.
Думать стал: «Мне в последний разок не пойти ль
На Змеиную горку?
Может быть, мне удастся что-либо узнать».
И про камень-находку он стал вспоминать,
И про голос о горке...— «ведь был он не ложен:
Камень вроде нарочно у горки положен!..»

И Данилка пошел. Важен первый шажок.
Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,
Подмерзала земля, и снежок,
Первый, мягкий снежок припорашивал.
Подойдя к тому месту, где камень он брал,
Видит выемку парень. «Тут камень ломали».
Не подумал он, мыслей своих не собрал:
Кто ломал? Не *сама* ли?
Он зашел в этот выбою, в его глубину.
Парень — трудно найти посмелее.
«Посижу,— он решил,— отдохну.
Тут за ветром теплее».
Камень он увидал у стены серовик,
Видом весь вроде стула.
Сел на каменный стул, головою поник.
Мысли все про цветок: увидеть бы на миг!
Только чувствует — осень холодная дула,
Тут же сразу крутой перелом:
Потянуло откуда-то летним теплом,
Будто рядом не камень, а зелень, лужайка.
Поднял голову парень: напротив сидит
— Как ее не признать? Все на ней — малахит!—
Медной, значит, горы чаровница-хозяйка!
Но не верит Данила глазам.
«Мне мерещится. Болен я. Чувствую сам».
Он сидит и молчит. Перед ним никого-де.
И хозяйка молчит, призадумалась вроде,
А потом говорит (Значит, все не во сне!):
«Нутко, мастер Данила, скажи-ко ты мне,
Дурман-чаша твоя чем себя отличает?»
«Чем? Не вышла!» — Данила ей так отвечает.
«Вешать голову, мастер,— в том радости нет:
Кто повесил ее, тот уже обезглавлен.
Попытай что другое, мой добрый совет.
Камень будет по мыслям твоим предоставлен».
«Нет, измаялся я. Размотал весь моток,
Сколько было, терпенья.
Все — любые! — исполню твои повеленья,
Только каменный мне покажи ты цветок.
Есть такой?»

«Ты обдумал вопрос-то?»

Показать — дело просто.
Пожалеешь потом. С этим нету игры».
«Ты потом не отпустишь меня из горы?»
«Нет, бегут лишь оттула, где хилость да гнилость,—
От меня же дорога открыта вполне,
Только все возвращаются снова ко мне».
«Покажи мне цветок, сделай милость!»

Уговаривать долго пыталась она:
«Мастерам настоящим нельзя торопиться.
К мастерству есть дорога одна:
Самому его надо добиться».
Фомича помянула: «Из пчел, не шмелей.
Он тебя пожалел, ты его пожалей».
Про невесту напомнила: «Как привечает!
Ведь души в тебе девка не чаёт!
Жизнь она ли твою омрачит?
Ты же в сторону смотришь. А будет что далеко?»
«Знаю! Все же цветок покажи мне! — В запале
Так Данила хозяйке кричит: —
Покажи. Для меня это жизни дороже!
Все равно мне, вернусь, не вернусь ли назад!»
Отвечала хозяйка: «Ну, мастер, добро же
Ты увидишь мой сад».

Будто осыпь обрушилась где земляная.
Шум пошел и утих.
Смотрит парень — картина иная:
Нету стен никаких,
А деревья стоят вида все необычного,
Не как в наших лесах, а из камня различного:
Мрамор там, змеевик, — словом, всяких пород,
И что главное — парень раскрыл даже рот! —
Все деревья — живые: надутые почки,
И зеленые ветки на них, и листочки, —
Ветерок подует — поднимется голк,
И пока он не замер, не смолк,
Будто галечки кто — так на слух представляется —
Стал подбрасывать, чирканьем их занимается.

А понизу — трава,
Тож из камня и тож, как деревья, жива,
Цветом травка та разная,
Рядом с травкой лазоревой — красная,—
И светло, хотя солнышка нет,—
Извивая хвосты, свои тулова, шейки,
Золотые в деревьях трепещутся змейки,
И от них этот свет —
Мягкий, ласковый, глазу приятный,
Ровно свет предзакатный.

Вот хозяйка Данилу — дорога светла —
Скорым шагом к полянке большой привела.
На полянке земля, точно глина простая,
А по ней черным бархатом поросль густая,
И куда ни помотришь, во всех-то местах
Дурман-цветом та поросль покрыта,—
Красоты ненаглядной на черных кустах
Колокольца зеленые из малахита,
И сурьянная звездочка в каждой цветке,—
Огоньки над цветками сверкают живые,
Это пчелки мелькают везде огневые,
Отдыхают на том, на другом лепестке,
В колокольца спускаются, росы медвяные,
Ядовито-дурманные, с жадностью пьют
И потом вылетают оттуда, как пьяные,—
Колокольца колышутся, звезды сурьянные
Тонкий-тонкий, серебряный звон издают,
Ровно песню поют.

Тут хозяйка спросила: «Что, мастер Данила?
Я тебя своим садом пленила?»
Отвечал он: «Мне трудно из сада уйти.
За показ твой спасибо.
Чтобы мог я подобное сделать что-либо,
Можно ль камень найти?»
«Верный глаз у тебя, руки тоже не слабы,
Лучший мастер из всех в мастерском ты кругу.
Кабы сам ты придумал, я камень дала бы,
А теперь не могу!»

Так сказала хозяйка и — кончено дело:
Где-то осыпью вновь зашумело,—
Вкруг себя паренек поглядел,
Он на камне на том же, где раньше сидел,
В той же ямине. Холод насквозь пробивает.
По-осеннему ветер свистит, завывает.

В этот вечер — совпали какие дела! —
У невесты как раз вечеринка была.
Вот Данила туда и направился.
Поначалу невесте лицом он понравился:
Уж такое веселое — любо глядеть.
Стал плясать он и петь,
Молодцом приосанился,
А потом затуманился.
«Что с тобой? Аль сошлись мы кого хоронить?»
Испугалась невеста, ей это не мило.
Он ей стал непонятное что-то бубнить:
«Нездоров я. Мне голову всю разломило...
И в глазах зарябило...
На полянке лазурь... чернота...
И зеленое с красным...
Поросль пьяно-дурманная с листьем атласным...
И сурьмяные звездочки, ах, красота!..
Все при свете волшебном казалось ясным...
И опять темнота...
Воеет ветер... Дорога с промерзшими лужками...
Страшно!.. В памяти как это все удержать?..»
Видит Катя: больной, стали руки дрожать.

Вечеринка окончилась. Катя с подружками
По обряду пошла жениха провожать.
Ну, а много ль дороги?
Жили рядом они, через дом — через два.
Сердце Кати щемит от неясной тревоги,
Но со смехом она произносит слова:
«Этак, девушки, рано мы спать приохотимся.
Мы не сразу домой жениха поведем,
До конца мы по улице нашей дойдем,
По Еланской воротимся».

Мысль о том у самой:
Голова у Данилки с чего-то кружится,
Пусть на улице он просвежится,
Перед тем как ему возвращаться домой.

А подружки довольны, того только ждали.
«Впрямь, — вскричали, — жених-то едва ли
Не живет у невесты в дому!
Мы по-доброму вовсе еще не певали
Провожальную песню ему».
Голоса на морозе разливисты, гулки.
Кстати ветер утих. Падал редкий снежок.
Все пошли. Самый час для разгулки.
Впереди шел с невестой жених, мил-дружок,
А веселой гурьбою за ними
Шли подружки невесты с парнями своими.
Поначалу хи-хи да ха-ха.
Насмеявшись, девушки в честь жениха
Загорланили песню свою провожальную,
Уж такую печальную,
По покойнику чисто, ну, подлинно, вой.
Катя видит — неладно все это,
Причитанье какое запето, —
Без того ведь Данилка с больной головой,
Невеселый, все думушки где-то,
Так уж Катя его стала всяк тормозить,
Все, что было, тащила из памятной сумки,
Все слова, чтоб его поразвлечь, рассмешить,
На другие свернуть, на веселые, думки.
В разговор он вошел, будто стал отмерзать,
Стал хорошее слово на слово низать,
Отвечать стал на ласку такую же лаской,
Но — с какой-то сторожкой опаской,
Будто лишнее слово боялся сказать, —
Под конец мыслью снова какой-то ужалился
И опять запечалился.
А подружки Катюшины тою порой
Завели уже песню на новый настрой,
Был настрой этот шибко заборист и весел.
После шутки пошли, суетня,
Беготня.

Но Данилушка голову грустно повесил,
Сам он тут, а все мысли его где-то там...
Проводили его. Разошлись по домам.
С ним невеста. Целуй без чужого догляду!
Но Данила — что мертвый: глухой и немой.
Проводил он невесту — уже без обряды —
И вернулся домой.

Тихо-тихо домой он вернулся,
Чтоб Фомич не проснулся.
Осторожно зажег паренек
Огонек,
На середку избы обе чаши извлек
И стоит их оглядывает,
В мыслях что-то прикладывает.
Кашлем стало тут бить Фомича,
Надрывается прямо. Что с мастером случилось?
От здоровья его ничего не осталось,
Надломил и старость и хворь силача.
Пред Данилой ученье его промелькнуло:
Приобрел он отца в человеке чужом.
Точно по сердцу острым ножом,
Этим кашлем его резануло.
Крепко жаль старика. Век бы с ним вековать.
Тот откашлялся, сразу к Даниле с вопросом:
«Ты с чего это в чаши уткнулся так носом?»
«Да гляжу, не пора ли сдавать».
«И сдавай... ках-ках-ках!.. И прекрасно...
Мастера все признали: готовы давно.
Занимают... ках-ках!.. Только место напрасно...
Лучше сделать нельзя все равно».
Рад Фомич: образумился, дескать, чудила.
С тем заснул, чтобы встать на работу чуть свет.

Вслед за ним тож прилег и Данила.
Только сна ему нет.
Поворочался он. Все не спится.
Встал, зажег огонек, подошел к Фомичу.
Фомичу что-то снится.
Парень тяжело вздохнул: «Бот как я оплачу
За добро за его. Без меня он зачахнет».

На дурманную чашу потом поглядел,
Взял балодку, в руках повертел
Да по чаше по этой как трахнет,
Только схрупало. Чаши другой
— На господский чертеж дорогой —
Он не тронул, а только отбросил балодку,
Подошел к этой чаше и плюнул в серединку.
А потом, в чем он был, в том стрелюю на двор!..

Так Данилу с тех пор,
Хоть искали его повсеместно,
А найти не могли. Где пропал, неизвестно.
Шел про то разговор:
Фомича и невесту покинул —
Знать, решился ума, в лес ушел со двора
Да в лесу где-нибудь и загинал:
Ведь раздетый ушел, а такая пора.
Но иные несмело, а все же поспаривали,
Про Данилу и так шепотком разговаривали:
Не хозяйкой ли в горные взял мастера?

К месту будет иному сказать пустоцвету:
Мастерство никому не дается с налету,
Стоит мук — очень тяжких порой — мастерство, —
В мастерстве высочайшем — в нем есть колдовство.
Вон с Данилой какие дела приключились.
В старину мастерству-то как люди учились!

ПРИМЕЧАНИЯ

*Примечания, помещенные непосредственно
под текстом произведений, сделаны автором.*

В четвертый том вошли поэтические произведения Д. Бедного, написанные в 1930—1940 годах. Статьи, относящиеся к этим годам, помещены в пятом томе настоящего издания.

Тексты воспроизводятся по последнему прижизненному собранию сочинений поэта: Демьян Бедный, Собрание сочинений в одном томе, Государственное издательство «Художественная литература», М. 1937 (в примечаниях сокращенно обозначается: «однотомник 1937 г.»); тексты, не вошедшие в однотомник, печатаются по другим, наиболее поздним авторизованным сборникам произведений Демьяна Бедного и по отдельным томам собрания сочинений, изданным в 1926—1933 годах. Тексты, не включавшиеся в сборники, даются по первым публикациям, а не появлявшиеся в печати — по авторизованному машинописному экземпляру.

Примечания строятся по тем же принципам, что и в предыдущих томах настоящего собрания.

1 9 3 0

К л а с с о в ы й с у д (стр. 5). — Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 29, 30 января, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим заголовком «Обо всем».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

П р о ц в е т а н ь е (стр. 6). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1930, № 30, 31 января, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим заголовком «Стрелы», раздел «Внешний фронт».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

Почему это случилось (стр. 7).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1930, № 30, 31 января, вместе со стихотворением «Процветанье».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

Грехи простиемые и непростиемые (стр. 8).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 32, 2 февраля, в подборке «Обо всем».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

Роковая тяжба (стр. 9).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 32, 2 февраля, в подборке «Обо всем».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

Диво-дивное, коллективное (стр. 10).— Написанное в качестве текста к агитационному плакату, стихотворение впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 33, 3 февраля. Вошло в книгу Д. Бедного «Чудесное письмо», Гослитиздат, М. 1934.

В 1929—1930 гг. началось массовое вступление крестьян в колхозы. «На основе политики ликвидации кулачества и установления сплошной коллективизации развернулось мощное колхозное движение. Крестьяне целыми селами и районами вступали в колхозы и сметали с пути кулачество, освобождаясь от кулацкой кабалы» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 293).

Стихотворение Д. Бедного посвящено этому массовому колхозному движению.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Красноармеец в колхозе (стр. 11).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1930, № 37, 7 февраля.

Текст печатается по книге «Без отказа», Гослитиздат, 1934.

Д а б и л е т а (стр. 12).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 53, 23 февраля, с фотоснимками комсомольского билета Г. Аникина и партийного билета И. Чеботаря. Стихотворение вошло в книги Д. Бедного: «Юной гвардии», изд. «Молодая гвардия» (библиотека комсомольца-новичка), 1932, и «Обманутым братьям», Дальгиз, Хабаровск, 1936.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Памяти убитых на дальневосточном фронте...— Г. Аникин и И. Чеботарь были воинами Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии; они погибли в ноябре 1929 г. в боях с бандами чанкайшистов, спровоцировавших совместно с японскими милитаристами конфликт на Китайско-Восточной ж. д. и организовавших нападение на территорию СССР. Советские войска дали бандам налетчиков

вооруженный отпор, заставив их отступить на маньчжурскую территорию.

«Прощай, белогвардейская жизнь!» (стр. 13).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 263, 23 сентября.

Накануне, то есть 22 сентября того же года, в «Правде» было напечатано сообщение о раскрытии контрреволюционной вредительской и шпионской организации, действовавшей в области продовольственного снабжения. В том же номере газеты приведены цитируемые в стихотворении показания двух обвиняемых. Контрреволюционная организация состояла из бывших фабрикантов, рыбопромышленников, кадетов и меньшевиков и имела тесную связь с белогвардейской эмиграцией и представителями иностранного капитала. В последующих номерах «Правды» и в других советских газетах публиковались многочисленные отклики трудящихся, требовавших суровой кары вредителям.

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

Революционная молния (стр. 16).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 267, 27 сентября, с рисунком художника Дени, на котором изображен контрреволюционер-вредитель, пораженный молнией советского правосудия. Рисунок и текст выпущены также отдельным плакатом.

Написано в связи с вынесением приговора участникам контрреволюционной вредительской организации, действовавшей в области продовольственного снабжения (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

Развиваем ход! (стр. 17).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 308, 7 ноября. Написано к XIII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

Общепролетарское дело (стр. 18).— Впервые опубликовано в «Правде», 1930, № 352, 23 декабря, в подборке «Обо всем».

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

Чан Кай-ши — гоминдановский генерал, ставленник американского империализма, стремившийся потопить в крови революционно-освободительное движение китайского народа; в 1949 г. изгнан победившим народом из пределов континентального Китая.

Старые куклы (стр. 21).— Напечатано отдельным изданием с рисунками художников Кукрыниксы (Госиздат, М. 1930, и «Молодая гвардия», М. 1931).

Текст печатается по одному томику 1937 г.

1 9 3 1

О писательском труде (стр. 24).— Впервые опубликовано в журнале «На литературном посту», 1931, № 1, январь. Отдельное издание, со включением стенограммы беседы Д. Бедного с молодыми писателями,— Гослитиздат, М.—Л. 1931. Вошло также в книги Д. Бедного: «Вперед и выше!», изд. «Молодая гвардия», 1931, «Вперед и выше!», Профиздат, 1933.

Текст печатается по одному томику 1937 г.

Электрo-жар-птица (стр. 30).— Впервые опубликовано в журнале «Крокодил», 1931, № 1, январь, с рисунками Ю. Ганфа.

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

Вместо приветa (стр. 33).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1931, № 16, 16 января (в день открытия IX Всесоюзного съезда комсомола), вместе с дружеским шаржем «Омоложение Демьяна», подпись к которому взята из этого стихотворения:

Зато, читая «Комсомолку»,
Я оживаю по утрам!

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Перекопская (стр. 34).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 53, 23 февраля, в день Красной Армии.

«51-я стрелковая Перекопская дивизия создавалась в начале гражданской войны... Бои 51-й дивизии у Перекопа навсегда останутся одними из самых славных и блестящих страниц в истории героической борьбы Красной Армии. Орден Красного Знамени, наименование «Перекопской» и шефство московского пролетариата являются заслуженными наградами за боевую революционную работу дивизии» (из приказа народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилова от 13 августа 1929 г.— «Правда», 1929, № 186, 15 августа).

Д. Бедный был почетным красноармейцем 1-й роты 153-го стрелкового Замоскворецкого полка 51-й Перекопской дивизии.

Текст печатается по одному томику 1937 г.

У берем с пути (стр. 37).— Впервые опубликовано в «Правде», 1931, № 62, 4 марта, под названием «Уберем ее с пути».

Написано в связи с процессом буржуазной контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК меньшевиков», начавшимся 3 марта 1931 г. в Верховном суде СССР. Процесс показал, что вредительской и подрывной работой «Союзного бюро ЦК меньшевиков» руководил заграничный меньшевистский центр во главе с *Даном* и *Абрамовичем*, непосредственно связанный с руководителями II Интернационала (в частности, с известным социал-предателем Вандервельде) и с правящими кругами буржуазных государств. «Партия меньшевиков,— говорилось в передовой «Правды» от 3 марта 1931 г.,— выйдет из суда с позорным клеймом наемной агентуры худших врагов рабочего класса и трудящихся масс СССР».

Две начальные строки стихотворения Д. Бедного, а также взятые в кавычки строки 5, 6 и 8 строф — цитаты из стихотворения А. С. Пушкина «Бесь».

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

«Общ и й блок» (стр. 39).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 63, 5 марта, в подборке стихотворений Д. Бедного, под общим названием «Герои дня».

Написано в связи с разоблачением буржуазной контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК меньшевиков» (см. примечание к предыдущему стихотворению). *Финн*, *Шер* — участники этой организации.

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

«Социалистический вестник» — газета русских меньшевиков-белоэмигрантов, издававшаяся в Берлине. «Руль» — белогвардейская газета, выходившая там же.

Унтер ден Линден — улица (Аллея лип) в центре Берлина.

«В Америке нет рабского труда» (стр. 42). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 63, 5 марта, в подборке стихотворений Д. Бедного «Герои дня».

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Д о р е ш и т е л ь н о й... (стр. 45).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 86, 28 марта.

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

З а т е х н и к у и з а у ч е б у! (стр. 47).— Впервые опубликовано в журнале «На литературном посту», 1931, № 9, март. Вошло в книги: «Вперед и выше!», изд. «Молодая гвардия», 1931, и «Вперед и выше!», Профиздат, 1933.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Амовцы — рабские Московского автомобильного завода (АМО).

Новая победа (стр. 50).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 90, 1 апреля.

В том же номере газеты опубликован приказ председателя Высшего Совета Народного Хозяйства С. Орджоникидзе, в котором говорится: «Героическими усилиями бакинских и грозненских рабочих, хозяйственников и преданных делу социалистического строительства специалистов нефтяная промышленность одержала блестящую победу на фронте борьбы за социализм, выполнив пятилетку в два с половиной года...» Одновременно в газетах сообщалось о том, что московский Электрозавод завершает пятилетку в два с половиной года.

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

Потонути! (стр. 51).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 106, 17 апреля.

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Беранже — французский революционный поэт XIX в.

Новые времена — новые песни (стр. 53).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 115, 26 апреля.

Третья строфа текста — из стихотворения А. С. Пушкина «Делибаш».

Результатом поездки Д. Бедного на Урал явилась поэма «Вытянем!!», посвященная магнитогорским строителям (см. в настоящем томе).

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Вытянем!! (стр. 55).— Впервые опубликовано в «Правде», 1931, № 137, 20 мая. Написано в результате поездки Д. Бедного на Урал (см. стихотворение «Новые времена — новые песни»).

Текст печатается по книге «Избранное», 1935.

«Всзрждение», *«Последние новости»*, *«Дни»*, *«Руль»* — названия белоэмигрантских газет.

Я крестьянки ушиблен Россией былш...— Д. Бедный говорит здесь о политических ошибках, допущенных им в 1930 г. в фельетонах «Слезай с печки», «Без пшады» и «Перерва» (см. вступительную статью к первому тому настоящего собрания, стр. 24—25).

Во Францию два инженера...— В этой и в последующих шести строфах использовано в пародийном плане стихотворение Г. Гейне «Гренадеры» («Во Францию два гренадера...»).

Боевой «Комсомолке» (стр. 66).— Впервые опубликовано 24 мая 1931 г. в газетах: «Правда», № 141, и «Комсомоль-

ская правда», № 141, с подзаголовком: «Комсомольской правде» к годовщине награждения ее орденом Ленина». Вошло в книгу «Юной гвардии», 1932.

Текст печатается по XVIII тому собрания сочинений, 1932.

«Т е м п а н е с д а м!» (стр. 68).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 146, 29 мая. Вошло в книгу «Без отказу» 1934.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Н е м е ц к а я с т у п а (стр. 71).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 283, 13 октября.

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Т р а г е д и я и ф а р с (стр. 73).— Впервые опубликовано в «Правде», 1931, № 283, 13 октября.

Стихотворение в форме пародийной песенки обличает политику потворства японским агрессорам, которую проводили дипломаты империалистических стран в Лиге Наций (имевшей резиденцию в Женеве). Пакт Келлога, заключенный в 1928 г. по инициативе США между США, Францией, Англией, Германией, Японией и другими буржуазными государствами, якобы предписывал «исключить обращение к войне для урегулирования международных споров». Этот пакт, однако, не помешал японским милитаристам совершить вооруженное нападение на Северный Китай. Не воспрепятствовали этому и женевские «миротворцы». См. также примечание к стихотворению «Мировые судьи».

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

М и м о... м и м о!.. (стр. 75).— Впервые опубликовано в «Правде», 1931, № 284, 14 октября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Кускова Е. Д.— буржуазная публицистка. В 90-х годах XIX в. выступала против идей революционного марксизма, была одним из авторов бернштейнианского манифеста «экономистов» («Кредо»). Позднее активно поддерживала контрреволюционную партию кадетов. С 1922 г. — в лагере белой эмиграции.

Милюков П. Н.— лидер буржуазной партии кадетов, министр Временного буржуазного правительства, после Октябрьской революции — один из главарей белогвардейской эмиграции.

П о э т и ч е с к и й п р и в е т п о э т у А. Ж а р о в у (стр. 78).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 291, 21 октября, откуда и печатается текст.

М и р о в ы е с у д ь и (стр. 79).— Впервые опубликовано в «Правде», 1931, № 293, 23 октября.

Стихотворение разоблачает политику поощрения японских агрессоров, проводившуюся заправилами империалистических государств при помощи Лиги Наций (см. примечание к стихотворению «Трагедия и фарс»). 22 октября 1931 г. «Правда» напечатала телеграммы из Женевы (резиденции Лиги Наций) под заголовками: «Полное единение между Женевсой и Токио. Лига Наций удовлетворяет все требования японского империализма. Китаю предложено беспрекословно подчиниться». Под шум женевской говорильни японские империалисты, пользуясь поддержкой империалистов США, оккупировали Маньчжурию. «Лига Наций,— писала «Правда» 20 октября 1931 г.,— организует войну на Тихом океане».

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Б о й ц а м з а к р а с н у ю ж и з н ь (стр. 81).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 308, 7 ноября, в день XIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Д о р о г а г и г а н т о в (стр. 83).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 308, 7 ноября. Написано к XIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Вошло в книгу «Избранное», 1935.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

П е р е д г р о з о й (стр. 84).— Впервые опубликовано в том же номере «Известий», что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

С м е л е й! (стр. 93).— Впервые опубликовано в газете «Социалистическое земледелие», 1931, № 304, 7 ноября, с подзаголовком «Певцам — ударникам полей». Вошло в книги: «Юной гвардии», 1932, «Без отказа», 1934, «Избранное», 1935. При включении в одно томник 1937 г. автором было переработано несколько строк.

Текст печатается по одному тому 1937 г., где стихотворение ошибочно датировано 1933 годом.

Ж и т ь и р а б о т а т ь! (стр. 95).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1931, № 356, 27 декабря. Вошло в книги: «Без отказа», 1934, «Избранное», 1935.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

1 9 3 2

К п о б е д е — п о л н ы й х о д! (стр. 96).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1932, № 1, 1 января.

Текст печатается по XIX тому собрания сочинений, 1933.

Свиной остров (стр. 97).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1932, № 12, 12 января.

При включении в однотомник 1937 г. автор видоизменил несколько строк в начальной части стихотворения (после слов «На острове...»). Приводим эти строки в первоначальной редакции:

... О нем, за десять су,
Последних су, приобрета газету,
Вы дивную прочтете сказку эту.
Всем нищим, обездоленным, больным,
Всей братье безработной и голодной,
Да, сказкой он звучит, ничем иным...

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«З а д у л и» (стр. 102).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1932, № 93, 3 апреля.

Кузнецкстрой — строительство Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина на южной окраине Кузнецкого бассейна (Новосибирская обл.). 2 апреля 1932 г. домна № 1 Кузнецкого металлургического комбината выдала первый чугун.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«П р а в д е» (стр. 103).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1932, № 103, 5 мая.

Написано к 20-летию «Правды».

Первая ежедневная большевистская легальная газета в России, «Правда», начала выходить 5 мая (22 апреля по ст. ст.) 1912 г. в Петербурге. Газета сыграла большую роль в укреплении партийных рядов и расширении связи партии с массами, в воспитании нового поколения революционных рабочих, в борьбе с оппортунистами. Газета подвергалась систематическим преследованиям со стороны царских властей и была закрыта в канун первой мировой войны. Выход «Правды» возобновился в марте 1917 г., когда газета стала центральным органом партии.

Текст печатается по «Комсомольской правде».

П о р о г и (стр. 104).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1932, № 281, 10 октября. В том же номере помещены приветствия Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров СССР строителям Днепровской гидроэлектрической станции им В. И. Ленина, статья М. Горького «Привет создателям Днепро-строя» и рапорт строителей электростанции.

Стихотворение посвящено А. М. Горькому в связи с исполнившимся 25 сентября 1932 г. сорокалетием общественно-литературной деятельности писателя. Вошло в книгу «Очередное», 1935.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Есть за что (стр. 109).— Первая публикация не установлена. Вошло в книгу «Очередное», 1935, где стихотворение датировано 1932 г. Текст печатается по одному тому 1937 г.

1933

Подрез (стр. 110). — Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1933, № 39, 16 февраля. Вошло в книги: «Без отказа», 1934, и «Очередное», 1935.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Максы - Морицы на работе (стр. 114).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1933, № 85, 30 марта, откуда и печатается текст.

На страже мира и культуры (стр. 116).— Надпись к плакату ИЗОГИЗа. Опубликовано в «Известиях», 1933, № 85, 30 марта, откуда и печатается текст.

Е ж. Пчела (стр. 118 и 120).— Впервые опубликованы в «Правде», 1933, № 133, 16 мая, под общим названием «Две полит. басни». Вошли в книги: «Очередное», 1934 (где первая была датирована 12 мая, а вторая — 16 мая), и «Сто басен», изд. «Советский писатель», 1935.

В первопечатном издании басни даны с подзаголовком «Перевод с Детердинг-Розенберго-итакдальского языка», указывавшим на разоблачение автором планов нападения на СССР, с которыми уже тогда носились поджигатели второй мировой войны. Видное место среди последних занимали английский нефтяной король *Г. Детердинг* и германо-фашистский «геополитик» *А. Розенберг*.

Тексты печатаются по одному тому 1937 г.

Итакдальский — от слов «и так далее».

Лодырская судьба (стр. 121).— Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 134, 17 мая.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Наш первоцветы (стр. 123).— Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 146, 29 мая, и под названием «Первоцветы» — в «Комсомольской правде», 1933, № 123, 29 мая.

Первый всесоюзный конкурс юных музыкантов-исполнителей проходил в Москве с 9 по 24 мая 1933 г. Конкурс выявил среди детей и юношества много высокоодаренных музыкантов-исполнителей. 26 мая 1933 г. Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановле-

ние о премировании юных музыкантов: 52 участника конкурса получили премии и похвальные отзывы.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

Героям, строителям Челябинского тракторного завода (стр. 124).— Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 149, 1 июня. Написано в связи с окончанием строительства Челябинского тракторного завода.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К л а д (стр. 125). — Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 155, 7 июня. Вошло в книги: «Очередное», 1935, и «Сто басен», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где басня ошибочно датирована 1935 годом.

К р е п ч е с н о в ы м у р о ж а е м ! (стр. 127).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1933, № 145, 24 июня. Вошло в книги: «Чудесное письмо», 1934, и «Очередное», 1935.

Текст печатается по книге «Избранное», 1935.

С л е п о й А ф о н я (стр. 134).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1933, № 151, 2 июля. Вошло в книгу «Чудесное письмо», 1934.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Б о р ь б а з а у р о ж а й (стр. 137). — Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 201, 23 июля.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

И с п а г а н ь (стр. 140).— Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 203, 25 июля. Вошло в книгу «Очередное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Б ы т ь в п е р е д и (стр. 142).— Впервые опубликовано в «Правде», 1933, № 228, 19 августа.

Написано в связи с празднованием дня советской авиации. В заключение приведены слова из доклада К. Е. Ворошилова на собрании партийного актива Московского гарнизона 20 января 1933 г. «Об итогах январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)», опубликованного в «Правде», 1933, № 24, 25 января.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

Д в е т е м ы (стр. 144).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1933, № 229, 2 октября. Вошло в книгу «Удар по врагу», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где так же, как и в книге «Удар по врагу», он неверно датирован 30 октября 1933 года.

Вас ист цу махен! (нем.) — Что же делать!

Квод лицет Йови... (лат.) — Начало поговорки «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку».

На новую ступень (стр. 150).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1933, № 273, 7 ноября. Написано к XVI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Вошло в книги: «Очередное», 1934 (где ошибочно датировано 1934 годом), и «Избранное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Мой рапорт XVII съезду партии (стр. 151).— Впервые опубликовано в «Литературной газете», 1933, № 58, 17 декабря, в разделе «Трибуна писателя», посвященном подготовке к XVII съезду партии, проходившему в январе 1934 г. Вошло в книги: «Без отказа», 1934, «Очередное», 1935, «Избранное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где стихотворение (так же, как и в сборнике «Очередное») ошибочно датировано 1934 годом.

Есть к урожаю путь прямой — к весне готовиться зимой (стр. 154).— Первая публикация не установлена.

Текст печатается по книге «Чудесное письмо», 1934.

Ласковый привет (стр. 156).— В виде отдельного стихотворения, датированного 1933 г., опубликовано в книге «Очередное», 1935, откуда и печатается текст.

1934

Особогатырь (стр. 158).— Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 16, 16 января. Вошло в книгу «Избранное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Клянесь! (стр. 161).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1934, № 18, 21 января. Написано к десятилетию со дня смерти В. И. Ленина. Вошло в книгу «Очередное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Ультракороткая волна (стр. 163).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1934, № 47, 23 февраля.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

Определено! (стр. 166).— Впервые опубликовано в газетах «Колхозный комсомол», 1934, № 2, 17 марта, и «Комсомольская правда», 1934, № 65, 17 марта.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К а л и н ы ч (стр. 171).— Под этим названием объединены три стихотворения, написанные в связи с пятнадцатилетием работы М. И. Калинина на посту председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: стихотворение «Портрет (М. И. Калинин)», впервые опубликованное в «Правде», 1934, № 88, 30 марта; стихотворение «Калинычу» (со слов «Калиныч! Кто ж его не знает»), впервые опубликованное в «Комсомольской правде», 1934, № 76, 30 марта; и стихотворение «Сердечный привет» (со слов «Пятьдесят лет — каких и на каком посту!»), впервые опубликованное в «Известиях», 1934, № 76, 30 марта.

Тексты объединены в книге «Очередное», 1935, по которой и печатаются в настоящем издании.

Д а е м!! (стр. 174). — Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 103, 14 апреля. Вошло в книгу Д. Бедного «Вклад», Госфиниздат, М. 1934.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

И до челюскинского льда, где мы спасли своих героев...—См. примечание к стихотворению «Всепобеждающее геройство».

Магниткой сделано воззвание...— Имеется в виду опубликованное в «Правде», 1934, № 101, 12 апреля, письмо ударников Магнитостроя, адресованное Совету Народных Комиссаров СССР и всем трудящимся. В письме говорилось: «По инициативе доменщиков мы, рабочие и инженерно-технические работники Магнитостроя, обращаемся к правительству с просьбой выпустить заем второго года второй пятилетки. Мы уверены, что все трудящиеся Советского Союза единодушно поддержат наше предложение». Инициатива магнитогорцев была дружно поддержана трудящимися СССР.

П р я н и к н а м е д у... (стр. 180).— Опубликовано в книге «Удар по врагу», 1935.

Текст печатается по одному тому 1937 г., где датирован 26 апреля 1934 г.

У в е р е н н а я с и л а (стр. 188). — Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 121, 4 мая. Вошло в книгу «Очередное», 1935. Стихотворение посвящено встрече руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с участниками первомайского парада в Москве. Встреча, на которой присутствовали две тысячи командиров и красноармейцев, состоялась 2 мая 1934 г. в залах Большого Кремлевского дворца.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

В с е п о б е ж д а ю щ е е г е р о й с т в о (стр. 189).— Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 166, 18 июня. Написано в

связи с приездом в Москву экипажа советского ледокола «Челюскин» и участников экспедиции по спасению челюскинцев.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

13 февраля 1934 г. в Чукотском море ледоход «Челюскин» потерпел аварию; сжатый льдами, корабль потонул. Весь экипаж организованно высадился на лед и благодаря мерам, принятым правительством, был переброшен на берег с помощью самолетов. 14 апреля правительственная комиссия рапортовала Центральному Комитету партии и Совету Народных Комиссаров СССР об успешном окончании операции по спасению челюскинцев. Отличившимся при операции летчикам было присвоено звание Героев Советского Союза.

Н а ш а р о д и н а (стр. 191).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1934, № 177, 1 августа, среди материалов, посвященных двадцатилетию со дня начала первой мировой войны. Вошло в книги: «Очередное», 1935, и «Избранное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Г е р о и ч е с к а я р о д и н а (стр. 192).— Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 296, 26 октября, в подборке стихотворений Д. Бедного «Накануне выборов в Советы». Вошло в книгу «Очередное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

С и м ф о н и я М о с к в ы (стр. 194).— Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 309, 10 ноября. Вошло в книги: «Очередное», 1935 (где названо «Архитектурная симфония»), и «Избранное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Я р о с т ь о б р е ч е н н о с т и (стр. 196).— Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 331, 2 декабря. Перепечатано в журнале «Красная новь», 1934, № 12, декабрь. Вошло в книгу «Удар по врагу», 1935. Написано в связи с сообщением о злодейском убийстве С. М. Кирова троцкистско-зиновьевскими бандитами.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

К о т в е т у ! (стр. 197).— Впервые опубликовано в «Правде», 1934, № 352, 23 декабря. Вошло в книгу «Удар по врагу», 1935. Кроме того, первая часть стихотворения (21 строка) напечатана отдельно, под названием «Есть радость в творческом горенье», в сборнике «Очередное», 1935.

Написано в связи с окончанием предварительного расследования по делу о злодейском убийстве С. М. Кирова врагами народа.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Ч уд е с н о е п и с ь м о (стр. 199).— Произведение завершает собою сборник того же названия, изданный в 1934 г. Вошло также в книгу «Удар по врагу», 1935.

В седьмой главе приведены тринадцать строк из стихотворения Н. А. Некрасова «Тройка». Курсив в этой цитате принадлежит Д. Бедному.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

В к л а д (стр. 212).— Выпущено отдельным изданием (с включением стихотворения «Даем!!»), Госфиниздат, М. 1934. Вошло в книгу «Чудесное письмо», 1934. Кроме того, отрывок под названием «Под стать эпохе» помещен в газете «Экономическая жизнь», 1936, № 17, 30 января, и глава «Образцовая семья» — в однотомнике 1937 г.

Текст (за исключением 2-й главы) печатается по книге «Чудесное письмо», 1934; глава 2-я «Образцовая семья» — по однотомнику 1937 г.

1 9 3 5

Д о н о в о й в с т р е ч и (стр. 234).— Впервые опубликовано в «Правде», 1935, № 48, 18 февраля. Вошло в книги: «Очередное», 1935, и «Избранное», 1935.

Стихотворение посвящено 2-му Всесоюзному съезду колхозников-ударников, проходившему в Москве с 11 по 17 февраля 1935 г.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П р и в е т р а с т у щ е й с и л е (стр. 237).— Впервые опубликовано в «Правде», 1935, № 66, 8 марта, в Международный женский день.

Текст печатается по книге «Избранное», 1935.

П р и с о в е т с к о й в л а с т и с т а л о с я , о ч е м п р е ж д е в с к а з к а х м е ч т а л о с я (стр. 239).— Впервые опубликовано в «Правде», 1935, № 110, 21 апреля.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

Р а д з и в и л л о в с к и й « к р а к о в я к » (стр. 242).— Впервые опубликовано в «Правде», 1935, № 149, 1 июня. Стихотворение разоблачает сотрудничество реакционных деятелей панской Польши с германскими фашистами.

Текст печатается по книге «Очередное», 1935.

О « д о б р о т е » (стр. 244).— Впервые опубликовано в «Правде», 1935, № 173, 25 июня.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Живое звено (стр. 250).— Опубликовано в «Правде», 1935, № 243, 3 сентября, откуда и печатается текст. Посвящено памяти выдающегося французского писателя, члена Коммунистической партии, борца за мир, Анри Барбюса, умершего в Москве 30 августа 1935 г.

Красноармеец Иванов (стр. 251).— Впервые повесть опубликована в «Правде», 1935, № 273, 3 октября. Пятнадцатилетие взятия Перекопа советскими войсками исполнилось 9 ноября 1935 г. Повесть выпущена отдельной книгой в изд. «Советский писатель», М. 1936.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Бессмертная колонна (стр. 263).— Впервые опубликовано в «Правде», 1935, № 319, 20 ноября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Не вчера ли бурлила в кремлевском дворце...— Имеется в виду Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев промышленности и транспорта, проходившее в Большом кремлевском дворце с 14 по 17 ноября 1935 г. В совещании участвовало три тысячи передовиков производства.

Кого мы били (стр. 265).— Впервые издано отдельным плакатом с рисунками художников Кукрыниксы (ИЗОГИЗ, М. 1935). В сопровождении тех же рисунков напечатано в газете «Красная звезда», 1936, № 43, 22 февраля, в канун XIV годовщины Красной Армии. Рисунки и текст составили также альбом «Кого мы били», выпущенный ИЗОГИЗом в 1937 г.

В тексте частично использован стихотворный цикл «Тени прошлого», написанный Д. Бедным в 1933 г. (впервые напечатан в «Правде», 1933, № 308, 7 ноября, с рисунками художников Кукрыниксы; вошел в книгу: В. Маяковский и Д. Бедный, «Тени прошлого», ГИХЛ, М. 1934). Из цикла «Тени прошлого» в цикл «Кого мы били» целиком вошли стихотворения (являвшиеся ранее отдельными строфами): «Колчак», «Анненков», «Юденич» и частично — «Деникин» (8 строк от слов «Дорвался почти до Тулы»), «Врангель» (первые 10 строк приводимого текста), а также концовка (от слов «Мы с улыбкою презренья...»).

В цикле «Кого мы били» Д. Бедный объединил тринадцать сатирических портретов главарей белогвардейщины, пытавшихся в 1917—1920 гг. потопить в крови Октябрьскую революцию и восстановить помещичье-буржуазные порядки.

Текст печатается по альбому «Кого мы били», 1937.

1936

Новый год (стр. 271).—Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 2, 2 января.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Первое слово (стр. 273).— Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 38, 8 февраля.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Цветы и корни (стр. 275).— Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 101, 11 апреля.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Х съезд ВЛКСМ начал свою работу 11 апреля 1936 г. в Москве. Съезд утвердил программу и устав ВЛКСМ, принял резолюцию о работе комсомола в школе, избрал центральные органы ВЛКСМ.

В защиту басни (стр. 282).— Впервые опубликовано в «Литературной газете», 1936, № 29, 20 мая.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Белинский, басенки Крылова разобрав... — Имеются в виду рецензии великого русского критика на издания басен Крылова, вышедшие в 1835, 1840, 1843, 1847 гг., где В. Г. Белинский называл Крылова «Пушкиным русской басни», указав, что он «первый сообщил ей высокую художественность и внес в нее подлинную народность». Более развернуто о том же Белинский писал в статье «Иван Андреевич Крылов».

О сотрудничестве Д. Бедного в большевистских газетах дооктябрьских лет «Звезда» и «Правда» и о работе его над басней в этот период см. вступительную статью и примечания к 1 тому настоящего издания.

Вождю, партии, родине (стр. 285).—Опубликовано в «Правде», 1936, № 140, 23 мая, откуда и печатается текст. Написано в ответ на поздравления, полученные Д. Бедным в связи с исполнившимся 20 мая 1936 г. двадцатипятилетием работы поэта в большевистской печати. В связи с этой датой в день юбилея в «Правде» было опубликовано приветствие Д. Бедному от ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР.

Художник, боец, друг (стр. 286).— Опубликован в «Правде», 1936, № 167, 19 июня, откуда и печатается текст. Написано в связи с известием о смерти А. М. Горького. В день похорон писателя Д. Бедным написано также стихотворение «Ты будешь вечно с нами» («Правда», 1936, № 169, 21 июня).

Фашизм — это война (стр. 287). — Опубликовано в газете «Ленинградская правда», 1936, № 175, 1 августа, откуда и печатается текст.

По щ а д ы н е т! (стр. 288). — Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 230, 21 августа. Написано в связи с судебным процессом над врагами народа Каменевым, Зиновьевым и другими участниками контрреволюционной террористической организации, одним из злодеяний которой было убийство С. М. Кирова. Процесс обнаружил непосредственную связь банды убийц и шпионов со злейшим врагом советского народа Троцким и с органами фашистской разведки.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Н а т о м с т о и м! (стр. 291). — Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 233, 24 августа. Написано в связи с тем же судебным процессом, которому посвящено предыдущее стихотворение.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Де Брукер, Адлер, Ситрин, Шевенельс — социал-предатели, руководители партий правых социалистов в зарубежных странах. В период процесса над троцкистско-зиновьевской бандой они пытались взять преступников под свою защиту.

Д у е д и н а я в о л н а (стр. 293). — Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 245, 5 сентября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Весь народный фронт испанский... — В феврале 1936 г. в Испании на выборах в кортесы (парламент) победили партии Народного фронта; было образовано правительство Народного фронта.

П р и в е т! (стр. 298). — Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 298, 28 октября, и в «Ленинградской правде», 1936, № 249, 28 октября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Х э й! или «доктор голода» (стр. 300). — Впервые опубликовано в «Правде», 1936, № 310, 11 ноября.

В первой строфе стихотворения говорится о героической борьбе испанского народа против германских и итальянских интервентов.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

А т а к и е т и п ы е с т ь! (стр. 305) — Опубликовано в журнале «Большевистская печать», 1937, № 1, январь.

Датировано 1936 г. Печатается по тексту журнала.

Стальная крепость (стр. 307).—Впервые опубликовано в «Правде», 1937, № 28, 29 января. Написано в связи с судебным процессом над врагами народа, объединившимися в «параллельном» центре для борьбы с Советской властью и с Коммунистической партией.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Твое бессмертие в бессмертье наших дел! (стр. 311).—Впервые опубликовано в «Правде», 1937, № 49, 19 февраля. Написано в связи с кончиной С. К. Орджоникидзе.

«Смерть товарища Орджоникидзе — дорогого для всей партии, рабочего класса СССР, трудящихся всего мира, безусловно чистого и стойкого партийца, большевика, отдавшего свою славную, героическую жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, — говорилось в извещении Центрального Комитета партии, — является тяжчайшей потерей для всей партии и Советского Союза» («Правда», 1937, № 48, 18 февраля).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Новикову - Прибою (стр. 312).—Впервые опубликовано в «Литературной газете», 1937, № 16, 26 марта, откуда и печатается текст.

Написано к шестидесятилетию А. С. Новикова-Прибоя.

«Цусима» — роман А. С. Новикова-Прибоя, написанный в советские годы.

Силыч — Алексей Силыч (имя и отчество писателя).

«Правда» (стр. 313).—Поэма опубликована в «Правде», 1937, № 122, 5 мая, откуда и печатается текст: Написана к 25-летию «Правды» (см. примечание к стихотворению «Правде»).

«Новое время» — реакционно-монархическая газета.

«Речь» — орган буржуазно-помещичьей партии кадетов.

«Современное слово» — либерально-буржуазная газета, «Газета-копейка» — бульварная газета, «Луч» — орган меньшевиков.

Билет варшавской лотереи... — Здесь Д. Бедный приводит полностью свое стихотворение «Газета-копейка», впервые напечатанное в «Северной правде», 1913, № 9, 11 августа (вошло в 1 том настоящего издания).

Боевому комсомолу (стр. 318). — Опубликовано в «Комсомольской правде», 1937, № 101, 5 мая, откуда и печатается текст. Написано к 25-летию «Правды».

Со слов «Полна страданий наших чаша» Д. Бедный приводит полностью свое стихотворение (без названия, напечатанное в первом номере «Правды» за 1912 г.); при этом автор несколько видоизменяет последнюю строку, которая в первоначальной редакции читалась так: «За правду — наш победный стяг!»

Р о ж д е н н ы е л е т а т ь (стр. 320).— Впервые опубликовано в «Правде», 1937, № 170, 22 июня, откуда и печатается текст.

Эпиграф — из «Песни о соколе» М. Горького.

Написано в связи с крупной победой, одержанной советской авиацией: 18—20 июня 1937 г. летчики, Герои Советского Союза В. Чкалов, Г. Байдуков и А. Беляков совершили прямой беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка и благополучно приземлились на аэродроме близ Портланда (штат Вашингтон).

В тот день, когда ордой фашистских палачей столицы лишены отважнейшие баски...— Имеется в виду известие о занятии фашистскими войсками города Бильбао в Испании.

Н а ш и к р ы л ь я (стр. 322).— Впервые опубликовано в газете «Рабочая Москва», 1937, № 170, 27 июля, откуда и печатается текст. Посвящено тем же событиям, что и предыдущее стихотворение.

Г е р о и ч е с к а я п а м я т к а (стр. 324).— Впервые опубликовано в газете «Рабочая Москва», 1937, № 174, 1 августа.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Громов М. М. и Чкалов В. П.— выдающиеся советские летчики, совершившие дальние трансарктические перелеты.

Об Александре Невском строки...— Имеется в виду следующее место в «Хронологических выписках» Карла Маркса:

1240. *Александр (князь Новгородский)* разбил шведов на Неве, откуда его прозвание *Невский*.

1242. *Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lumpaci) были окончательно отброшены от русской границы»* (Архив Маркса и Энгельса, т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 344).

«С и р о т с к а я д о л я» (стр. 328).— Опубликовано в однотомнике 1937 г. (с датой «сентябрь 1937 г.»), откуда и печатается текст.

Р а б о ч и й о т д ы х в с т а р и н у и т е п е р ь (стр. 331).— Впервые опубликовано в газете «Труд», 1937, № 243, 22 октября.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

С т о л и ц а — н а р о д (стр. 333).— Опубликовано в однотомнике 1937 г. (с датой «7 ноября 1937 г.»), откуда и печатается текст.

«Двенадцатого декабря» — дата первых выборов в Верховный Совет СССР, проводившихся после принятия Конституции СССР.

Н а р о д н ы е д в о р ц ы (стр. 336).— Опубликовано в однотомнике 1937 г., откуда и печатается текст. Написано, повидимому, в ноябре 1937 г.

Царская Дума —ограниченное в правах представительное учреждение, созданное царским правительством в ходе революции 1905—1907 гг. Состояла преимущественно из представителей крупных помещиков и буржуазин.

1938 — 1940

У р а л ь с к и е с к а з ы (стр. 339).— Впервые опубликовано в журнале «Смена», 1951, № 4, апрель. При жизни автора не публиковалось. Написано в 1939 г. как вступление в цикл стихотворных переложений уральских сказов Бажова.

Текст печатается по машинописному экземпляру, исправленному Д. Бедным.

Бажов П. П. — советский писатель, в 1924 г. выпустил книгу «Уральские были», за которой последовал ряд книг, посвященных быту старого и нового Урала. В 1936 г. П. Бажов приступил к работе над уральскими сказами, которые были объединены им в 1939 г. в книге «Малахитовая шкатулка»; в них воспета радость созидательного труда и неиссякаемая творческая энергия народа. Сказы Бажова произвели большое впечатление на Д. Бедного: в том же, 1939 году он переложил в стихи двенадцать сказов и две легенды, вошедшие в книгу «Малахитовая шкатулка», и предпослал им стихотворение «Уральские сказы». В небольшой заметке, которой Д. Бедный сопроводил рукопись, он писал о Бажове: «Это подлинный «горный мастер» фольклорного цеха! Словесная его одаренность и знание областной речи таковы, что я напрягал все усилия, только бы не уронить ни одного из тех словесных изумрудов, которые так щедро рассыпаны в его записях». Д. Бедный признавался, что над стихотворным переложением сказов он работал «с напряжением, порой изнурительным, и черпал недостающие силы в самом материале, в этих чудесных героических сказах о страданиях и борьбе доблестных предков нынешнего счастливого поколения уральцев» («Смена», 1951, №4).

М а с т е р с т в о (стр. 342).— Текст представляет собой стихотворное переложение одного из уральских сказов П. П. Бажова (см. примечание к предыдущему стихотворению). Написано в 1939 г., просмотрено автором в июле 1941 г. Вместе с другими сказами Бажова, переложенными в стихи должно было составить книгу «Горная порода, эпопея», как значится на титульном листе машинописного экземпляра, сохранившегося в архиве Д. Бедного (на экземпляре имеются пометки и подпись автора). Книга не была издана. Текст печатается по названному экземпляру.

В Полевой... — Имеется в виду Полевский завод на Урале, где одно время жил П. П. Бажов и где им был записан ряд сказов.

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 3 0

Классовый суд	5
«Процветанье»	6
Почему это случилось	7
Грехи простиные и непростиные	8
Роковая тяжба	9
Диво-дивное, коллективное	10
Красноармеец в колхозе	11
Два билета	12
«Прощай, белогвардейская жизнь!».	13
Революционная молния	16
Развиваем ход!	17
Общепролетарское дело	18
Старые куклы	21

1 9 3 1

О писательском труде	24
Электро-жар-птица	30
Вместо привета	33
«Перекопская»	34
Уберем с пути	37
«Общий блок»	39

«В Америке нет рабского труда»	42
До решительной...	45
За технику и за учебу!	47
Новая победа	50
Потонут!	51
Новые времена — новые песни	53
Вытянем!!	55
Боевой «Комсомолке»	66
«Темпа не сдам!!».	68
Немецкая ступа	71
Трагедия и фарс	73
Мимо... мимо!..	75
Поэтический привет поэту А. Жарову	78
Мировые судьи	79
Бойцам за красную жизнь	81
Дорога гигантов	83
Перед грозой	84
Смелей!	93
Жить и работать!	95

1 9 3 2

К победе — полный ход!!	96
Свиной остров	97
«Задули»	102
«Правде»	103
Пороги	104
Есть за что	109

1 9 3 3

Подрез	110
Максы-Морицы на работе	114
На страже мира и культуры	116
Еж	118
Пчела	120
Лодырская судьба	121
Наши первоцветы	123
Героям, строителям Челябинского тракторного завода	124
Клад	125
Крепче с новым урожаем!	127

Слепой Афоня	134
Борьба за урожай	137
Испагань	140
Быть впереди	142
Две темы	144
На новую ступень	150
Мой рапорт XVII съезду партии	151
Есть к урожаю путь прямой — к весне гото- виться зимой	154
Ласковый привет	156

1 9 3 4

Осо-богатырь	158
Клянемся!	161
Ультракороткая волна	163
Определенно!	166
Калиныч	171
Даем!!	174
Пряник на меду...	180
Уверенная сила	188
Всепобеждающее геройство	189
Наша родина	191
Героическая родина	192
Симфония Москвы	194
Ярость обреченности	196
К ответу!	197
Чудесное письмо	199
Вклад	212

1 9 3 5

До новой встречи	234
Привет растущей силе	237
При советской власти сталося, о чем прежде в сказках мечталось	239
Радзивиловский «краковяк»	242
О «доброте»	244
Живое звено	250
Красноармеец Иванов	251
Бессмертная колонна.	263
Кого мы били	265

1936

Новый год	271
Первое слово	273
Цветы и корни	275
В защиту басни	282
Вождю, партии, родине	285
Художник, боец, друг	286
Фашизм — это война	287
Пощады нет!	288
На том стоим!	291
Двуединая волна	293
Привет!	298
Хэй! или «доктор голода»	300
А такие типы есть!	305

1937

Стальная крепость	307
Твое бессмертие в бессмертье наших дел!	311
Новикову-Прибою	312
«Правда»	313
Боевому комсомолу	318
Рожденные летать	320
Наши крылья	322
Героическая памятка	324
«Сиротская доля»	328
Рабочий отдых в старину и теперь	331
Столица — народ	333
Народные дворцы	336

1938—1940

Уральские сказы	339
Мастерство	342
ПРИМЕЧАНИЯ	385

Редактор *К. Платонова*
Художник *Н. Шишловский*
Художеств. редактор *Н. Мухин*
Технич. редактор *Д. Ермоленко*
Корректоры: *В. Брагина* и
Л. Бунчукова

*

Сдано в набор 15/1 1954 г. Подпи-
сано к печати 16/IV 1954 г. А01073.
Бумага 84×108^{1/32} — 25,75 печ. л. =
= 21,11 усл. печ. л. 17,95 уч.-изд. л.
+ 1 вкл. = 18 л. Тираж 75 000.
Заказ № 948. Цена 10 р.

Гослитиздат,
Москва, Ново-Басманная, 19

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28

